К26
к 26

РАССКАЗЫ О СТРАНАХ ВОСТОКА

Н. М. КАРПОВИЧ

ДОРОГА В МУСТАНГ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. М. КАРТОВИЧ

ДОРОГА В МУСТАНГ

Из непальских тетрадей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

91 (И5)
К 26

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), *А. Б. ДАВИДСОН*,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
и автор предисловия
А. А. ПРАЗАУСКАС

Карпович Н. М.

К 26 Дорога в Мустанг (Из непальских тетрадей). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

192 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Эта книга о современном Непале, его городах, храмах, животном и растительном мире. Автор повествует о народностях Непала, о быте, нравах, обычаях его населения. В работе рассказывается также о полном приключений путешествии автора из Катманду в Бхайраву (город на границе с Индией), затем на север, в Тансен, в Покхару и далее через Гималаи в Джомсом, на Тибетское нагорье.

К $\frac{20901\text{-}214}{013(02)\text{-}78}$ 130-78 **91(И5)**

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Королевство Непал расположено в Гималаях, в центральной части Азии, однако в наши дни оно относится к числу наиболее доступных и открытых стран континента. Предлагаемая вниманию читателя книга вполне подтверждает этот факт, хорошо известный многим туристам, альпинистам и хиппи. Чтобы лучше изучить страну, Н. Карпович (ныне преподаватель Института стран Азии и Африки при МГУ) вместе с двумя своими спутниками пересекла почти все королевство. Значительная часть пути, которую им пришлось преодолеть пешком, шла по горным тропам и ущельям.

В Азии можно насчитать лишь несколько государств, где иностранцам не запрещено свободно передвигаться по стране на свой страх и риск. Так происходило, однако, далеко не всегда. Еще лет тридцать назад любому иностранцу, за исключением индийцев и тибетцев, проникнуть в Непал было почти невозможно. Колониальные власти Индии и правители Непала практически закрыли доступ чужеземцам в королевство, и оно заслуженно пользовалось репутацией «запретной страны». Непал не был колонией, однако изоляция от внешнего мира и бюрократическая деспотия обрекли эту древнюю страну на отсталость. Если в VII—VIII вв. цивилизованных китайских паломников восхищали великолепные непальские храмы и дворцы, то в 1950 г. Непал поражал иностранных журналистов своим средневековым образом жизни. Достаточно сказать, что к тому времени в королевстве не существовало ни одной автомобильной дороги, лишь три процента населения умели читать и писать и сравнительно недавно, в 1924 г., было отменено рабство.

Распад колониальной системы и, прежде всего, провозглашение независимости соседней Индии оказали

большое влияние на ход событий в Непале. Сторонники реформ, заручившись поддержкой Индии и собственного короля, в 1951 г. свергли династию премьер-министров Рана.

Свержение «ранакратии» не решило, да и не могло решить важнейшей проблемы — проблемы преодоления многовековой отсталости. Обстановка в стране длительное время оставалась крайне неустойчивой. Борьба за власть и влияние между различными группировками и партиями завершилась в декабре 1960 г. победой монархии. Политические партии в Непале с тех пор запрещены. Вся исполнительная и законодательная власть принадлежит королю. Королевская власть осторожно проводит политику модернизации социально-экономической структуры, осуществляет плановое развитие хозяйства, а в области внешней политики придерживается курса неприсоединения к блокам.

Уже к концу 50-х годов правительство Непала покончило с политикой самоизоляции и установило дружественные отношения со многими странами мира. Расширение внешнеполитических связей имело для Непала особое значение. Экономическая и техническая помощь, оказанная Непалу соседними и развитыми странами (вплоть до Швейцарии и Дании), сыграла большую роль в осуществлении пятилетних планов, в строительстве дорог и электростанций. С помощью Советского Союза построены первые предприятия в государственном секторе.

За несколько десятилетий в гималайском королевстве произошли большие изменения, особенно в городах. Но девяносто пять процентов непальцев до сих пор живут в деревнях. В большинстве высокогорных деревень уже открыты начальные школы, созданы *панчаяты* (советы) и предпринимаются попытки провести аграрную реформу. Однако здесь много старого, традиционного. Жилища, орудия труда, обычаи непальцев почти не изменились за несколько веков.

«Дорога в Мустанг» завела автора книги в глухие горные деревушки и дала возможность увидеть «настоящий» Непал, далекий от столичного блеска Катманду. Значительная часть описываемого маршрута проходила по одному из важнейших торговых путей в Тибет, через территорию бывших княжеств Палпа, Сьянгджа, Каски,

Парбат. В XVIII в. всё эти княжества вошли в состав централизованного непальского государства, но следы былой раздробленности и различия в культуре и в языке продолжают сохраняться. Путешественник, поднимаясь из Покхары в Мустанг, может наглядно наблюдать, как сфера индуистской культуры постепенно переходит в зону с преобладающим влиянием культуры соседнего Тибета.

Н. Карпович и ее спутникам не удалось достичь конечной цели своего путешествия — бывшего княжества Мустанг, или Ло. Оно было преобразовано в округ административной зоны Палпа (ныне — Дхаулагири) лишь в 1952 г., и даже после этой даты правитель княжества, возведенный в ранг подполковника непальской армии, сохранял почетный титул раджи. Ло — северная часть округа Мустанг — находится за Главным Гималайским хребтом, на каменистом и холодном Тибетском нагорье. Немногочисленное население Ло сосредоточено в долинах. По языку, материальной и духовной культуре *лоба* (жители Ло) существенно не отличаются от тибетцев. Подробнее о Мустанге читатель может узнать из книги французского путешественника Мишеля Песселя «Путешествия в Мустанг и Бутан» (М., 1978).

Маленький Непал отличается удивительным многообразием ландшафтов, культурных типов, языков. Книга Н. Карпович наряду с описанием Долины Катманду, уже известной многим читателям по очеркам ряда зарубежных и советских авторов, дает общее представление о самой высокогорной стране в мире.

А. Празаускас

Столица

В 1970 г. после окончания Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова меня направили в Непал, в его столицу Катманду, на стажировку в Трибхуванский университет. Цель моей поездки — изучить непали — государственный язык Непала.

Немногим более десяти часов полета — и я в незнакомой стране на севере Южной Азии, в самом сердце Гималаев — высочайшей горной системы нашей планеты.

Я попала в Непал в июле, в период муссонов. Сутками шли теплые проливные дожди...

Прошло около двух месяцев. Наступила осень.

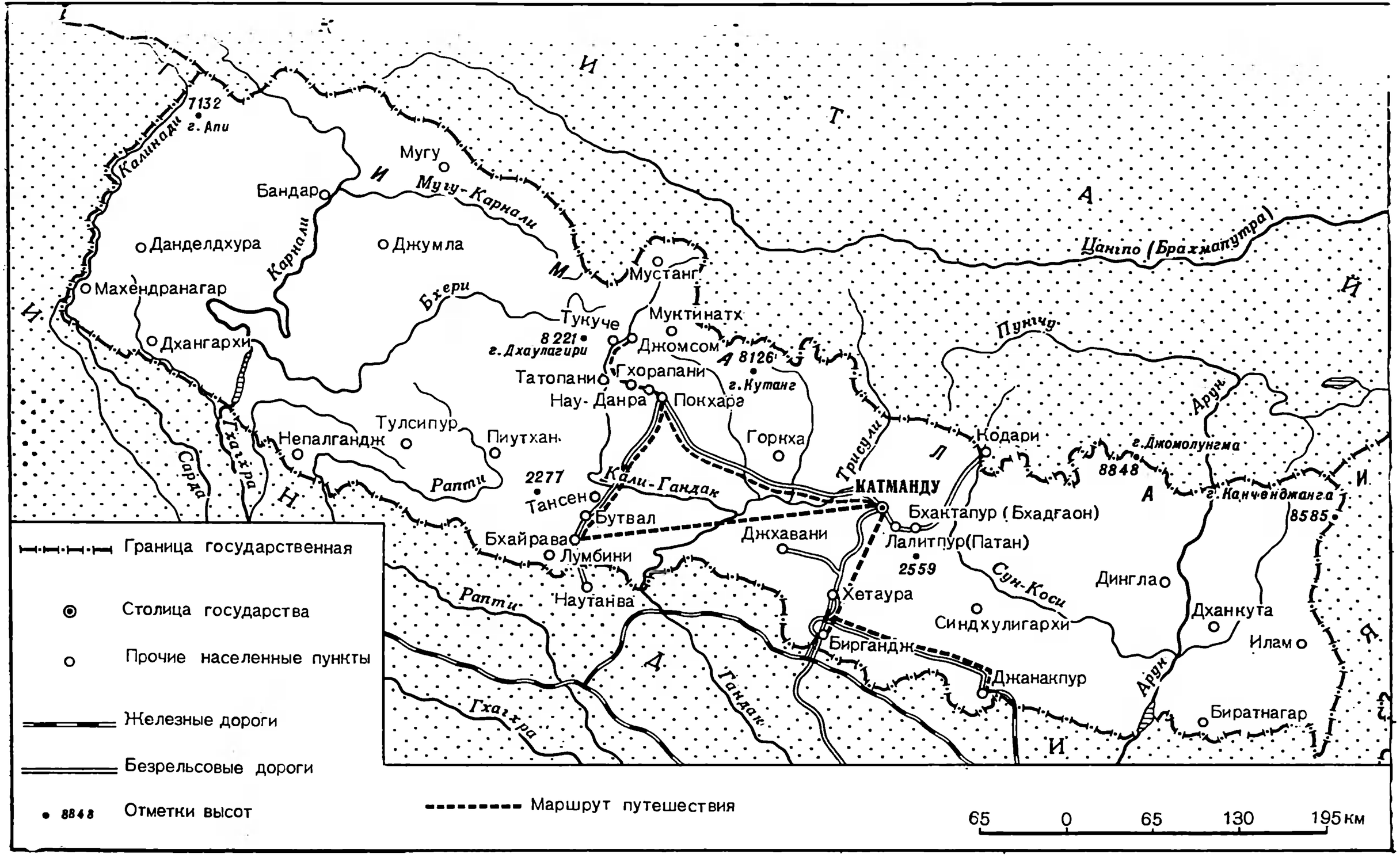
Стоял четырнадцатый день светлой половины лунного месяца *бхадр*. Шел 2027 год эры Бикрама. Жители Катманду отмечали третий день великого праздника Индра-джатра.

В столице и в других городах Долины Катманду праздничное оживление царило задолго до начала Индра-джатры.

Люди спешили привести в порядок жилье, совершить приношения богам, приготовить подарки родным, сделать покупки.

И вот настал день Ананта Чатурдаши — кульминация семидневного праздника.

Богиню ожидали с восхода солнца. Люди стекались со всех концов Долины. Заняты уже были все доступные «высоты»: окна, балконы, плоские крыши, редкие здесь, в старом городе, деревья, многоступенчатые платформы храмов. Последние были особенно удобны, и



Карта-схема Непала

тот, кто сумел устроиться в этом импровизированном амфитеатре, заранее радовался.

С утра воздух был прохладным, приятно бодрящим, но к десяти часам он стал накаляться. На чистом голубом небе кое-где виднелись легкие облака. Сильные лучи солнца косо прошивали загроможденную храмами древнюю площадь.

Толпа все прибывала и прибывала. Кого здесь только не было: индуисты и буддисты; брахманы, чхетри * и простые джьяпу **; коренные жители Долины — невары, гости из западной части страны — магары и гурунги; приехавшие из тераев *** южане и спустившиеся с северных гор шерпы; широкоскулые тибетцы в темных национальных одеждах.

Мелькают оживленные туристы, увешанные фото- и киноаппаратами, и только хиппи демонстрируют отрешенность и равнодушие.

Площадь, как и радикально расходящиеся от нее узкие улочки, забита до отказа.

На широком балконе дворца для приемов — Гадди Бейтхак появились высшие правительственные чиновники Непала, члены дипломатического корпуса. Прибыл и наследный принц Бирендра со своей молодой супругой и свитой.

Всеобщее возбуждение достигает предела. После исполнения ритуальных танцев демонов танцоры (мужчины в ярких желто-красно-зеленых одеждах и масках) получают от кронпринца традиционное вознаграждение и почтительно отступают к воротам нарядного двухэтажного красно-белого здания с красивыми резными рамами и наличниками. Это Кумари Бахаль — резиденция богини. Все поворачивают головы в одну сторону.

Пять минут... Десять... Ворота наконец распахиваются, и появляется богиня...

Толпа на какое-то мгновение замирает, потом импульсивно подается вперед... И, как накатившая волна, откатывается назад, уступая место торжественной процессии. Богиню Кумари Дэви почтительно несут на носилках жрецы и прислужники. Затем столь же торжест-

---

* Брахманы, чхетри — высшие касты.
** Джьяпу — неварские крестьяне.
*** Тераи — северная часть Индо-Гангской низменности.

вечно появляются два мальчика — живые боги — Ганеш (бог мудрости и благополучия) и Бхайрав (суровый и воинственный, воплощение Шивы).

Кумари Дэви, Ганеша и Бхайрава проносят через сплошной людской коридор, осторожно сажают в огромные деревянные, богато украшенные колесницы.

Рядом с каждым из «живых» богов усаживается жрец. Мужчины «впрягаются» в колесницы, и те, слегка покачавшись, трогаются с места. Приветственно поднимаются руки, щелкают затворы фото- и кинокамер. Боги объезжают древний город Катманду...

Основанный в VIII в., город этот называли раньше «Кантипур», что в переводе с санскрита означает «Город красоты». Свое нынешнее название столица получила после того, как в XVI в. один из королей неварской династии Малла приказал выстроить здесь дом для паломников. По преданию, он был срублен из цельного куска дерева и назван «Каштхамандап» (*каштха* — «дерево», *мандап* — «здание», «обитель»). «Деревянная обитель» и по сей день стоит посреди одной из площадей старого города. Это здание считается самым старым деревянным сооружением.

Оно и дало столице новое имя — Катманду, искаженное «Каштхамандап». Главный и самый крупный в королевстве Непал город с населением почти двести тысяч человек расположен в обширной долине того же названия. Она лежит в центральной части Непала на высоте около тысячи четырехсот метров.

Долина Катманду, она же Большая, или Непальская, плотно окружена горами. К югу от Долины с запада на восток протянулся хребет Махабхарат. Площадь его составляет восемнадцать тысяч квадратных километров, то есть двенадцать с половиной процентов общей площади Непала. На севере гигантской стеной встал Главный Гималайский хребет. Он занимает площадь в тридцать тысяч квадратных километров, что составляет 20,8 процента всей площади страны.

Горные хребты в прошлом затрудняли доступ в Большую Долину. И все же ее посещали чужеземцы.

Так, в древних хрониках записано, что еще в III в. до н. э. в Долине побывал великий индийский импера-

тор Ашока, который возвел молодую тогда религию буддизм в ранг государственной. Ашока совершил паломничество в Лумбини, на юг современного Непала, где, по преданию, в 563 г. до н. э. родился Будда. На этом месте император в память о своем посещении приказал воздвигнуть колонну.

Зачем посетил Ашока Большую Долину, сказать трудно. Да и был ли он там? Ученые не уверены. Впрочем, рядом с Катманду в окрестностях города Патан, который в былые времена назывался «Лалитпур», сохранились четыре буддийских памятника — ступы * — гигантские шаровидные, поросшие дерном насыпи, наверху приобретающие форму конуса.

Считается, что эти ступы, как и колонну в Лумбини, приказал построить император Ашока. Но если его визит в Большую Долину подвергается сомнению, то пребывание в Долине дочери Ашоки принцессы Чарумати принято считать точно установленным фактом. Проповедница буддизма, она основала здесь большой монастырь и жила в нем до конца своих дней.

Итак, в Большую Долину проникали чужеземцы. Иногда как друзья, иногда как враги. С севера — из Тибета и с юга — из Индии. Долина знала столетия расцвета и упадка, годы разрушения и подъема. Она стала историческим ядром государства.

Китайские путешественники писали о Кантипуре как о прекрасном городе, где жители селятся в красивых многоэтажных домах, ходят на молебны в богатые золотые храмы, а правители живут в великолепных дворцах.

Проходили годы, эпохи, и вместе с ними менялось восприятие города. Из книги в книгу кочует известное высказывание о Катманду англичанина Д. Райта, который писал в 1877 г.: «Улицы очень тесные, фактически это просто узкие проходы, и город в целом очень грязный. В каждом переулке — непроточная канава, полная гниющих отбросов, и никто даже не пытается вычистить ее.

... Дома обычно имеют квадратную форму с внутренним двором; на улицу ведет низкий дверной проем. В эти внутренние дворы часто сваливают ненужный

---

* Ступа — буддийский мавзолей, помещение для священных реликвий.

хлам и мусор. Короче говоря, можно сказать, что Катманду построен на отхожих местах» *.

Прошло немногим более полувека, и вот что написал о своем городе известный непальский историк Дилли Раман Регми: «Сам Катманду, главный город Непала, не слишком отличается от окружающих его отсталых районов. Он выглядит как средневековый, опустошенный город, холодный, как смерть. Какой-то болезненный мрак навис над ним. Во всем Непале это единственный город, достойный называться городом. Двухтысячелетняя история Катманду была невероятно славной, а искусство и архитектура, запечатленные в храмах прошедших времен, являются свидетельством того, чего достигли предки современных непальцев. Это говорит о том, что Катманду был средоточием высокой культуры, самобытной, передовой и утонченной. Но все это прошлое умерло, и лишь кое-где его останки торжественно напоминают о гордых днях, которые прошли. Ныне Катманду заброшен...

...Средневековье было болезнью, которая его сгубила» **.

Не станем опровергать эти утверждения. Мы не современники Дэниэла Райта и не видели Катманду XIX в.

Не видели мы и Катманду 1952 г. — времени, когда Дилли Раман Регми, ученый, трудами которого так охотно пользуются все, кто хочет познакомиться с Непалом и его историей, писал свои горькие слова о столице Непала. То было трудное время. Непал только что сбросил с себя цепи столетнего автократического режима Рана—могущественной династии премьер-министров, которые цепко держали страну в своих руках. Непал просыпался после вековой спячки. Небольшое королевство (в период правления Рана с 1846 по 1951 г. власть королей являлась чисто номинальной) было экономически отсталым, феодальным государством, которое долгое время оставалось закрытым для внешнего мира. Свержение в 1951 г. тирании Рана открыло новый период в его истории. Затерянная в Гималаях страна стала знакомиться с миром. Непал начал познавать других и себя...

---

* Цит. по кн.: Джон Моррис. Зима в Непале. М., 1966, с. 19.

** D. R. Regmi. Whither Nepal. Kathmandu, 1952, c. 12.

Прошло двадцать с лишним лет. Как выглядит Катманду теперь? Давайте пройдемся по городу и попробуем ответить на этот вопрос.

Для большинства иностранцев знакомство с Катманду начинается с аэродрома Гаучар, который официально называется Трибхуванским в честь деда нынешнего короля Непала Бирендры. Аэропорт расположен в шести километрах к востоку от столицы. Построенный в 1954 г., он невелик, но вполне современен и работает четко. Катманду связан постоянным воздушным сообщением с крупными городами тераев на юге Непала и с Покхарой на западе. Государственная авиакомпания «Ройял Непал Эйрлайнз» осуществляет постоянные перевозки пассажиров по линиям Катманду — Дели, Катманду — Патна, Катманду — Калькутта (оттуда транзитом в Бангкок) и Катманду — Дакка.

Кроме того, небольшие самолеты и вертолеты совершают рейсы в северные труднодоступные районы Непала в тех случаях, когда необходимо перебросить туда членов гималайских экспедиций, доставить им продовольствие, оказать помощь и т. п. Авиакомпания осуществляет и туристические полеты на север Непала, к величайшей вершине земного шара — Эвересту *. Полет над Гималаями с демонстрацией Эвереста и других гигантов-восьмитысячников (из четырнадцати вершин мира, чья высота превышает восемь тысяч метров над уровнем моря, восемь находятся на территории Непала) продолжается один час. Авиационное сообщение в Непале развивается. Если в 1951 г. в стране был один аэродром, то к 1970 г. их стало уже двадцать четыре.

Из-за сильно пересеченного характера местности (горы занимают шесть седьмых территории страны) в Непале нет железных дорог, за исключением коротких отрезков узкоколейки на равнинном юге, общая длина которых составляет около ста километров.

Главные связи Катманду с другими районами Непала и с внешним миром осуществляются через юг страны. Здесь незаменимой линией сообщения стала шоссейная дорога Трибхуван раджпатх, связывающая Катманду с Бирганджем, крупным торговым центром тераев.

---

* Тибетское название — Джомолунгма, санскритское (наиболее употребительное в Непале) — Сагарматха.

Расстояние между этими двумя городами составляет по прямой восемьдесят пять километров. Но прямого пути, естественно, нет. Когда-то из Бирганджа в столицу добирались пешком или в паланкинах, в которых знатных людей несли босоногие кули *. Путешествие занимало две-три недели. Английский искусствовед Перси Браун, побывавший в Катманду в начале века, назвал эту дорогу «материализованный ночной кошмар».

Почти через пятьдесят лет, в 1956 г., непальцы построили с помощью Индии Трибхуван раджпатх («Магистраль Трибхувана»). Протяженность этой важнейшей в Непале дороги — 225 километров.

Она представляет собой гигантский серпантин, который то поднимается вверх, где лежит сплошной туман и зимой долго не тает снег, то опускается в глубокие долины, где в это же время собирают урожаи картофеля и бобовых.

С западом Непала столица связана стовосьмидесятикилометровой шоссейной дорогой Притхви раджпатх (Катманду — Покхара). А на восток к тибетской границе идет шоссе протяженностью в сто четыре километра («Анико раджпатх»). К 1970 г. общая протяженность всей дорожной сети Непала составила три тысячи километров.

На автомобильные дороги падает основная тяжесть перевозок. Транспортировка продовольствия, сырья, предметов массового потребления на автомашинах обходится намного дешевле других видов доставки грузов. Так, стоимость провоза одной тонны груза на один километр распределяется в Непале в зависимости от средства доставки следующим образом (в непальских рупиях):

Перевозка по железной дороге	**1,0**
на грузовике	**1,3**
на телеге, запряженной буйволом	**4,0**
с помощью вьючного животного (мулы, лошади, яки)	**7,0**
самолетом	**11,0**
Перенос грузов носильщиком	**15,0**

* К у л и — носильщик.

Правительство придает большое значение строительству дорог. Сейчас в тераях, на юге страны идет сооружение крупнейшей магистрали «Восток — Запад», которая свяжет отсталые западные области с более развитыми восточными.

...Двадцать минут езды от аэропорта на машине, и вот уже кончились предместья. Мы в самом городе. Неширокая, но длинная, мощенная крупным булыжником улица Дилли Базар — одна из основных магистралей старой его части. По обеим сторонам — двух-, трех- и четырехэтажные дома из красного кирпича с вкрапленными деревянными пятнами рам, наличников, ставен, балкончиков.

Двери первых этажей открыты настежь с раннего утра и до позднего вечера: здесь разместились лавки, где торгуют мясом. Огромные головы буйволов, баранов и козлов, выкрашенные желто-красным порошком, предохраняющим их от порчи, лежат прямо на улице. Идет торговля овощами, кореньями, фруктами, рисом, маслом, специями.

Проехав по низкому мосту через длинную, зимой пересыхающую речку Тукуча, мы оказываемся на улице Багх Базар — продолжении Дилли Базар, которая здесь, за мостом, меняет свое название. Справа в глубине сада белеет нарядное здание женского учебного заведения Падма Канья колледж, воспитанниц которого можно узнать по коричневато-оранжевым шелковым сари. Чуть дальше из-за невысокой ограды, увитой вечнозеленым кустарником, виднеется небольшой отель «Лео». Слева в первых этажах расположились маленькие магазины галантереи, электротоваров, тканей... Один из них бросается в глаза своей вывеской — «Наташа»...

Багх Базар упирается в небольшую площадь, от которой в разные стороны расходятся основные магистрали непальской столицы. В центре ее на круглой тумбе стоит регулировщик. Движение здесь довольно интенсивное, и ему иногда приходится туго: тут и тяжелые грузовики, и битком набитые старые автобусы, и красивые элегантные машины дипломатов, и юркие такси — старые, выкрашенные «под тигра» и новые желто-красные, и лихие джипы, и энергичные велорикши, и беспечные пешеходы...

Две реки окаймляют Катманду. На востоке — Багмати, на западе — впадающая в нее Вишнумати. Они считаются священными, во-первых, потому, что жители Южной Азии испокон веков обожествляют реки, от которых во многом зависит их жизнь, а, во-вторых, потому (и это, наверное, не менее важно), что неширокая в долине Катманду Багмати катит свои мутноватые воды через весь Непал на юг, где уже на территории Индии впадает в священный Ганг.

Катманду, лежащий между этими реками, делится на старую и новую части. Основные столичные магистрали проходят с северо-востока на юго-запад. Это Рам Шах Патх, Радж Патх и Канти Патх. Их пересекают идущие перпендикулярно улицы, в том числе Дилли Базар и Багх Базар. Таким образом, город делится на многочисленные неправильные четырехугольники. Многие из них представляют собой отдельные городские комплексы. Таковы, например, Бхрикути Мандап — территория выставок и ярмарок; Камалади — район, в котором расположена Королевская непальская академия, или Рани Покхари (Пруд Королевы), где посреди воды стоит небольшой изящный храм. В других случаях это целые жилые кварталы: Наксаль, Гьянешвар и другие.

В начале 30-х годов Катманду сильно пострадал от землетрясения. Этому печальному событию город обязан тем, что его восточная часть практически выстроена заново. Город обновлялся и по случаю более радостных событий: перед коронацией Махендры (в 1956 г.), его сына Бирендры (в 1975 г.), а также к приезду английской королевы (в 1961 г.). В центре Катманду вокруг огромного зеленого поля Тундикхель были, например, срублены старые деревья и посажены новые, а само поле обнесено железобетонной оградой.

Редкие западные очевидцы, которые видели Катманду в начале 50-х годов, часто сокрушаются, что облик чудесного города ныне «испорчен» современными зданиями. Но Катманду растет, перед ним встают новые задачи, и он не может застыть навсегда в старом обличье, подобно изящному храму Шивы, любуясь своим отражением в зеркальной воде Пруда Королевы.

Новая часть города складывается из зданий двух архитектурных стилей: псевдогрекороманского, в котором строили в Катманду в начале XX в., и модерн с

некоторыми элементами современной индийской архитектуры.

Здания первого типа сооружали могущественные Рана, их многочисленные отпрыски и ближайшие родичи. Эти монументальные дома-дворцы, утопающие в зелени и укрытые за высокими оградами, с концом эпохи Рана в 1951 г. по большей части сменили своих знатных владельцев и стали выполнять самые разные функции. Одни — превратились в библиотеки, как, например, Кешар Шамшер Лайбрари, где разместилась великолепная коллекция книг и документов о Непале, которую в течение всей жизни собирал фельдмаршал Кешар Шамшер Джанг Бахадур Рана. Другие — отданы государственным учреждениям и иностранным представительствам.

Самым знаменитым дворцом из тех, которые когда-либо строили Рана, был Синха Дарбар («Дворец льва»). После свержения Рана в нем размещался правительственный секретариат. Летом 1973 г. здание сильно пострадало от пожара.

Синха Дарбар — величественный белокаменный дворец с колоннадой — был построен в 20-х годах как личная резиденция премьер-министра Чандра Шамшера* вскоре после его поездки в Европу. Перед дворцом били фонтаны, украшенные скульптурами в античном стиле. И весь антураж, и сам дворец были абсолютно чужды непальской культуре. Непальский Версаль (а дворец был задуман как повторение знаменитого французского оригинала) имел около 1600 помещений и считался одной из самых больших частных резиденций в Азии.

Другое применение, которое нашли дворцам Рана, это использование их в качестве гостиниц. И тут нельзя не вспомнить человека, который уже давно относится к числу достопримечательностей Катманду. Его имя довольно популярно. О нем говорят, пишут. В очерках и книгах о Непале авторы непременно рассказывают любопытные эпизоды из его бурной жизни. Живущая на

---

* Его полное имя — Чандра Шамшер Джанг Бахадур Рана. Первое — личное имя, остальные четыре — родовые. Таким образом, слова Шамшер Джанг Бахадур Рана входят непременно в полное имя каждого лидера клана Рана. В Непале для краткости бывших премьер-министров Рана (всего их было девять) называют только двумя именами (Падма Шамшер, Джуддха Шамшер и т. д.).

Западе писательница Хан Суин (Хань Су-инь) в сво-ем романе, посвященном жизни Катманду 50-х годов, вывела этого человека под именем Василия в качестве одного из персонажей.

Настоящее имя его — Борис Лисаневич. В Непале горожане и иностранцы говорят «мистер Бо́рис». Выхо-дец из России, уроженец Одессы, Лисаневич после Ве-ликой Октябрьской социалистической революции ока-зался в чужих краях. Он долго скитался по городам Европы и, перебрав десятки профессий, попал наконец в Калькутту. Здесь он открыл ночной бар, который быст-ро приобрел популярность. Романтическая женитьба на юной белокурой датчанке способствовала его извест-ности. Ореол искателя приключений, общительность, напористость, умение вести дела помогли Лисаневичу завязать связи в деловых и даже аристократических кругах, что, в свою очередь, помогало процветанию бара.

Лисаневичу симпатизировал король Непала Трибху-ван, и, когда последний обрел в 1951 г. власть фактиче-скую, а не номинальную, как это было раньше, он при-гласил Бориса в Непал.

Приехав вместе с семьей, «мистер Борис» энергично взялся за работу. В сущности, именно он был создате-лем гостиничного и ресторанного дела в стране.

Способствуя внедрению в Непале европейских норм обслуживания, Лисаневич, разумеется, прежде всего пре-следовал личную выгоду. В 50-е годы был широко изве-стен его отель «Ройял», ныне же, в 70-е годы, славу Бо-рису принес ресторан «Як и йети». Он находится в центральной части города, но в довольно укромном за-коулке. На вывеске ресторана изображен силуэт мох-натого горного животного и отпечаток огромной ноги *йети* — таинственного снежного человека. Размещенный, как и отель «Ройял», в одном из дворцов кого-то из чле-нов семейства Рана, ресторан «мистера Бориса» произ-водил впечатление строгого великолепия, но без помп-езности.

У Бориса все сделано было со вкусом. Умеренность, какая-то стабильность, простота царили здесь во всем: и в интерьере, и в обслуживании, и в меню.

Наряду с непальской национальной и европейской кухней Борис не забывал украсить меню блюдами сво-

ей давно покинутой родины. Так что советские граждане могли отведать здесь великолепные русские щи, украинский борщ, голубцы и даже сибирские пельмени.

Вкусная пища, умеренные цены, приятная атмосфера «Яка и йети» и сама фигура владельца, который частенько сюда наведывался, сделали ресторан излюбленным местом встреч дипломатов, туристов, многочисленных иностранцев, живущих в Катманду, и даже той части местных жителей, которые, побывав в Европе и Америке, уже сумели привыкнуть к европейской кухне.

Я говорю о Борисе, теперь уже старом, невысоком, толстеющем и лысеющем человеке, так подробно по двум причинам. Во-первых, необычна судьба нашего соотечественника (как необычны и печальны даже при кажущемся внешнем благополучии судьбы людей, покинувших в те далекие годы свою родину). Борис Лисаневич — второй наш соотечественник, ступивший на землю гималайского королевства. Первым был профессор И. П. Минаев, который побывал в Непале в 1875 г. А, во-вторых, потому, что в отношении непальцев к Борису и его нововведениям проявились их восприимчивость к новому, терпимость и добродушие.

Что же касается зданий второго типа — в стиле модерн (я бы сказала «индийский модерн»), то их в Катманду появляется все больше. По сравнению с дворцами, построенными в псевдогрекороманском стиле, они кажутся простыми, более легкими и, уж конечно, современными. Это — почтамт, полицейский клуб, Национальный дом собраний, кинотеатр «Ранджана», военный госпиталь, некоторые магазины, гостиницы, министерства, колледжи...

Часть из них отмечена элементами стилизованной национальной архитектуры. На бывших пустырях все больше появляется одно- и двухэтажных коттеджей с газовыми плитами, кафельными ваннами. Это дома с плоскими крышами. Днем там можно загорать, вечером танцевать, а ночью спать под открытым небом. Такие дома строят зажиточные непальцы и, как правило, сдают их внаем дипломатам, аккредитованным в Непале, и служащим международных организаций.

Такова современная часть города.

К западу от центральной магистрали Канти Патх улицы начинают сужаться и петлять. Мы входим в дру-

ной мир, удивительный и чарующий. Это старый Катманду.

В самом его сердце находится Басантапур дарбар — старый королевский дворец, замечательный памятник средневекового зодчества.

Когда-то за стенами Басантапура творилась история. Разыгрывались драматические события, в том числе и страшная *Кот парва* — кровавая резня 1846 г. Именно после этой непальской «Варфоломеевской ночи» к власти пришло семейство Рана.

В наше время раз в год в одном из внутренних дворов старого дворца совершается жертвоприношение богине Кали — рубят головы буйволам и козлам.

Перед самим дворцом — место коронации непальских монархов.

Вход во дворец-музей охраняет изваянная из камня любимица жителей города мудрая обезьяна Хануман, друг и помощник великого Рамы.

Поэтому весь прилегающий к Басантапуру район, а иногда даже сам дворец непальцы называют Хануман Дхока — «Ворота Ханумана».

Здесь, в старом городе, можно встретить торговцев, ремесленников, деловых людей, туристов, хиппи и искателей экзотики. Мы медленно бредем по узким улочкам. На порогах открытых лавок сидят владельцы. Они лениво зазывают покупателей, наблюдают за проходящей мимо публикой, комментируют все, что привлекает их внимание. Уже начинает темнеть. В домах зажигается свет. В одних — электрический, в других горят керосиновые лампы. Из лавок побогаче тянет едким, дурманящим запахом курительных палочек *агар-батти.*

Приятно войти туда, посидеть на низкой скамейке, перебрать десяток разных тканей, услужливо разбросанных торговцем прямо на полу перед вами. Женщины задерживаются здесь подолгу, выбирают отрезы на блузку или готовое сари, придирчиво осматривают каждый метр ткани. При этом они покачивают головами, осторожно приценяваются, иногда спорят с хозяином, критикуют товар. Восхищение лучше приберечь для дома, когда вещь уже куплена и можно спокойно полюбоваться ею и показать соседкам. А здесь надо сохранять непроницаемое выражение лица, не то торговец, чего доброго, заломит цену.

Мы проходим мимо этих магазинчиков и повторяем свой путь сначала. А, может, мы уже на другой улице, похожей на ту, где только что были? В нижних этажах домов точно такие же магазинчики. Двери распахнуты настежь, и покупатель сразу видит все товары и на витрине и на полках: термосы и газовые шарфики, китайское мыло и авторучки, полотенца и японские часы, пластмассовую посуду и французскую косметику. Выбирайте!

Рядом расположились небольшие лавочки, где продают консервы, конфеты, печенье, джемы, знаменитый индийский чай, который, как услужливо сообщает надпись на коробочке, «обласкан нежным ветром Дарджилинга». Тут же медная посуда: тазы, чайники, плошки, сосуды разнообразных размеров и форм. Двери лавчонок просто завешаны этими товарами.

Вот и непальская экзотика — знаменитые изогнутые ножи-*кхукри* *, маски, фигурки богов и богинь, пепельницы и шкатулки, усыпанные фальшивыми кораллами и бирюзой.

Иностранцы называют этот район «Грязные улицы»...

Пусть так! Но я не знаю ничего ярче этих улиц. В средневековых кварталах Катманду, которые здесь называются *тол*, быть может, остановилось время. Но уж никак не жизнь. Она бьет ключом. В магазинчиках и на ступенях храмов простые жители Катманду могут купить все самое необходимое: одежду, продовольствие, посуду, хлопчатобумажные ткани, шерпские полосатые куртки, тибетские шелковые рубахи, женские украшения — их на рынке особенно много; тут и заколки для волос, и стеклянные бусы-*поте*, и *дхаго* — популярное украшение местных крестьянок, которое вплетают в волосы (длинные черные «косички» из скрученных толстых нитей, завершающиеся на конце веселой красной кисточкой с бусинками под жемчуг). И браслеты, браслеты... широкие и узкие, однотонные и пестрые, из пластмассы и проволоки, металла и стекла, сплошные и разомкнутые, литые и гнутые, дутые и кованые, для запястий и предплечий, для рук и ног, для девочек и женщин. на любой возраст и на любой вкус.

Здесь, в районах Индра Чок, Асан Тол, Макхан Тол,

---

* Кхукри — оружие непальских воинов-гуркхов.

Кол Тол, Бхотахити и других, непальцы за умеренную цену приобретают овощи, фрукты, рис, керосин, дрова... Мужья и отцы заказывают в небольших ювелирных лавках, ведомых только им одним, украшения из серебра и золота для своих жен и подрастающих дочерей. Они выполнены в национальном стиле и стоят не так уж дорого.

Богатые иностранцы и местная аристократия пользуются услугами других магазинов. Их нарядные витрины украшают главную торговую улицу Катманду — Джуддха Садак (или Нью Роуд). Она начинается от центральной магистрали Канти Патх возле большой красно-белой арки, уходит в сторону старого города и упирается в площадь, на которой раньше был овощной рынок. Эта недлинная, довольно просторная улица представляет торговый, коммерческий Катманду, но не средневековый, а современный, где дело поставлено на широкую ногу. Солидные трех- и пятиэтажные дома заняты магазинами, кафе, фотоателье, швейными мастерскими, конторами различных фирм и отделениями банков, аптеками.

Хозяева этих магазинов, как правило, либо осуществляют лишь общий контроль за торговлей, либо вовсе не показываются покупателям. Их обслуживанием занимаются продавцы и приказчики — главным образом мужчины. Они весьма элегантны, владеют английским языком и с покупателями держатся корректно. В отличие от торговцев с «Грязных улиц» они сидят не на полу посреди разложенных товаров, поджав под себя ноги, а на стульях за прилавком. При появлении покупателя они быстро встают и вежливо спрашивают, что бы он хотел купить.

На полках — товары из многих стран мира. Всеми цветами радуги переливаются шелковые и нейлоновые ткани из Индии и Японии, поблескивают рулоны японского дакрона (из него шили модные в том сезоне мужские костюмы). В парфюмерных магазинах тонко пахнет английским мылом, японской пудрой и французскими духами.

В респектабельных ювелирных магазинах под стеклом лежат самые разнообразные украшения тонкой работы. По вашему желанию на блюдечко высыпают пригоршни искрящихся аметистов, гранатов, рубинов, сап-

фиров, изумрудов, брильянтов, зелено-голубой с прожилками бирюзы, нежных кораллов.

В одном из таких магазинов мне довелось как-то увидеть корону, принадлежавшую когда-то одному из знатных Рана. Неглубокая, легкая на вид блестящая шапочка на вес оказалась тяжелой: так густо она была усыпана изумрудами. Корона оценивалась в фантастическую сумму — пятьсот тысяч непальских рупий. Символ некогда могущественной власти, пролежав в сундуке двадцать с лишним лет, ждал теперь минуты, когда какой-нибудь турист-миллионер купит его и увезет с собой.

Рана больше не нуждались в символах. Теперь им нужнее были деньги...

В Непале, как и вообще в Азии, при заключении сделки принято торговаться. Это часть ритуала, и на того, кто его не соблюдает, смотрят с недоумением: то ли уж совсем простак человек, то ли слишком хитер и где-то свою выгоду получит.

Торговаться, конечно, стоит, даже надо, но только не на Джуддха Садак. Здесь это не принято. Об этом напоминают и таблички в магазинах с надписью «твердая цена» на английском языке.

Иное дело в старом городе. Три разбитые ступеньки ведут в небольшой магазин, двери которого открыты настежь.

— Намастэ, Лакшман-джи! — здороваюсь я с невысоким средних лет хозяином. — Как поживаете?

— Хорошо. Очень хорошо. — Он улыбается, и на смуглом лице возле слегка раскосых темных глаз сбегаются мелкие морщинки. — А как у вас дела? — вежливо осведомляется он.

Мы говорим на непали.

— Хотите посмотреть *Тхýло Лáкхе*? — спрашивает Лакшман. — Очень хороший Тхуло Лакхе.

Лакшман торгует сувенирами. В его магазине — изогнутые ножи-кхукри в мягких кожаных чехлах, медные, латунные и серебряные подсвечники, причудливые пепельницы в форме животных, изделия из дерева и... маски.

Маски из папье-маше, которыми увешаны все стены магазинчика, изготовляются в небольшой деревне Тхими, расположенной в восьми километрах к востоку

от Катманду. Маски, а также гончарные изделия из Тхими известны на весь Непал.

Когда я впервые пришла в магазин к Лакшману, между нами произошел примерно такой разговор:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит маска Индры?

— Шесть рупий. А вы знаете, что это Индра? — удивился хозяин.

— Конечно. А сколько стоят Дурга и Каль Бхайрав?

— Восемь рупий каждый.

— Почему же Индра дешевле? Он ведь в два раза больше Дурги и Каль Бхайрава?

— Но посмотрите, какая работа! Дурга и Каль Бхайрав такие страшные... Любой испугается, — уговаривал меня хозяин.

— Это боги злые и некрасивые, и они не должны стоить так дорого, — начинаю я ритуальную игру. — Ну, а добрый Шри Ганеш сколько стоит? — Я беру в руки небольшую маску, изображающую сына великих Шивы и Парвати — Ганеша с головой слона.

— Четыре рупии. Как и Кришна, — отвечает хозяин.

— Так. А скажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Лакшман.

— О, какое прекрасное имя! — неподдельно радуюсь я, услышав редко встречающееся имя. — А Рама и Бхарата где? (Лакшман, как и Бхарата, был братом великого героя эпоса Рамы).

— Они тоже есть. Только живут отдельно, — смеется Лакшман.

— Так вот, уважаемый Лакшман-джи, вы согласны уступить мне эти пять масок за двадцать пять рупий?

Лакшман понимает, что пять рупий — большая скидка.

— Посмотрите, какие прекрасные маски, — снова начинает он. — Тридцать рупий за них — совсем недорого. Я покупаю их у лучшего мастера в Тхими...

— Но вот у Ганеша плохо прикреплен хобот. А у Кришны печальное лицо... Почему он печален, Лакшман-джи? Ведь Кришна — самый веселый бог!

— Хорошо, — улыбается хозяин. — Берите за двадцать семь рупий.

Ритуал завершен. Мы оба довольны: Лакшман тем,

что я оказалась оптовой покупательницей, я — что провела «игру» по правилам.

С этих пор для Лакшмана я — «свой» клиент. И не беда, что, проходя по пестрому Индра Чоку, я не всегда делала у него покупки. Если в это время он стоял в дверях своего магазинчика, мы улыбались друг другу.

— Как поживаете, Лакшман-джи?

— Хорошо. Очень хорошо, — улыбка еще шире.

Здесь, в старой части города, все вперемежку: жилые дома и каменные изваяния богов, лавки торговцев и храмы.

Улицы узкие. На них едва разъезжаются две машины. Есть и такие, где может проехать лишь одна (при этом прохожие плотно прижимаются к стенам домов). По улицам невозмутимо бродят священные коровы зебу — небольшие темношерстные горбатые животные. Иногда они подходят к разложенным на лотках овощам и фруктам и спокойно лакомятся капустными листьями, бананами, грушами до тех пор, пока зазевавшийся торговец не отгонит их прочь. В Непале около шести миллионов коров. Их почти не доят и даже не забивают на мясо. С древних времен корова считалась здесь неприкосновенной. Почему это животное заслужило к себе такое отношение? В Непале, несомненно, под влиянием пришедшего из Индии индуизма, а в самой Индии, как полагает этнограф Н. Р. Гусева, «канонизация» коровы произошла в силу трех причин: во-первых, в условиях жаркого климата коровы стали «санитарами» городов, ведь они поедали многочисленные продовольственные отходы и растительные очистки, которые в противном случае гнили бы под открытым небом (члены касты мусорщиков физически не успевали убирать все отходы, остававшиеся на базарах и возле домов); во-вторых, так как в Индии лесов мало, топливом там служил коровий навоз в виде кизячных лепешек; в-третьих, корова была настоящим сокровищем для древних фармакологов, так как «молоко, простокваша, топленое масло, навоз и моча являются пятью священными продуктами, очищающими от осквернения и спасающими от болезни»... Так было записано в древних книгах по медицине. Вот почему убить корову до сих пор считается в Индии тягчайшим преступлением.

В Непале же города и селения не такие крупные, как в Индии, и непальские мусорщики могли бы справляться с отходами, которые скапливались на улицах... И лесов в Непале немало. Люди покупают дрова и хворост на растопку очагов и печей... И вроде бы здесь, в иных условиях, польза от вольно живущей, «бесхозной» коровы невелика. И все-таки она священна! Плохо придется тому, кто причинит этому животному зло. И потому водители так осторожно объезжают коров, разлегшихся посреди мостовой. Задел корову — штраф, задавил — тюрьма. Такова сила традиций, принесенных в Непал индуизмом.

Впрочем, с ними здесь сталкиваешься постоянно...

Минуя большие и малые храмы (крыши которых по краям украшены яркими молитвенными флажками, а от карнизов одного к карнизам другого тянутся электропровода), красные кирпичные дома с резными деревянными ставнями, знаменитый деревянный храм Каштхамандап, выходим на ту самую площадь, где происходил «выезд» богини. Мы снова около Кумари Бахаль.

У входа в эту нарядную обитель замерли два белокаменных льва. Почитание живущей здесь Кумари Дэви, девочки-богини, — тоже старая непальская традиция

Слово *кумари* имеет несколько значений: «девушка», «девственница», «непорочная» (смысл один — чистота, непорочность). *Дэви* означает «богиня».

Существует несколько легенд о зарождении в Непале культа «непорочной девы». Вот две основные версии.

Первая. Давным-давно один из королей Малла изгнал из своих владений юную девушку и ее родных за то, что она во всеуслышание объявила о своем божественном предназначении. Вскоре после этого события на королевство посыпались всевозможные беды. Когда король осознал свою ошибку, он приказал отыскать девушку, вернуть в королевство и почитать как богиню.

Вторая (она носит куртуазный характер, и если говорить о ее происхождении, то, по-видимому, могла родиться в слоях придворного духовенства). Король любил играть в кости с юной богиней (он приглашал ее к себе, и они сражались на равных). Но однажды король забыл, что перед ним не простая смертная и... позволил себе некоторые вольности, решив, что ему все можно. Богиня разгневалась и больше никогда не появлялась

во дворце. (Хоть ты и король, но не оскверняй своих богов. Иначе они покинут тебя.) Тогда король и установил в честь юной богини культ Кумари.

Интересна процедура избрания богини. Из семей неварской буддийской жреческой касты *ванра* выбирают маленьких красивых девочек. Их оставляют в мрачном темном помещении, где лежат растерзанные туши животных. Туда впускают голодных собак. «За сценой» раздается рычание тигров, вой шакалов и т. д. Та малышка, которая от всего этого кошмара не заплачет, становится новой Кумари Дэви. Существует мнение, что девочка, избираемая богиней, должна быть лет семивосьми.

По достижении половой зрелости Кумари уже не может оставаться богиней. Она покидает свою обитель и возвращается в родительский дом.

Я несколько раз видела богиню в ее обители. Как-то мы стояли во внутреннем дворике и смотрели наверх, туда, где на балконе второго этажа время от времени в сопровождении няньки появлялась маленькая девочка в красном платьице. Во дворе умывался голый по пояс мужчина (из свиты богини). Я спросила его, сколько лет Кумари. Он ответил, что ей пять лет и она находится в обители с трехлетнего возраста. Другой прислужник, полунемой, замахал руками на тех, кто нацелил на богиню фотоаппараты (фотографировать в обители запрещено), и взял с нас несколько рупий в качестве «дани богине».

Маленькая девочка-богиня с сильно подведенными глазами, от углов которых до ушей отходит широкая линия краски, оторвана от детских забав и развлечений. Жизнь простого непальского ребенка обычно проходит на улице, в кругу сверстников. У Кумари же есть одна-две ровесницы для ее тихих игр, и живет она, окруженная няньками, которые строго следят за соблюдением всех правил, предписанных богине.

Когда «срок полномочий» кончается, бывшая богиня, как уже было сказано, возвращается в свою семью. Судьба ее трагична. Практически девушка обречена на одиночество. Хотя закон не запрещает ей выйти замуж, суеверные мужчины ее касты и социального круга (а здесь это почти одно и то же) не хотят жениться на бывшей богине, ибо считают, что это сулит несчастье,

В Непале живет не одна Кумари Дэви. В двух соседних с Катманду городах — Бхадгаоне и Патане тоже есть своя Кумари.

Обитель богини входит в комплекс храмовых сооружений старого города.

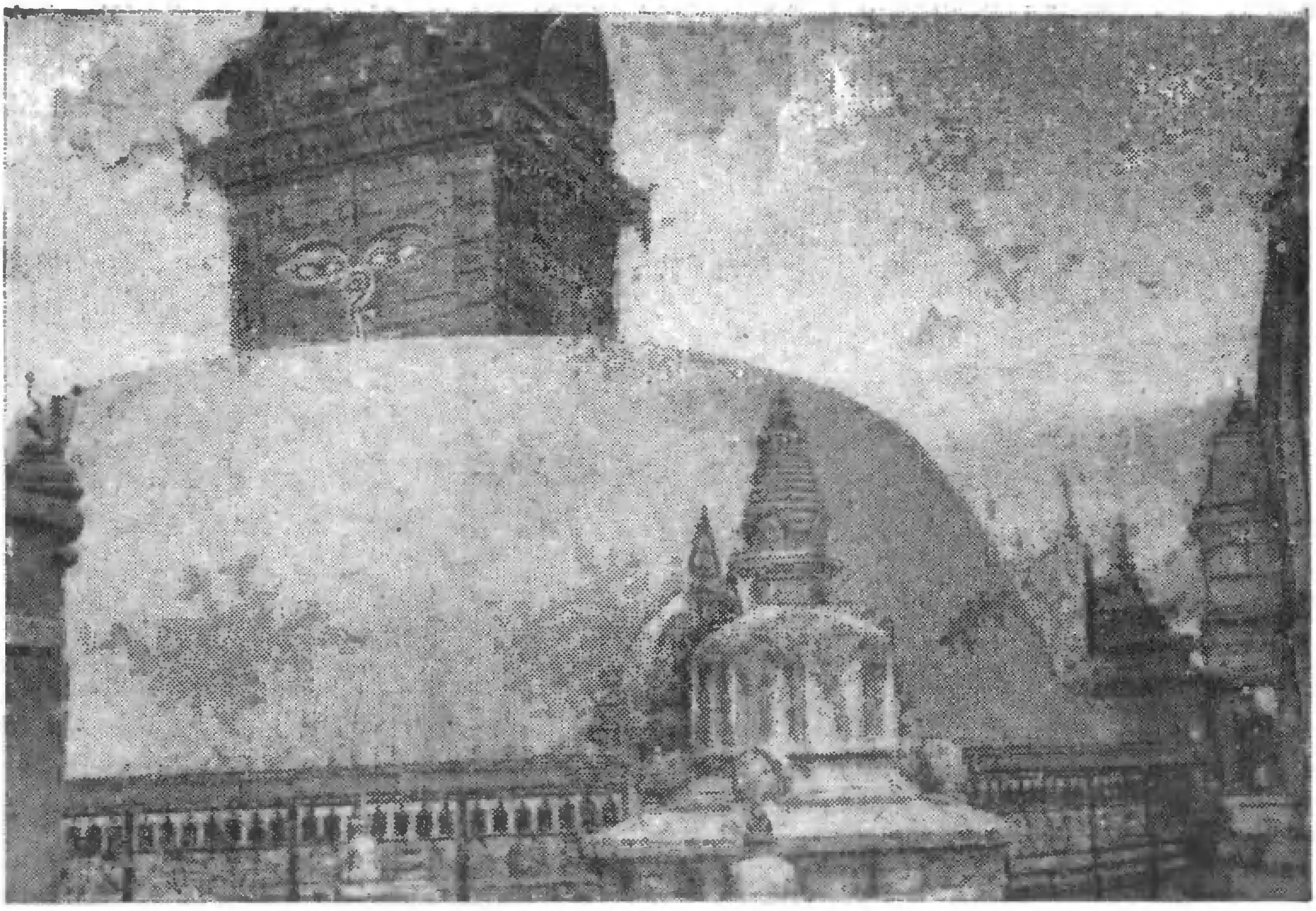
Храмы здесь буквально на каждом шагу. Все они неразрывно связаны с религией, уходящей своими корнями в глубокое прошлое.

Согласно переписи населения 1971 г., в Непале проживает 11,5 миллиона человек. Большинство из них (89,4%) исповедуют одну из древнейших религий мира — индуизм. Лиц буддийского вероисповедания в Непале 866 тысяч человек (7,5%). Таким образом, буддистов в Непале почти в одиннадцать раз меньше, чем индуистов. Тем не менее влияние буддийского мировоззрения, буддийской религии было столь велико, что оно пронизало собой религиозные представления непальцев и смешало в умах законы, обеты, обряды, божества обеих религий.

Вот почему часто рядом стоят индуистский храм и буддийская ступа. Вот почему так торжественно отмечаются в стране подвиги героя индуизма — царевича Рамы и столько паломников стекаются в священный храм индуистов Пашупатинатх в феврале в ночь поклонения великому богу Шиве. И в то же время непальцы при случае не преминут напомнить, что на юге страны, в Лумбини, родился царевич Сиддхартха, более известный всему миру как Гаутама Шакьямуни, или просто Будда. Каждый год в Непале, как и во всем буддийском мире, официально празднуют день рождения Будды.

Непальцы весьма веротерпимы. В стране есть небольшое число мусульман (351 тыс. человек), джайны (две с половиной тыс. человек), а также почти шесть тысяч приверженцев ряда других религий, в том числе христианства. Религиозная рознь тем не менее в целом чужда народу. Его никогда не сотрясали религиозные раздоры, столь омрачившие историю соседней Индии.

Конечно, семья индуистов, например, хочет, чтобы ее дети соединялись с людьми, исповедующими ту же религию. Более того, весьма желательно также, чтобы новый член семьи был представителем той же самой кас-



Знаменитый буддийский храм Сваямбхунатх в Катманду (фрагмент)

ты. Таков религиозный закон, такова традиция. Но бывают и смешанные браки: женятся люди различных религий и каст. А некоторые молодые непальцы умудряются жениться даже на «безбожницах» из Европы.

Да и сам праздник Индра-джатра удивительно сочетает в себе элементы индуизма и буддизма.

Ведь он посвящен Индре — индуистскому богу, а одним из центральных его моментов становится торжественный выезд Кумари Дэви, которую, как мы уже говорили, выбирают исключительно из буддистских семей.

Размеры храмов Катманду неодинаковы, названия различны... А назначение одно — служить верующим местом общения со своим богом.

Буддисты Непала больше всего почитают два храма: древний Сваямбхунатх и Бодхнатх. Сваямбхунатх расположен на высоком холме в трех с половиной километрах к северо-западу от Катманду. Храм представляет собой типично буддийский архитектурный памятник — ступу. Основание его — мощная полусфера, в огромной полости ее должна находиться какая-либо реликвия Будды (например, зуб, волос и т. п.) или прах буддий-

ских святых. Верхняя часть ступы украшена кубом с навершием конической формы, окольцованным тринадцатью ярусами. Они символизируют тринадцать буддийских небес. Увенчивается все это сооружение золотым зонтом со шпилем.

Вокруг храма десятки мелких ступ, изваяний будд. А неподалеку — жилые домики, лавки сувениров для туристов. Здесь всегда многолюдно. Буддийские монахи в оранжевых и темно-бордовых одеяниях, вездесущие туристы с фото- и кинокамерами, голые ребятишки, сморщенные старухи-богомолки, хиппи (тут, на холме Сваямбху, у них была своя колония).

Холм, на котором построен Сваямбхунатх, высокий и крутой. К храму ведет длинная лестница почти в шестьсот ступенек. По ней довольно трудно взбираться. По ступенькам скачут обезьяны, обычно ручные и ласковые, а иногда весьма агрессивные.

Местоположение Сваямбхунатха выбрано удивительно удачно. Храм виден издалека. Ночью силуэт его купола освещен электрическими лампочками. В Катманду много храмов, ценность которых определяется для верующих «святостью» участка земли, на котором он построен. Например, данное место связано с какой-нибудь легендой: сюда впервые ступила нога святого, здесь богиня Дурга прокляла такого-то короля, там протекает приток священной реки и т. д.

Для иностранца, смотрящего на окружающее иными глазами, нежели непальцы, нет ничего более впечатляющего, чем вздымающийся высоко к небу белый храм Сваямбхунатх.

Недалеко от Катманду, на равнине, стоит другой буддийский памятник-гигант — храм Бодхнатх. Это самая крупная ступа Непала. На огромной платформе покоится гигантская полусфера, центр которой переходит в пирамидальное многоступенчатое навершие, увенчанное золоченым зонтиком — атрибутом королевской власти. Почти все архитектурные и декоративные элементы символизируют что-либо. Так, каждая ступень навершия, как уже говорилось, символ божественных небес буддийской космографии. С каждой части четырехугольного основания пирамиды на вас смотрят огромные глаза. Они — Всевидящее око всевышнего.

Эти глаза с ярко-голубыми зрачками на фоне осле-

пительно белых белков, тысячелетиями неподвижно взирающие на суетный мир, кажутся, как ни странно, живыми и выразительными. Они, как считают, судят людей, хладнокровно отделяя добрые поступки верующих от дурных, добро от зла.

У основания полусферы по всему кругу изваяны барельефы, изображающие буддийские божества и сцены из буддийской мифологии.

Внизу у подножия храма — специальные навесы, под ними тяжелые барабаны, внутри которых — листы с буддийскими молитвами. Достаточно повернуть барабан вокруг оси и можно считать, что молитва уже «прочитана». Сколько оборотов делает барабан, столько раз «прочитана» молитва.

Никто точно не знает, когда был сооружен великий храм. Непальцы утверждают, Бодхнатх так же вечен, как Земля, Небо и Солнце. Ну, а ученые определяют возраст храма в две с лишним тысячи лет.

Вокруг Бодхнатха круглый год стоят лагерем тибетские паломники. Здесь живет и глава непальских буддистов — лама. Тибетцы — беженцы, оставившие страну после вступления туда войск КНР в 1951 г., занялись здесь кустарным производством ковров, украшений и предметов культа. Они торгуют прямо на улице. Более состоятельные торговцы скупают товар у кустарей и выставляют его тут же в витринах своих сувенирных лавок.

Таковы две самые знаменитые ступы Долины Катманду, да и всего Непала. Есть в стране еще ряд больших ступ, но все они меньше по размерам, менее орнаментированы, композиционно не закончены и по своему значению несравнимы с Бодхнатхом и Сваямбхунатхом.

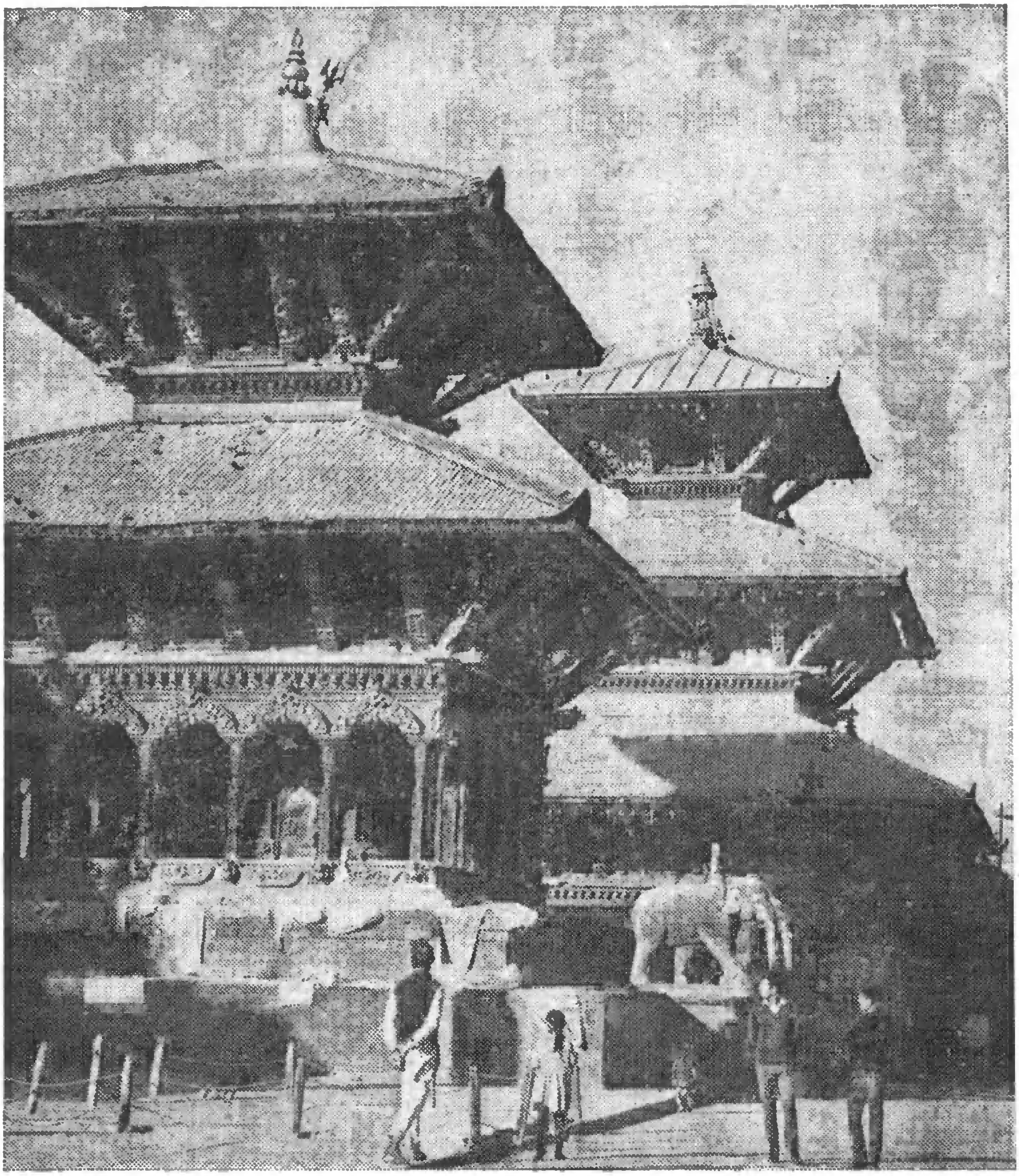
Храмы в стиле пагод встречаются в Непале гораздо чаще. В плане они, как правило, представляют собой квадрат. В основании — каменная платформа, иногда многоступенчатая. На верхней платформе — «первый этаж» храма, имеющий практическое применение: внутри него, за дверью, а иногда просто в открытом проеме — обитель божества. Это либо изваяние бога или богини, либо символ божества, как, например, *шивалингам* — удлиненный округлый монолит, обозначающий фаллос великого бога Шивы. Лингам Шивы олицетво-

рует созидание, плодородие и мощь. Обычно идол окружен некоторыми ритуальными аксессуарами. Например, курильницей с благовониями, горящим в масле фитилем, дарохранительницей с подношениями верующих. Дары эти: молоко, зерна риса и других злаков, цветной порошок, цветочные гирлянды, головки и просто лепестки цветов. Эти храмы с четырехскатными крышами напоминают китайские. Они бывают многоярусными. Максимальное число ярусов — пять (например, знаменитый храм Ньятапола в Бхактапуре; в переводе с неварского *ньятапола* значит «пятиэтажный»). Каждую такую пагоду увенчивает острый невысокий шпиль и зонтик. Часто пагоды прекрасно декорированы и орнаментированы искусной резьбой по дереву. Кроме того, верующие сами украшают их гирляндами и флажками, которые подвешивают, как правило, на галереях и между острыми углами верхних и нижних крыш.

Существует мнение о том, что стиль пагод зародился именно в Непале и уже оттуда был перенесен в Китай и другие буддийские страны. В XIII в. в Китай был послан знаменитый неварский скульптор и зодчий Арнико (он же Балабаху) для постройки храма и императорского дворца. Он соорудил эти здания в стиле пагод так, как строил их у себя на родине, в Непале, и в Тибете. Его творения произвели на правителей «Поднебесной» большое впечатление. С тех пор пагода прижилась в Китае. (К слову сказать, Арнико остался в Китае. Там у него было несколько жен, а сыновья пошли по его стопам, стали архитекторами.)

Однако ряд ученых оспаривает теорию непальского происхождения пагоды. Одни утверждают, что подобный архитектурный стиль существовал в Индии задолго до мусульманского завоевания. Другие считают, что своим происхождением пагода обязана Китаю, а оттуда этот архитектурный стиль широко распространился в Японии, Бирме, Лаосе, Камбодже, Непале и ряде других стран Азии.

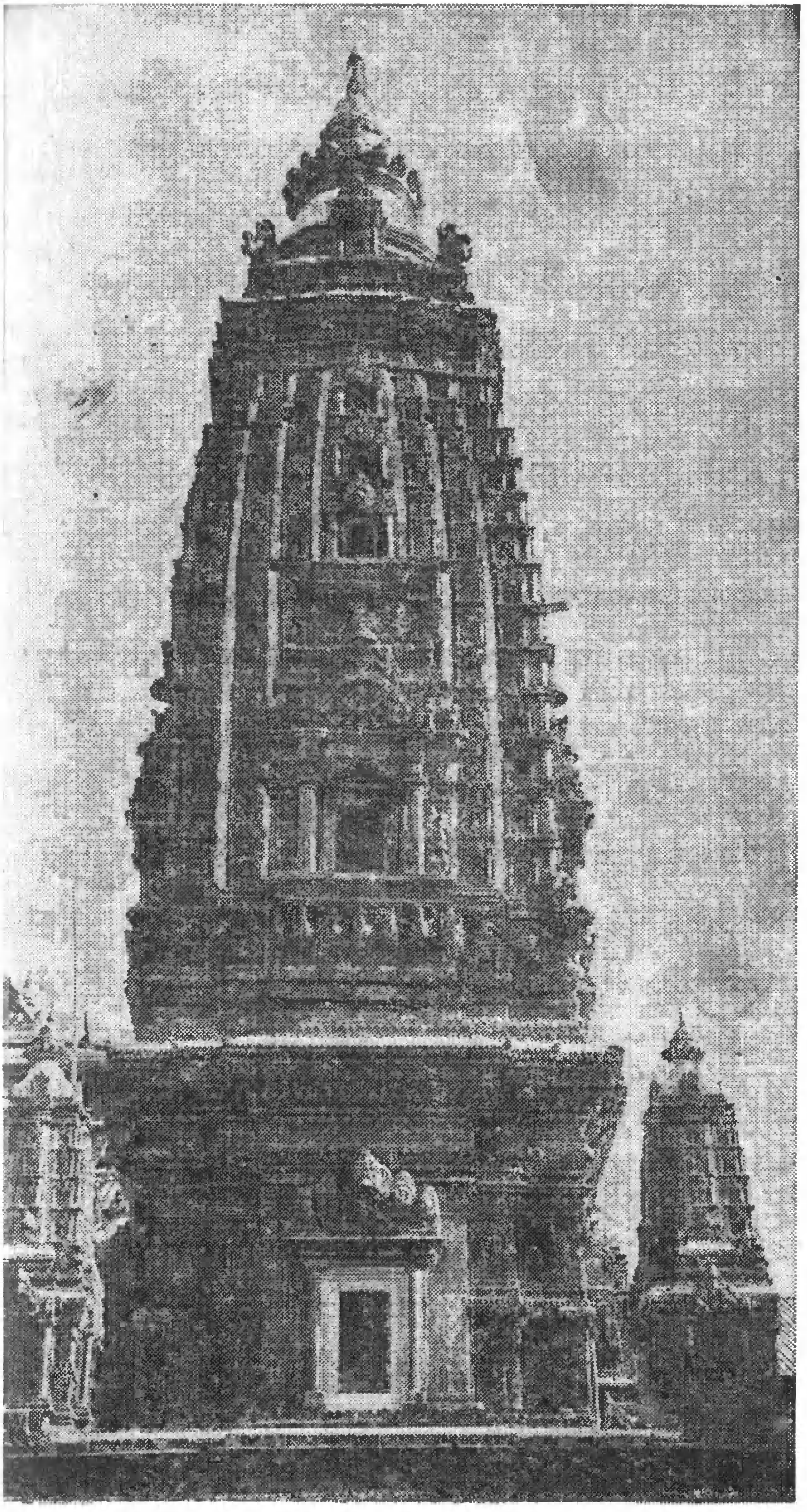
Один из первых исследователей непальского искусства англичанин Перси Браун в 1912 г. писал: «Представляется очевидным, что несколько веков назад между различными государствами Дальнего Востока существовали связи более тесные, чем теперь, а главным стимулом, который вызывал подобную коммуникацию, было



Двухъярусная и трехъярусная пагоды в Патане

стремление к обмену религиозными идеями. Естественно, искусство немедленно втягивалось в это движение — сообщения о художниках, скульпторах, архитекторах, которых посылали из страны в страну, часто встречаются в истории „средневековья“ Востока,— и поэтому не столь трудно объяснить случаи, когда географически удаленные друг от друга элементы декоративного искусства и архитектуры несут на себе отчетливые свидетельства общего источника происхождения» *.

* Percy Brown. Picturesque Nepal. New Delhi, c. 148.



Храм Махабодха в стиле шикхара в Патае

И тем не менее теория непальского происхождения пагоды имеет многих сторонников. Представляют интерес их суждения о том, почему именно в Непале мог возникнуть этот оригинальный стиль храмов — пагоды с покатыми крышами. Почему пагоды многоярусны? Ученые объясняют особенности стиля специфическими факторами, сыгравшими немаловажную роль в его формировании. Вот основные из них.

1. Климатический. В условиях муссонного климата необходим быстрый сток воды с крыш. Поэтому их делали покатыми.

2. Рельефный. Величественные Гималаи, их выступающие одна над другой вершины (многие из которых считались обителью богов) сформировали в эстетико-религиозном представлении непальцев своеобразный тип храма, который имел контуры горных вершин.

3. Этнографический. Типы домов некоторых этнических групп Непала послужили, по-видимому, прообразом пагоды.

Еще и сейчас в некоторых местностях страны встречаются дома, имеющие примерно тот же вид, что и любая пагода. Кажется, поставь такой дом на платформу, облицуй, укрась резьбой, орнаментируй, дополни зонтиком над крышей, загнутыми карнизами, флажками и, главное, изваянием божества, — получится не жилой дом, а храм.

Кроме ступ и пагод в Долине Катманду, а также в южной части страны, есть несколько храмов, построенных в североиндийском стиле *шикхара.* Их удлиненные купола, сужающиеся кверху, должны напоминать нераскрывшийся бутон лотоса. Но храмов типа шикхара в Непале, повторяю, очень мало.

Храмы Непала — это прежде всего пагоды, а Катманду — город пагод. Вот и нашлось, кажется, то определение характерной особенности этого города, которая вроде бы не столь уж и малозаметна, но как-то не дается сразу. Может быть, потому, что нам слишком многое кажется необычным в том, что так типично для Катманду.

В эту картину вписываются многие детали города: пестрая толпа в торговых рядах, буддийские монахи в оранжевых тогах возле великих ступ — Сваямбхунатха и Бодхнатха, босоногие неварские крестьянки, одетые в

черные юбки с красной каймой, студентки в однотонных сари цветов своего колледжа, непальские мужчины — крестьяне и служащие в непременной национальной шапочке — *топи* и тибетцы с уложенными вокруг головы косами...

Необычен транспорт — полосатые «под тигра» такси и ярко раскрашенные коляски велорикш... Своеобразны здания — «неоклассицистские» дворцы, принадлежавшие клану Рана, новомодные небольшие виллы с плоскими крышами и, конечно же, прилепившиеся друг к другу, стена к стене, красные кирпичные дома неваров — основных жителей Катманду и всей Долины.

И, наконец, водоемы... Пруды, реки и так называемые *дхара* — нечто вроде общественных водоразборных колонок. Дхара — это небольшое, как правило, квадратное углубление на площади, в парке или на улице, снабженное трубой, по которой течет вода. И труба, и резервуар часто орнаментированы искусной резьбой по камню. Орнамент представляет собой сцены на мифологические сюжеты. С утра и до позднего вечера возле них умываются, стирают, просто беседуют непальцы.

Город в чаше гор, в сердце Гималаев имеет, пожалуй, помимо всех своих памятников еще два таких, которые видны из очень многих точек и сразу бросаются в глаза, если посмотреть на Катманду сверху. Это уже упоминавшийся храм на высоком холме — Сваямбхунатх и башня Дхарахара в центре города. Она построена в 1832 г. по желанию премьер-министра Бхимсен Тхапы... Ее называли «причудой Бхимсена». Сначала она казалась странной и никчемной. Но постепенно к ней привыкли, и башня стала для непальской столицы такой же неотъемлемой частью, как Эйфелева для Парижа, Большой Бен для Лондона и Эмпайр Стейт Билдинг для Нью-Йорка. Дхарахара видна почти из любой точки Долины (высота ее около пятидесяти метров). С нее открывается прекрасный вид на город. Однажды, если верить легенде, молодой офицер по имени Джанг Бахадур побился об заклад, что сможет прыгнуть вместе со своим конем с Дхарахары. И прыгнул. Конь разбился, а смельчак остался цел и невредим. Позднее этот человек стал основателем династии премьер-министров Рана.

Конечно, трудно себе представить, чтобы человек, прыгнувший с почти пятидесятиметровой высоты, уцелел. Легенда есть легенда. Часто в ее основе лежит факт, пусть незначительный, пусть забытый, но факт.

В данном случае правда состояла в том, что однажды молодой и горячий Джанг Бахадур действительно прыгнул с башни, только... в то время она еще не была достроена, и неизвестно насколько. Скептически настроенные «очевидцы» уверяли, что для мягкой посадки на землю набросали груды сена. Однако эти детали в легенду не вошли.

Катманду по праву считается одной из живописнейших столиц мира. Неповторимое внешнее своеобразие этого города заключается, на мой взгляд, в удивительном сочетании элементов новой архитектуры с кварталами старых зданий и, главное, в непальских храмах-пагодах с их многоярусными крышами, буддийских ступах, больших и малых изваяниях богов, богинь, демонов, священных животных из камня и дерева. Весь этот маленький город, лежащий в цветущей Долине, словно в чаше, окружен со всех сторон стерегущими его высокими зелеными холмами и белоголовыми гималайскими хребтами вдали. Кругом — зеленеющие круглый год террасы, невиданной красоты деревья и кустарники. И тот, кто хоть раз побывал в Катманду, не может не быть очарован его своеобразием и красотой.

У подножия Киртипурского холма

К юго-западу от Катманду у подножия Киртипурского холма на громадной территории расположен Трибхуванский университет — первый и единственный в Непале.

Он был открыт в 1959 г. В разработке проекта и в строительстве нового здания участвовали индийские специалисты. Кое в чем помогали американцы, в частности, с их помощью был построен педагогический колледж.

При въезде на территорию университетского городка (его называют на американский манер кэмпусом) перед нами встает величественное здание — мемориал короля

Бхаи-Тика — День почитания братьев в студенческом общежитии Трибхуванского университета

Трибхувана, где размещаются вице-канцлер, то есть ректор (канцлер — сам король), его помощники и другие административные лица. Здесь проходят экзамены, и тут же окончившим колледжи и университет в актовом зале вручают дипломы бакалавров и магистров.

На обширной территории университета — здания гуманитарных факультетов и факультетов естественных наук с собственными музеями и лабораториями, женское и мужское общежития (на значительном удалении друг от друга), клуб, магазин, дома преподавателей, кафетерий, прекрасная библиотека, спортплощадки и еще много различных служб.

Студенты платят за свое обучение не более двухсот рупий в год. Исключение составляют отличники, семьи которых недостаточно обеспечены. Они получают стипендию университета. Платят студенты и за общежитие. Женское общежитие представляет собой большое современное двухэтажное здание с затейливыми лесенками и

переходами. В больших комнатах живут по три-четыре студентки. Для отдыха отведены веранды и плоская крыша. Здесь есть душевые с удивительно холодной водой (непальцы любят различные омовения и, как правило, пользуются для этой цели холодной водой). В кухне-столовой с кирпичным очагом в углу студентки питаются. Готовят еду повариха и одна-две помощницы. Покупкой продуктов и наблюдением за порядком на кухне занимаются дежурные студентки.

Вход на территорию женского общежития мужчинам строго воспрещен. Потому-то и повар — женщина, хотя обычно в Непале эта профессия мужская. Исключение составляют лишь сторожа — *пале*, охраняющие «цитадель». Они также выступают в роли рассыльных и лиц по особым поручениям.

В мужском общежитии каждый студент имеет отдельную комнату, небольшую, но удобную, где есть все необходимое: кровать, стол, стенной шкаф, полка для книг, настольная лампа, стулья и электрическая плитка или керосинка, которыми студенты отапливают в холодное время года комнаты.

В каждом общежитии — выборный староста из числа студентов. Во главе мужского общежития стоит шеф — преподаватель, избираемый тайным голосованием. У девушек это, разумеется, преподавательница. Пост почетный, но и хлопотный. Студенты идут к ним со всеми своими просьбами, бытовыми или учебными жалобами и... политическими конфликтами.

Понятно, что шеф общежития, глубоко вникающий в дела своих подопечных, пользуется всеобщим уважением и любовью.

Я не случайно упомянула политические конфликты. В Непале официально запрещены политические партии. Что же касается университета, то это своего рода «республика студентов», которая пользуется особыми правами и привилегиями.

Каждый год в начале осени на стенах, столбах, в автобусах появляются плакаты с лозунгами, призывающими студентов голосовать за какую-либо из двух борющихся в университете партий. Часто на одном столбе прикреплены листовки такого содержания: «Так называемые „демократы“ — это прихвостни американского империализма!»... А рядом: «Ругань и крики „прогрес-

листов" не доведут нас до добра. Их беда в том, что они ненавидят реальность!..»

Предвыборная кампания обычно носит довольно бурный характер: устраиваются собрания, митинги, активисты «партий» проводят разъяснительную работу «в массах». Лидеры выступают с программными заявлениями, дают обещания, критикуют предшественников. Газеты подробно сообщают о том, как идет предвыборная борьба в университете. И вот, наконец, наступает день выборов. Студенты не учатся — они заняты голосованием и ожидают результатов.

После подсчета голосов объявляется партия-победитель. Отныне в течение всего учебного года она будет стоять во главе Студенческого союза Трибхуванского университета. Голосование проводится по списку, поэтому по окончании выборов сразу становятся известны имена президента, вице-президента, первого и второго секретарей и казначея (этот пост обычно занимает девушка).

От работы Студенческого союза во многом зависят быт студентов и успехи в учебе. Союз может выдвигать предложения (а в иных случаях и требования) о работе администрации, об обслуживании в университетском кафетерии, о расписании, переносе или отмене тех или иных занятий и экзаменов, о движении автобусов из Катманду в Киртипур, о выделении денег из общественных фондов на поездки, экскурсии, практические занятия и т. д.

Однажды после занятий в большой аудитории проходило обсуждение наболевших проблем: о расписании автобусов, о сборе денег на экскурсии, об экзаменах. В президиуме сидели «демократы», поскольку они победили на последних выборах. Зал был переполнен, но среди присутствующих всего семь девушек. Одна из них — в президиуме. Речи выступающих отличались страстностью, образностью, убежденностью.

Каждое выступление сопровождалось аплодисментами. Но вот слово взял лидер оппозиции — «прогрессист» Ситарам Маске, высокий, худой, курчавый юноша с приветливым лицом. В прошлом году он был президентом Студенческого союза. Ситарам всегда любезно приветствовал меня и беседовал, избегая, однако, политики.

На собрании Ситарам говорил о тех же наболевших проблемах, что и предыдущие ораторы, а потом вдруг незаметно перешел к недавно заключенному Непало-Индийскому соглашению о торговле и транзите, стал критиковать политику Индии, которая, как он утверждал, «пытается колонизировать и эксплуатировать Непал».

Здесь ни для кого не секрет, что «прогрессивная партия» настроена прокитайски. Ситарам Маске выступал эмоционально. Под конец он громко кричал, жестикулировал, стучал кулаком по столу.

Председательствующий, выбрав момент, обвинил Маске в невыполнении обязательств прошлого года. И вот тут-то поднялась настоящая буря, которая приняла такие формы, что девушки вынуждены были покинуть зал. Члены обеих партий пустили в ход кулаки.

Сидящие в задних рядах нейтральные наблюдатели встали. Они старались получше разглядеть происходящее в президиуме. Я тоже поднялась.

Председателю все же наконец удалось кое-как успокоить зал. Все заняли свои места. Ситарам Маске вновь взял слово. Он ответил на обвинения председателя. И опять перешел на политику.

— Революция 1951 года, — утверждал он, — всех обманула... Нет подлинных завоеваний... И я всегда говорил об этом, говорю и буду говорить!

Сторонники его бурно выражали свое согласие. Кое-кто снова попытался прибегнуть к помощи кулаков, очевидно, считая, что это самый популярный и действенный способ доказательства правоты своих политических взглядов. Председательствующий приказал нарушителям порядка покинуть зал. Под одобрение большинства присутствующих их выпроводили на улицу.

Меня поразил ораторский темперамент студентов. Некоторые из них, не принадлежавшие ни к одной партии, говорили, что все происходящее похоже на игру. Но мне показалось, что если это и игра, то многие здесь играли в нее всерьез.

Когда я спросила, легко ли жить под одной крышей общежития идейным противникам, один юноша ответил примерно так:

— Мы можем быть политическими противниками, у нас могут быть разные взгляды на многие вопросы, но

в учебе, в быту мы — товарищи. Если дело касается наших общих интересов, мы все действуем заодно.

В верности этих слов я не раз имела впоследствии возможность убедиться.

Когда старый мост в районе Теку пришел в полную негодность и каждый рейс местного автобуса мог оказаться для него роковым, Студенческий союз потребовал от правительства принять срочные меры. Это не помогло. Тогда союз объявил забастовку. Занятия были прекращены, вход на университетскую территорию блокирован студентами. Ни одна машина не могла свободно ни въехать, ни покинуть Киртипур. Если какой-нибудь шофер по служебным делам вдруг попадал в это время в район университета, ему приходилось целый день дремать в тени кузова своей машины.

Вице-канцлер университета г-н Упрети пытался попасть в свою резиденцию и поговорить с руководителями забастовки, но его не пустили. Крепко взявшись за руки, студенты стояли стеной. Только вице-канцлер имеет право вызывать полицию, но он понимал, что это привело бы к столкновениям. Начальство предпочло пойти студентам навстречу. Правительство объявило о решении строить новый мост и дорогу. Забастовка кончилась победой студентов.

В Непале принята английская система образования, весьма сложная. Школа делится на начальную и среднюю. После ее окончания учащийся, успешно сдав экзамены, попадает в колледж. Два года обучения в нем, затем выпускные экзамены на звание бакалавра, например, гуманитарных, точных, коммерческих наук. Это звание или просто проходной балл на выпускных экзаменах в колледже позволяют быть зачисленным в Трибхуванский университет. Успешное окончание его через два года дает студенту звание магистра наук. Выпускники, проявившие склонность к научным изысканиям, могут заняться исследовательской работой. После защиты диссертации, одобренной компетентными органами, диссертант становится доктором философии независимо от того, в какой области он защитился. Звание это примерно соответствует нашему кандидату наук.

В то время, когда я училась в Трибхуванском уни-

верситете, основными факультетами были: гуманитарный, точных наук, коммерции, юридический и языка санскрит.

На гуманитарном были отделения непальского языка и литературы, английского языка и литературы, языка и литературы хинди, а также истории и археологии. На факультете точных наук учились будущие биологи, ботаники, физики, химики и математики. На коммерческом — экономисты.

Кроме того, в рамках университета функционировали педагогический колледж, где готовили будущих учителей начальной и средней школы, экспериментальная школа, а также ЛИЛ — Летний институт лингвистики, в котором специалисты из Соединенных Штатов Америки и ряда стран Европы изучали многочисленные языки народностей Непала.

Номинальным главой университета, канцлером, является король. На практике, однако, фактическое руководство осуществляет вице-канцлер, который непосредственно занимается делами университета.

В период 1971—1976 гг. в системе образования Непала была проведена значительная реорганизация. Изменилась и структура Трибхуванского университета. Теперь в его состав входит несколько различных институтов, как учебных, так и научно-исследовательских. Учебные институты, как обычно, делятся на факультеты, где студенты слушают лекции, занимаются в семинарах, выполняют практические работы: ставят опыты, собирают коллекции, участвуют в археологических раскопках.

Выпускные экзамены проходят в феврале-марте. Студенты в письменной форме отвечают на вопросы, поставленные в билетах. Продолжительность каждого экзамена от трех до шести-восьми часов. Работы оцениваются по стобалльной системе. Студенты, получившие оценку от 75 баллов и выше, считаются отличниками.

К экзаменам студенты готовятся месяца два-три. Занятия на этот период в университете прекращаются. Экзамены настолько сложны и изнурительны, что в это время жизнь на территории университета замирает. Никто не нежится на залитой солнцем плоской крыше. Не устраиваются веселые пикники, которые здесь так лю-

бят, не играют в футбол и настольный теннис. Не слышно песен из кинофильмов, которые так хорошо поют студенты. Лишь изредка из раскрытого окна донесется вдруг звонкий, по-восточному модулирующий голос, и тут же оборвется песня на первом куплете.

После окончания экзаменационной сессии наступает затишье. Студенты разъезжаются по домам. Главное теперь — терпеливо ждать результатов экзаменов.

В последних числах июня 1971 г., как это бывает каждый год, во всех газетах Катманду стало появляться объявление примерно следующего содержания: «Второго июля 1971 г. в актовом зале мемориального здания Трибхуванского университета состоится торжественная церемония вручения дипломов и присвоения ученой степени бакалавров и магистров выпускникам колледжей и университета. Просьба ко всем выпускникам заранее получить соответствующие мантии на складе университета. Выпускники мужского пола должны, кроме того, быть в бхадгаонских шапочках. На особ женского пола последнее требование не распространяется».

Второго июля возле здания ректората под огромным навесом чернели мантии вчерашних студентов. В тот день они должны были стать бакалаврами и магистрами наук. Две шелковые полосы разных цветов на отвернутых капюшонах мантий позволяли отличить бакалавра одной науки от бакалавра другой. Если же капюшон был целиком из цветного шелка — это означало, что владелец мантии магистр.

Зеленый цвет символизировал точные науки, желтый — гуманитарные, красный отличал юристов, белый — выпускников коммерческого факультета, синий — санскритологов.

К двум часам дня все направились в зал. Так как желающих попасть туда было довольно много (родные, друзья, просто любопытные), гораздо больше, чем официально приглашенных, некоторые умудрялись передавать другим свой билет по нескольку раз, благодаря чему по нему проходило человек пять.

В специальной программе церемонии все было расписано по минутам: в 14 часов — прибывает министр

образования Гьянендра Бахадур Карки, в 14 часов 15 минут — премьер-министр Киртинидхи Биста, в 14 часов 25 минут — братья короля Махендры — принцы Хималай и Басундхара.

Открылись главные двери, и в зал медленно и чинно вошла процессия, состоящая из членов университетского сената в составе пятидесяти трех человек. За ними два принца, вице-канцлер университета Упрети, премьер-министр, последним — министр образования.

Все встали. Члены сената заняли свои места в президиуме. Четыре маленьких мальчика спели гимн — древнюю молитву на санскрите.

Министр образования объявил торжественную церемонию, посвященную вручению дипломов бакалавров и магистров выпускникам колледжей и университета, открытой.

Он обратился к выпускникам с тремя вопросами:

— Клянетесь ли вы с уважением относиться в своей повседневной жизни, в беседах, разговорах к членам университета?

— Клянусь! — хором ответили вчерашние студенты.

— Клянетесь ли вы совершенствовать свое образование и свою нравственность на протяжении всей жизни?

— Клянусь!

— Клянетесь ли вы способствовать повышению социального уровня своей страны и служить народу до последнего дня?

— Клянусь!

После этого началось вручение дипломов.

Самых лучших студентов приглашали на сцену и там вручали дипломы. Остальные получали их прямо в зале — дипломы передавали из рук в руки.

Церемония была торжественной. Черноволосые, спокойные, изящные непальские девушки в белых сари и надетых поверх них черных мантиях плавно поднимались по ступеням на сцену. К блестящим черным волосам приколоты живые цветы. Девушки казались сказочными принцессами. Была здесь и настоящая принцесса — член многочисленного королевского семейства. Она тоже получала диплом магистра искусств.

Лучшим из лучших вручали почетные медали. Всеобщее веселье вызвал один довольно высокий и плот-

ный выпускник, который оказался в такой коротенькой мантии, что она едва прикрывала пиджак (мантия должна быть ниже колен). Очевидно, на университетском складе не нашлось ничего более подходящего для этого рослого молодого человека. Юноша вызывал не только веселую улыбку, но и восхищение, ибо раза четыре он взбегал на сцену за получением различных наград.

После вручения дипломов с большой речью выступил премьер-министр. Затем вице-канцлер сказал краткое напутственное слово и, «молясь вместе с богом Пашупатинатхом», объявил церемонию закрытой.

Теперь уже процессия прошла через весь зал в другом порядке: министр образования, за ним премьер-министр, вице-канцлер, оба принца и все остальные. Присутствующие в зале снова встали и приветствовали покидающих зал.

Так закончился этот торжественный день. Одиннадцатый выпуск Трибхуванского университета. Он дал примерно двести молодых образованных специалистов, которые оказались перед проблемой: «Что же делать дальше?»

Проблема весьма сложная. Многие выпускники, не найдя работы по специальности, уезжают в родные места и начинают заниматься тем же, чем и родители: земледелием и торговлей.

Я как-то спросила одного знакомого студента о его друге:

— Нашел Рамеш работу?

— Нашел.

— Какую же?

— Да пашет землю... — с грустью сказал студент.

«Пашет» — понимать в буквальном смысле слова совсем не обязательно, потому что тот выпускник, как и большинство студентов, был выходцем из богатой семьи, и землю там обрабатывали наемные рабочие. Мне стало ясно: дипломированному математику пришлось заняться сельским хозяйством...

Таково положение дел с юношами. Девушке же, пусть даже с блестящим дипломом, найти работу еще труднее.

— Что вы будете делать после окончания университета? — спрашивала я у знакомых студенток.

— Не знаем, — отвечали девушки.

— Выйдете замуж? — допытывалась я.

Девушки смущенно улыбались.

Конечно, наиболее «верный» путь для них — замужество. С раннего детства девочке внушают мысль, что она рано или поздно (лучше рано) должна выйти замуж и посвятить себя служению мужу и воспитанию детей. Поэтому психологически она уже подготовлена к этому. Диплом во время сватовства — лишь своего рода «довесок» к приданому, повышающий «цену» невесте.

Не так уж много девушек учится в университете. Большинство из них никогда не будут работать. Нет ничего удивительного в том, что многие сразу же по окончании университета торжественно празднуют свадьбы, тем более что июль — время для этого подходящее (обычно в Непале свадьбы — с февраля по июль).

Бывает, замужние женщины, имеющие детей, поступают в университет. Однажды у ворот кэмпуса я встретила Бихешвари, юную студентку, изучавшую экономику. С ней были ее подруга Кэтрин и девочка лет девяти. Я спросила, чья эта девочка. Все три засмеялись. Должно быть, у меня был очень растерянный вид, потому что Бихешвари вдруг посерьезнела и спокойно сказала:

— Это моя дочь.

По правде говоря, ее ответ удивил меня. И хотя к моменту нашего разговора я уже прожила в Непале какой-то срок, за который успела познакомиться с некоторыми особенностями быта, общественного уклада, национальных традиций и научилась не удивляться тому, что сначала казалось необычным, в тот момент я не могла скрыть своего изумления: матерью девятилетней дочери была эта юная студентка. Я смотрела на Бихешвари и глазам своим не верила. Ей было лет восемнадцать на вид. Конечно, я понимала, что такое возможно: на Востоке ранние браки не редкость, но, столкнувшись лицом к лицу с людьми, которые были живой иллюстрацией этого явления, я была крайне поражена.

Бихешвари рассказала мне, как в двенадцать лет ее выдали замуж. (В Непале считают: если выдать дочь замуж до начала половой зрелости, родители обре-

тут после смерти вечное блаженство.) Муж Бихешвари был на семь лет старше нее. В шестнадцать лет она родила дочь Диву. Вскоре, по обоюдному согласию, супруги разошлись. Муж снова женился, а Бихешвари осталась с дочерью. Девочке уже почти десять лет. Мать жила в университетском общежитии, а дочь училась в школе-интернате и приезжала к матери на выходные дни.

Надо сказать, что браки с такой развязкой в Непале довольно редки. Гораздо чаще торжественный день бракосочетания связывает женщину и мужчину на всю жизнь.

Я не имею в виду брачные обычаи различных народностей Непала, где практикуется и умыкание, и полигамия, и полиандрия. Есть тут и племена, где развод признается, и процедура развода выглядит на редкость просто. Так, если жена хочет уйти от мужа, ей достаточно положить ему на подушку орех, и, после того как она выплатит небольшую сумму денег «потерпевшему», — брак считается расторгнутым.

Свадьба Бхавани

Однажды мне довелось присутствовать на брачной церемонии в индуистской, то есть такой семье, где разводы, как я уже говорила, практически исключены.

Полковник Тхапа выдавал замуж свою четвертую дочь Бхавани. По правде говоря, Бхавани не так уж красива. То ли дело старшая. Она замужем за членом Верховного суда. Ей тридцать шесть лет. У нее двое детей. На лице — какая-то гордая властность, которая еще больше подчеркивает ее тонкие черты. А как следит за собой! Каждый год заказывает драгоценности в Бенаресе. Взять хотя бы этот новый гарнитур: изящной работы серьги, ожерелье, браслет и кольцо из жемчуга и кораллов — сочетание столь же красивое, сколь и необычное.

Вторая дочь полковника на сестер совсем не похожа: пухленькая, круглолицая, улыбчивая. У нее семеро детей. Все они сегодня здесь и все прехорошенькие! Тут же и ее муж — высокий худой человек с интеллигентным лицом.

Третья дочь полковника напоминает чем-то Бхавани. Она тоже пришла с мужем и детьми.

Однако, пожалуй, лучше всех младшая, пятая дочь, любимица отца, — Шанта. Это хрупкая девушка среднего роста: у нее красивые глаза, нежный овал лица, тонкий нос, прекрасные густые длинные черные волосы.

Среди сестер Шанта самая образованная. Она уже сдала выпускные экзамены в университете и вскоре получит диплом магистра искусств. Шанта и пригласила меня на свадьбу сестры. Бедняжка, вид у нее довольно усталый. Ведь кроме экзаменов ей пришлось заниматься свадебными хлопотами. А теперь с уходом четвертой сестры на ней будет держаться весь дом. Родители уже старые, матери не управиться по хозяйству. Поэтому Шанта будет следить за порядком, за слугами, ухаживать за родителями и заботиться о младшем брате Ка́нти.

Бхавани была у родственников в Биратнагаре, а когда вернулась, узнала, что родители нашли ей жениха. Конечно, не без помощи свахи. А вот и она! Ей восемьдесят четыре года. Говорит громко и четко. Волосы коротко острижены «под мальчика». Выглядит старуха на редкость странно, потому что обычно и у молодых, и у старых непальских женщин — длинные волосы, которые они укладывают узлом на затылке.

Сваха сидит на полу, курит сигареты и без конца нахваливает жениха каждому входящему в комнату:

— Инженер! Молодой! Полный!

Последнее слово не должно приводить вас в замешательство. По непальским понятиям, полнота считается достоинством, а не недостатком.

Со мной сваха побеседовала тоже. Смеясь, попросила взять ее в Россию, а потом предложила подыскать мне жениха в Непале...

...После предварительной договоренности о браке состоялись смотрины. Отец невесты поставил *тику* на лоб каждому представителю жениха в знак того, что выбор сделан окончательно и он своего слова уже не нарушит.

Затем астролог, посоветовавшись с богом, совестью и лунным календарем, определил самый благоприятный

день для свадьбы. И вот сегодня, в двадцать шестой день непальского месяца *пхагун*, то есть десятого марта, состоится бракосочетание...

В доме полковника Тхапы с самого утра царит невероятная суматоха: вешают гирлянды, украшают *мандап* (беседку во дворе), где будет совершаться один из наиболее важных свадебных обрядов. Выяснилось, что не хватает для гостей бетеля, и вот уже кто-то кинулся покупать целую гору зеленых листьев, внутрь которых завернута белая липкая масса острого, жгучего вещества. Многие жуют бетель с такой же охотой, с какой американцы резинку.

На кухне готовится обильное угощение.

Одиннадцать часов утра. Но Бхавани в своем свадебном красном нейлоновом сари, затканном золотой нитью, уже сидит перед зеркалом. Возле нее — огромная железная шкатулка *сингари*, доверху наполненная косметикой. Тут все, без чего не может обойтись ни одна непальская женщина: румяна и белила, сурьма и красный порошок *синдур*, пудра и помада, кремы и благовонные масла и многое другое. Бхавани причесывается, надевают украшения. Впереди еще долгий томительный день, но она уже готова. Прическа, искусная косметика, роскошные драгоценности, яркое свадебное сари очень красят ее, но не помогают скрыть волнение. Ей уже больше нечего делать, и она просто сидит и ждет...

Около двух часов дня Бхавани усаживают на кровать в комнате отца. Постепенно комната заполняется гостями. На свадьбу собираются даже дальние родственники и друзья, живущие в других районах страны. Но рядом с Бхавани только сестры, тетушки, племянницы, жены дядей, кузенов и племянников. Они приходят с детьми, няньками, прислугой.

Женщины по очереди подходят к Бхавани, приветствуют ее и протягивают аккуратно перевязанные пакеты с подарками. Невеста в ответ произносит слова благодарности и кладет подарки рядом с собой. Гора их растет. Иногда в комнату заходит сам полковник, и тогда жены его младших братьев и их невестки встают и стоят до тех пор, пока полковник не уйдет. Семейная субординация соблюдается строго.

В восьмом часу вечера появляется наконец *джанти* — процессия во главе с женихом, которого везут к невесте. Она приближается к дому с шумом, музыкой, шутками. Над женихом плывет огромный зонт — *чхата*.

Жениха и его друзей отводят в отдельное помещение. Проходит какое-то время, и молодых ведут в специальную комнату — «домашний храм», своего рода домашнюю молельню. Здесь уже собралась толпа гостей. Невесту и жениха усаживают на огромную кровать под пологом. На полу перед ними располагаются родители невесты и, подчиняясь спокойному торжественному голосу *пурета* (семейного священника-брахмана), совершают священнодействия с лепестками желтых цветов *джай*, листочками бетеля, рисом и красками для тики на лбу — знака «божьего благословения».

Затем мать невесты омывает ноги дочери, тетка вытирает их. С древнейших времен брак считается одной из первейших обязанностей члена индуистского общества. Всякий брак свят, а в момент бракосочетания, во время обряда *Канья дан* — «Выдача (дарение) дочери» жених и невеста считаются воплощением великого бога Вишну и прекрасной богини Лакшми. Вот почему в знак особого почитания ближайшие родственники омывают ноги новобрачных.

Жениху и невесте поставили на лоб тику. А потом к жениху подошли дяди невесты и совершили тот же ритуал, что проделали мать и тетка Бхавани.

Жених вручил невесте подарки, брачную одежду, и их снова развели в разные комнаты. До главного обряда оставалось три часа.

Одиннадцать часов вечера. Невесту и жениха усадили на коврики в мандапе. Было холодно, на них набросили одеяла. Одни гости ушли, другие легли спать. Родители и сестры невесты скрылись в доме. И лишь человек восемь самых стойких и, по-видимому, любопытных оставалось во дворе...

Пурет скороговоркой читал *мантры* (священные тексты на санскрите). Его помощник бросал что-то в огонь, подавал молодым разные чашечки, тарелочки, листья каких-то растений, а те, вконец измученные, механически выполняли все его указания.

Затем невесту и жениха подняли и обвели несколько раз вокруг костра, при этом жених держался за толстый длинный пояс невесты — *пучхар*, которым была обмотана ее талия. Огонь призывался в главные свидетели бракосочетания.

В Непале существует несколько обязательных атрибутов, по которым можно сразу отличить замужнюю женщину от незамужней. Это *поте* — бусы с очень мелкими бусинками с медной или золотой трубочкой *тильмари* посредине, *нантха* — тонкий браслет с двумя камнями, который жених вкалывает в волосы невесты *асарфи* — кольцо с припаянной к нему старинной золотой монетой; *синдур* — мелкий красный порошок, которым жених посыпает пробор невесты после обхода Огня. Все это относится к женщинам, исповедующим индуизм.

Инженер Карки посыпал синдур на волосы, на тонкий пробор Бхавани и тем самым окончательно скрепил свой союз — теперь уже нерушимый или почти нерушимый.

Двор опустел. Невесту и жениха развели в разные комнаты. Свадебный обряд еще не закончился.

Шанта провела меня в свою комнату на третьем этаже. Мы легли с ней на матрац, постеленный на полу, и тут же заснули крепким сном. Рядом с нами расположились еще восемь ее родственниц.

Обычно непальцы поднимаются с зарей, а уж в такой большой день никто не желал нежиться в постели. Пока женщины приводили себя в порядок, разговорам не было конца. Естественно, что все беседы вертелись вокруг свадьбы. Обсуждали и костюм невесты, и ее приданое, и положение замужних женщин, и систему заключения браков.

То, как выходила замуж Бхавани — «устроенный брак», — типично для Непала, для всех слоев общества.

Сейчас, когда существует совместное обучение и появилось больше возможностей для непосредственного общения молодых людей, случаются браки, основанные на предварительном знакомстве, влечении, ухаживании, проще говоря, браки по любви.

Тем не менее около девяноста процентов браков в непальском обществе устраивается родителями молодых

людей. При выборе подходящей партии в расчет принимается буквально все: материальное положение, профессия, образование (невесты с дипломами бакалавров и магистров котируются, как уже было сказано, выше, чем девушки без образования), происхождение и, конечно, прежде всего каста. Касты будущих супругов должны быть одинаковыми либо близкими в тех пределах, в каких это допускается древними законами.

Отношение у молодых непальцев к этому древнему институту самое разное. Одни строго придерживаются старых обычаев, другие, «нарушая» закон каст, берут в жены даже иностранок. Так. среди гостей на свадьбе я встретила молодого врача Прадхана. Он недавно вернулся из Советского Союза с русской женой и маленьким белобрысым сыном.

Мне представили молоденькую родственницу невесты по имени Урмила. Живая. приветливая женщина оказалась дочерью проректора Трибхуванского университета. Урмила была в красном, то есть свадебном сари, потому что вышла замуж год назад, и ее супружеский стаж был невелик. Кроме нее среди гостей было еще пять молодых женщин в красных сари, вышедших замуж совсем недавно.

Я спросила Урмилу, как она относится к «устроенным бракам». Она вполне довольна своим замужеством, и поэтому они не вызывают у нее возражений.

Когда на смотринах Урмиле представили ее жениха, оказалось, что... два года подряд оба они учились в одном университете, на одном курсе и в одной группе...

Здесь следует заметить, что молодежь, недовольная существующей системой заключения брака, пока еще составляет меньшинство. Большинство же молодых людей, как я уже говорила, самим укладом жизни, устоявшимися традициями подготовлены к тому, что родители устроят их семейную жизнь по своему усмотрению. Что ж, невест и женихов много! Выбор большой. Если при первой встрече предполагаемые супруги не вызвали неприязни друг у друга, то можно вступать в брак. А любовь придет со временем...

В полдень в отдельной комнате на полу сидели молодые. Перед ними на ковре в длинном ряду стояли тарелки с разными кушаньями, причем перед женихом их было в два раза больше, чем перед невестой. Такова церемония первой совместной трапезы. Надо сказать, что часто она оказывается и последней, потому что в семьях, строго придерживающихся обычаев, ни одна жена не станет есть вместе с мужем: сначала она накормит его, а уж потом будет есть сама.

В отличие от предшествующих ритуалов, на этой церемонии присутствовали лишь несколько человек: старшие сестры невесты, младший брат жениха и... я.

Вечером состоялась молитва, после которой новобрачных несколько раз обвели вокруг мандапа.

Наконец-то со всеми обрядами было покончено. Бхавани с супругом усадили в машину и отправили в дом инженера Карки. Отныне она будет жить в семье мужа. Ей еще предстоит привыкать к новому дому, к новым родным. Жена в Непале всегда уходит в дом мужа. И какое же это нелегкое дело — учиться быть смиренной и незаметной, когда нужно, подчиняться всем старшим родственникам, проявлять знаки внимания, оказывать им почтение, не обижаться на них, не показывать свой гнев и свои слезы и, наконец, в одно и то же время быть покорной служанкой своего мужа и владычицей его души.

Свадьба дочери обошлась полковнику Тхапе примерно в тридцать тысяч рупий — сумма огромная. За все надо платить: подремонтировать дом, украсить мандап, собрать приданое (у невесты восемнадцать новых сари, белье, посуда, постельные принадлежности, украшения и т. д.), заплатить рабочим, священнослужителям, музыкантам (на свадьбе играл военный оркестр), на славу угостить гостей и еще много всяких расходов!..

Но, слава богу, теперь-то уж Бхавани пристроена! Расходы, связанные с женитьбой сына, возьмут на себя родители будущей невесты. Так полагается. Да и жениться ему пока не обязательно.

Вот Шанту, красавицу Шанту тоже пора устраивать. Выдать ее замуж, тогда все заботы о будущем дочерей с плеч долой. Только бы ей достался хороший муж!..

Города и люди Большой Долины

Каждое утро часов в восемь за дверью моей комнаты в пустом общежитии для иностранцев раздавалось шлепанье босых ног, потом в дальнем конце коридора начинала литься вода в душевой, гулко гремело ведро, глухо хлопали двери, дребезжало разбитое оконное стекло и, наконец, слышался царапающий и поскрипывающий звук: вжик-вжик-вжик. Он становился все сильнее и неумолимо приближался к моей двери. Я знала — это длинным сухим веником Кират подметает цементный пол.

Я брала печенье, шоколад или еще что-нибудь вкусное и выходила в коридор. Худенький высокий мальчик в коротких штанишках, которые открывали его мускулистые загорелые ноги, отставлял веник в сторону, складывал у груди ладони лодочкой и тихо, как-то виновато говорил:

— Намастэ, мэм-саб!

Как-то он не появлялся несколько дней.

— Здравствуй, Кират! Давно тебя не было. Ты болел? — спросила я, увидев его.

— Нет, мэм-саб. Надо было помочь маме сажать рис... — отвечал мальчик.

Кирату всего десять лет, но уже два года он работает уборщиком в университетском городке. Когда ему было шесть лет, он ходил в школу. Так что читать и писать немного умеет. Когда-нибудь, возможно, снова пойдет учиться, а теперь ему надо помогать матери, сестрам и братьям.

Несколько раз я пыталась узнать у мальчика его полное имя, и он всегда отвечал:

— Кират.

Но так называется племя. Поэтому я поинтересовалась, как же его зовут дома; может быть, Рам, Радж или Гопал?

— Джетхо, — ответил мальчик. — Дома меня зовут Джетхо.

Это и понятно: ведь в простых непальских семьях к детям обращаются по старшинству: *джетхо* — «старший», *майло* — «второй» или «средний» (если детей

трое), *сайло* — «третий». Если число детей в семье ими и ограничивается, то третьего, то есть сайло, называют еще *канчхо* — «маленький», «младший». Вообще же в непальском языке терминов родства очень много, и все их знают. «Порядковые» имена имеются и для других детей, включая восьмого, девятого и десятого ребенка. Причем это — специальные слова, а никоим образом не обычные порядковые числительные, типа «четвертый», «шестой» и т. д.

Все это вовсе не означает, что непальцы не имеют собственных имен. Напротив, они есть, и довольно сложные. К тому же, как правило, двух- или трехсоставные. В трехсоставном первые два слова — имя, данное ребенку родителями с помощью астролога, например Индра Бахадур (мужское имя) или Сита Дэви (женское имя). Имена непальцев к тому же красивы. Почти все они значимы. Так, Индра — имя бога, Бахадур — значит «смелый». Сита (буквально «борозда») — имя прекрасной принцессы, ставшей супругой легендарного героя Рамы, *дэви* — «богиня».

Мужчины носят имена богов, героев, владык мира, названия драгоценных камней и т. д. Вариации бывают невозможные: Нагендра — «Повелитель змей», Пушпарадж — «Топаз», Харшанатх — «Властелин радости» и так далее.

Женские имена поэтичны: Гита — «Песня», Сангита — «Музыка», Камала — «Нежная», Гулаф — «Роза», Шанти — «Мир, Спокойствие» Айшварья (первое имя молодой королевы) — «Божественная»...

Кроме собственного имени непальцы имеют еще и *тхар* — родовое, которое примерно соответствует фамилии и указывает на принадлежность к определенной касте. Если, скажем, полное имя мужчины Индра Бахадур Тхапа, то только из одного тхара — Тхапа — понятно, что человек принадлежит к высокой касте чхетри. Если же девушка, представляясь вам, говорит, что ее зовут Сита Дэви Шрестха, то, исходя лишь из тхара — Шрестха — и ориентируясь хоть немного в невероятно сложной системе кастовых, этнических и религиозных отношений, можно будет сразу отметить, что эта девушка принадлежит к древнему роду торговцев (*шрестхи* — «торговцы») и исповедует индуизм (каста шрестха придерживается индуистских форм религии).

И, главное, тхар Шрестха посвященному, то есть любому непальцу, говорит, что Сита Дэви — неварка.

— Дома меня все называют Джетхо, — тем временем повторил мальчик. — А вы называйте меня Кират, мэм-саб!

У него темные раскосые глаза, большие скулы. Он принадлежит к древнему племени киратов, которые еще до новой эры населяли наряду с другими племенами Восточные Гималаи.

В Непале много народностей. Все они делятся антропологами на два основных типа: южноевропеоидный и монголоидный.

Южноевропеоиды, в основном люди североиндийского типа, происходят от индоариев. Они населяют южную и среднюю части Непала и говорят на языках, относящихся к североиндийской группе индоевропейской языковой семьи. Это непали (язык является родным для пятидесяти трех процентов населения страны) — государственный язык Непала, а также майтхили, тхару, авадхи, кумаони, хинди, урду, бходжпури, бенгали и ряд других языков и диалектов.

Носители этих языков — невысокие, узкокостные, стройные люди с прямыми, неширокими носами, большими темными глазами, иногда с довольно светлой кожей.

Только тхару составляют исключение. Несмотря на то, что эта этническая группа говорит на языке индоевропейской семьи, антропологически она относится к монголоидам.

К ним же причисляют и другие народности и этнические группы Непала, такие, как таманги, невары, магары, раи (они же кираты), гурунги, лимбу, бхотия и шерпы, сунвары, чепанги, тхами, данувары, дхимали, тхакали, вайю, лепча, кусунда, бьянси и другие.

Все эти народности и этнические группы, большие и малые, говорят на языках, которые по традиции включены в тибето-китайскую языковую семью. Но ученые-лингвисты расходятся во взглядах на этот вопрос и выделяют здесь не одну, а целые три языковые семьи. Не вдаваясь в подробности ученых споров, заметим, что языки и диалекты монголоидов (кроме тхару) не принадлежат к индоевропейскому корню, в отличие от язы-

ков и диалектов, на которых говорят непальцы индоарийского происхождения. Более того, они коренным образом отличаются от индоарийских языков.

Точно так же разнятся между собой эти две антропологические группы (южноевропеоиды и монголоиды) и по внешним признакам.

Монголоиды — коренастые, ширококостные, скуластые, с кожей желтоватого оттенка. Глаза у них с характерным узким разрезом и так называемым эпикантусом — той складочкой кожи на веке, которая закрывает внутренний угол глаза.

Наиболее ярко выражены монголоидные черты у жителей крайнего севера страны — шерпов и бхотиев. Последние — по сути дела чистокровные тибетцы. Шерпы же — народность, пришедшая много веков назад из Восточного Тибета.

Но поскольку с древнейших времен долины и горы современного Непала были зоной, где оседали и перемешивались большие миграционные потоки различных племен и народностей как с севера, так и с юга, современное население Непала антропологически нельзя разделить только на два названных типа: южноевропеоидный и монголоидный. В результате взаимодействия на протяжении долгого времени различных этнических групп образовались новые этнические и антропологические типы, так называемые «контактные» или «переходные», говоря иными словами, — смешанные.

К смешанному антропологическому типу можно отнести неваров, гурунгов, магаров. Гурунги и магары населяют главным образом Западный Непал.

Что касается неваров, то большинство их сосредоточено в Долине Катманду. Впрочем, здесь можно встретить и осевших в городах Долины гурунгов и магаров, и тамангов, живущих в высокогорье, примыкающем к Долине, и шерпов, прибывающих в Катманду по своим «альпинистским» делам (они ведь известны всему миру как бесстрашные проводники многочисленных высокогорных экспедиций в Гималаях, некоторые даже удостоены почетного титула «Тигр снегов»), и много-много других людей, принадлежащих к разным этническим группам. Они отличаются друг от друга обликом, обычаями, религией, языком, но все являются жителями и гражданами Непала.

Всего неваров около 455 тысяч человек. Шестьдесят процентов проживает в городах, причем подавляющее большинство — в Долине Катманду. Так, в столице их шестьдесят восемь процентов, в Патане — семьдесят восемь, а самый «неварский» город — Бхадгаон. В нем невары составляют девяносто восемь процентов жителей.

Никто пока не может точно сказать, когда и откуда появились в Большой Долине невары. Относительно их происхождения существуют разные гипотезы. Одни считают неваров выходцами из районов Северных Гималаев, другие — потомками наяров — малаяльских воинов из Малабара (Южная Индия), третьи — продуктом смешения нескольких этнических групп, пришедших в Долину из Тибета и из Индии, с местными племенами. Есть предположение, что невары и кираты в древности были единым племенем.

Необходимо отметить, что антропологический тип неваров весьма своеобразен — в их облике соединились черты и североиндийцев и монголоидов.

Невары, в отличие от других племен и народностей Непала, вполне сформировались в крепкую, экономически развитую этническую общность. Государство неваров, возникшее еще полторы тысячи лет назад в пределах Большой Долины, достигло своего расцвета в средние века, начиная с XIII века, в правление династии Малла.

Невары издавна славились как искусные ремесленники, художники, зодчие. При Малла в XIII—XVII вв. расцвели всевозможные искусства. При дворах правителей писали музыку, стихи и драмы (некоторые из раджей и сами занимались изящными искусствами). Именно в средние века неварские резчики по дереву создавали свои знаменитые «деревянные кружева» — орнаменты для балконов, окон и дверей, ювелиры — изящные статуэтки и украшения, архитекторы и строители — удивительные храмы-пагоды.

Трибхуванский университет со всеми своими учебными помещениями, лабораториями, клубом, библиотекой, столовой, общежитиями, стадионом, магазином, зданием ректората, банком и прочими сооружениями, которых так много на обширной территории, окружен

Неварские музыканты

с трех сторон полями. С четвертой владения университета подступают к высокому холму, на вершине которого стоит древний город Киртипур (в переводе с санскрита — «Город славы»). Когда-то это была крепость, в которой жили невары. Однажды этому городу-крепости выпал случай оправдать свое имя. Когда правитель княжества Горкха, которое находилось к западу от Долины, воинственный и удачливый Притхви Нараян Шах вторгся в пределы Долины, то именно Киртипур оказал пришельцам самое упорное сопротивление. Осада города-крепости продолжалась несколько лет. Притхви Нараян Шах не ожидал такой стойкости от неваров, «торговцев, лишенных способности постоять за себя в схватке». Однако киртипурские «торговцы» за долгие годы борьбы так досадили своему противнику, что, когда Киртипур в 1768 г. был наконец взят, жителям города дорогой ценой пришлось заплатить за собственную стойкость: победитель приказал отрубить носы и губы всем киртипурцам (за исключением музыкантов). К 1769 г. Притхви Нараян Шах захватил все города Большой Долины. Так на смену династии Мал-

ла пришла королевская династия Шаха, правящая Непалом и поныне.

А «Город славы» Киртипур стали иногда называть «городом людей с отрубленными носами».

Когда у меня было свободное время, вместе с моими друзьями я отправлялась в Киртипур. Подниматься по крутой каменистой дороге на холм с непривычки довольно трудно. Но местные жители (в основном те же невары) этого не замечают. В городе проживает около семи тысяч человек. Многие из них работают в столице. Каждый день рано утром спускаются они со своего холма, чтобы штурмовать автобус, украшенный плакатами религиозного содержания и киноафишами. Некоторые предпочитают добираться до столицы пешком. Пусть на это уходит минут сорок, зато никто тебя не толкает, да и воздухом можно надышаться вволю. Так и шагают жители Киртипура и окрестных деревень по дороге в Катманду. Все они одеты в традиционную одежду, которая распространена повсеместно в Долине Катманду, ее носят здесь независимо от этнической принадлежности.

Даура́-сурува́ль (национальная непальская мужская одежда) — это белая или кремовая длинная рубаха (*даура*) с завязками, идущими слева и немного наискось, такого же цвета штаны (*суруваль*) невероятной ширины в поясе и у бедер, что позволяет человеку удобно сидеть, подогнув под себя ноги «по-турецки» или «по-непальски» — на корточках. Книзу штаны сужаются и обтягивают ноги, как дудочки. Рубаха несколько раз обматывается длинным и широким поясом *патӯка* вокруг талии и бедер, так что за пояс можно заткнуть зонтик, палку, топор, нож-*кхукри́*, а внутрь еще увязать деньги. На голове у непальца продолговатая и немного скошенная шапочка — *то́пи*, или точнее *непа́ли то́пи* — «непальская шапочка». Обычно она сшита из легкой или плотной ткани с характерным узором. Для торжественных случаев ее делают из черной набивной ткани с маленьким значком — ножом-кхукри и короной. Такая топи называется «бхадгаонской», так как изготовляют ее именно в Бхадгаоне. Непальцы говорят, что своей неправильной формой топи обязана горам Непала, которые она должна напоминать.

Так одеваются крестьяне и средние слои жителей

Долины Катманду. Официальная и парадная одежда непальских служащих — тот же даура-сурувaль, бхадгаонская топи и черный пиджак европейского покроя.

Высшие же чиновники, преподаватели, студенты, инженеры, врачи, а также торговцы с Нью-Роуд — главной торговой улицы Катманду — предпочитают носить европейский костюм. Молодые люди одеты в костюмы из модных тканей типа дакрона и тревиры, ультрамодные, парижского фасона рубашки и галстуки. Однако мне приходилось встречать и довольно ортодоксально настроенных студентов, которые, стремясь всячески сохранить приверженность ко всему национальному, отказываются от европейского костюма и предпочитают даура-сурувaль. Одним из важных аксессуаров костюма нередко является большой черный зонт — надежное укрытие как от проливного дождя, так и от лучей палящего солнца. Чаще всего зонты носят мужчины. Раньше зонтик был символом власти и высокого положения в обществе. Однако теперь в конституции записано, что все граждане равны перед законом. Стало быть, и зонтик может носить каждый, кто захочет.

Иногда на улице можно встретить босого человека — он почти без одежды или в чем-то похожем на индийское дхоти *, а над головой торжественно раскрыт зонт.

Что же касается женщин, то они не спешат расставаться со своей излюбленной одеждой — сари. Каких только сари здесь нет: легкие и плотные, пестрые и однотонные, яркие, как павлиний хвост, и нежные, как цветок персика, дешевые ситцевые и дорогие нейлоновые и шелковые, радужные, переливающиеся серебряными и золотыми нитями! Сшить сари нельзя — это готовый кусок материи длиной в пять-шесть, а шириной в один метр. Казалось бы, производство сари носит массовый характер, и приобрести его можно в магазинах свободно. Но мне не приходилось встречать двух женщин в одинаковых сари.

Как и любая одежда, на каждой женщине оно выглядит по-разному. Особенно сари идет высоким и стройным. Под него обычно надевают блузку — *чóли* — из того же материала или в тон ему, а также нижнюю

---

* Дхоти — кусок ткани, обматываемый вокруг бедер и пропускаемый между ног таким образом, что один его конец создает брючину, а второй болтается полотнищем вдоль ноги.

юбку. Летом женщины носят получоли — блузку, оставляющую открытой часть живота и спины, зимой национальную кофту (*чóло*) с длинными рукавами из теплой узорчатой ткани типа фланели.

Непалки очень любят национальные шали (*досалла́*) из такой же ткани, что чоло и топи, и теплые шерстяные (кашмирские). В холодную погоду (в декабре-феврале минимальная температура опускается на несколько градусов ниже нуля) они надевают европейские пальто (это могут позволить себе лишь зажиточные люди). Меня всегда поражало, что многие из них, кутаясь в пальто и прикрывая голову шалью, ноги обували лишь в держащиеся на одном пальце шлепанцы *чаппаль* (иногда даже резиновые).

Среди молодых девушек особой популярностью пользуется так называемое «пенджабское платье» — свободное, без всякого намека на талию, с расширяющимися книзу рукавами. Под такое платье они надевают узенькие, обтягивающие ноги и морщинящиеся брючки, а на шею небрежно набрасывают легкий длинный шарф концами назад. Мода требует, чтобы он был того же цвета, что и брючки. Очень редко можно встретить девочек в европейском платье.

Неварские крестьянки чаще всего носят пестрые чоло и черные юбки, собранные у пояса. Край юбки отороченкрасной каймой. Подол специально делается неровным. Таким образом, ноги кокетливо приоткрыты. На пояс, как и у мужчин, намотана тяжелая патука.

Одна из основных деталей туалета — украшения. Они сделаны из стекла и металла, но встречаются и золотые и серебряные. Это — бусы, серьги, кольца, браслеты, *натхýни* (серьга в ноздре) и т. д. У простых женщин серьги в виде мониста украшают все ухо (проткнута не только мочка, но весь край ушной раковины снизу доверху). Богатые женщины носят великолепные гарнитуры из натуральных драгоценных, полудрагоценных камней и благородных металлов.

Вот в основном типы одежды, характерные для средней части Непала (Мадеш) и, в частности, для Долины Катманду. Конечно, у каждой народности, населяющей Непал, есть свои национальные элементы одежды.

Киртипур — удивительный город. Снизу он выглядит как небольшая старая краснокаменная крепость на высоком холме. Но стоит туда подняться, как понимаешь, что город этот не так уж мал — столько в нем жилых домов и храмов, украшающих его улицы и площади. Действительно, храмов здесь, как и во всех городах Долины, очень много. Есть особо почитаемые, например, храм Бхайрава, страшного демона, непальской ипостаси великого бога Шивы, в который стекаются паломники со всего Непала.

Особенно многолюдным бывает Киртипур по праздникам. В такие дни по древним мощеным улицам бодрым шагом движутся процессии музыкантов. Тут есть и «профессионалы», то есть члены касты музыкантов, и «любители», которые организуют свои группы, так сказать, на общественных началах. Пронзительно звучат духовые инструменты — национальные флейты *пхета́* и длинные трубы. ...Гулко бьют барабаны разных размеров и форм, звенят цимбалы, то резко, то нежно поют смычковые, главным образом *са́ранги.* Народных оркестров много. Каждый играет свое, и когда на площади разом появляются два, а то и больше таких оркестров, их музыка сливается и получается какая-то какофония. Шум праздничной толпы частично перекрывает звуки инструментов. Вскоре оркестры либо расходятся в разные стороны, либо стараются как-то подлаживаться друг под друга. И снова в общем несмолкаемом шуме отчетливо выделяются ритмичные звуки народной музыки, чуть-чуть, может быть, заунывной и однообразной по своей оркестровке и звучанию незатейливых инструментов, но какой-то настойчиво-притягательной в этом своем однообразии... Музыка народных праздничных оркестров придает особый колорит городам Большой Долины. Без нее нет настоящего веселья.

А праздник тем временем продолжается, и наконец наступает кульминационный момент. Из ворот храма выкатывают тяжелую колесницу, украшенную флажками и цветами. В ней под балдахином находится изваяние божества, которое столь плотно укутано покрывалами и так густо усыпано цветами, что его и не разглядеть... Над колесницей укреплен сужающийся кверху шестиметровый деревянный шест, увитый пестрыми лентами и цветочными гирляндами. Вокруг моментально

собирается толпа. Каждый стремится протиснуться ближе, подойти к самой колеснице и прикоснуться к божеству.

И вот на моих глазах ее подхватывают, толкают сзади, с боков. Длинный шест начинает медленно крениться... Кажется, сейчас он рухнет на головы людей... Они инстинктивно бросаются в стороны... Но каким-то чудом шест вновь возвращен в вертикальное положение. Я облегченно вздыхаю. Снова шум, музыка оркестров, говор, смех, будто и не грозила никому опасность еще минуту назад.

...Возле крепостной стены собралась толпа людей. Тесным кольцом они окружили танцующую под звуки примитивной скрипки-са́ранги молоденькую девушку. Волосы ее растрепались. Сквозь старенькую порванную блузку-чоло проглядывает смуглое тело.

Она самозабвенно кружится, взмахивает в такт музыке руками. Подойдя ближе, я замечаю, что девушка слепа. На тряпку, расстеленную на земле, летят монеты...

В Непале редко можно встретить нищего. И если где-нибудь в старой части города или на базаре к иностранцу подбегают оборванные подростки с протянутой рукой, выклянчивая: «Пайса, пайса!» или «Бакшиш!», то это, как правило, заезжие «гастролеры» из соседней Индии. Непальские ребятишки пристают к иностранцам из любопытства и озорства, да и то главным образом в деревнях.

Непальцы обладают большим чувством собственного достоинства. Хотя в целом уровень жизни народа пока еще остается одним из самых низких в Азии, ни один бедняк не унизит себя до простого попрошайничества. Выбиваясь из последних сил, он найдет себе какое-нибудь занятие, которое хоть как-то сможет кормить его и его семью.

Слепая девушка не была профессиональной танцовщицей. Движения ее порой казались даже нескладными, но несчастная слепая, конечно, ничего не замечала. Главное — она честно старалась заработать свои медяки.

И окружающие, словно понимая это, подбадривали ее криками, восклицаниями, и монеты продолжали лететь в разостланную на земле тряпку...

Если спуститься с киртипурского холма, пересечь рисовые поля (они залиты водой, так что путник идет по узким земляным накатам, которые отделяют одно крестьянское поле от другого), затем обогнуть один-два холма и снова пройти через обширное рисовое поле, то попадаешь в Пангу — неварское поселение, которое здесь называют деревней. Когда мне доводилось бывать в Панге, я всякий раз ловила себя на мысли, что она мало чем похожа на деревню в нашем понимании...

Удивительно, но в Непале есть города, похожие на деревни, и деревни, похожие на города...

В самом деле, Панга выглядит довольно внушительно: крепкие стены домов, длинные, извилистые, мощенные булыжником улицы, площади, где стоят пагоды, на платформах которых и прямо на мостовой расстелены соломенные циновки — на них сушат рис и коренья, кукурузу и мелкий красный перец.

Дома здесь такие же, как в столице и других городах Долины Катманду — в основном трехэтажные (иногда встречаются пятиэтажные). Стены неварских домов из обожженного и необожженного кирпича дополняются различными деревянными элементами: галереями, балконами, наличниками, ставнями, резными решетчатыми рамами, заменяющими стекла в окнах. Часто они служат также и украшением, так как сделаны с большим мастерством. Неварские дома имеют крутые двускатные крыши, карнизы далеко выступают вперед, нависая над улицей. Их поддерживают деревянные подпорки, выходящие из стены дома под острым углом. Необходимость строить такие дома легко объяснима, ведь с крутых крыш во время дождя быстрее стекает вода, а это немаловажно для районов, которые подобно Долине Катманду в летнее время года подвержены многомесячной осаде муссонных ливней. Нависающие карнизы защищают от дождевых потоков. Дают они укрытие и в жару.

В деревнях на первом этаже размещаются кухня, склад для инструментов и домашней утвари, загон для скота. Иногда эти помещения отделены друг от друга перегородками.

Но в Панге, как и в больших неварских городах, первые этажи заняты магазинами, лавками и лавчонками, где можно приобрести ткани, металлическую и глиня-

ную посуду, галантерею, продовольствие, керосин, электролампы и японские зажигалки. В книжных лавках — книги, брошюры, тетради, предметы искусства: линогравюры в стиле «индийского лубка», изображающие различные сюжеты индуистского эпоса.

Если городская семья занимается не только коммерцией, но и держит скот, то под хлев в доме отводится специальное помещение. Вот и получается, что дом состоит из нескольких пристроек, которые примыкают друг к другу под прямым углом, образуя внутренний двор, хлев же находится в одной из таких пристроек и изолирован от остальных.

Для того чтобы как можно меньше посторонних людей было там, где происходит священнодействие — приготовляется пища, — кухню в неварских домах оборудуют на самом верхнем этаже. Все это отличает и дома Панги.

Крыши здесь покрыты шифером, а не дранкой или соломой, как в деревнях. Сходство Панги с неварским городом состоит еще и в том, что возле домов — ни деревца, ни кустика, ни цветка... Булыжные мостовые, высокие кирпичные стены — вот строгий облик крупного поселения Панга.

Оживляют его лишь некоторые яркие детали: на окнах, дверях и стенах домов висят связки великолепного лилового репчатого лука *, нанизанные на веревку золотые початки кукурузы, алые стручки перца, пучки рисовых колосьев. Возле домов сушатся охапки соломы... Выстиранные сари свисают цветными узкими полотнищами из окон верхних этажей. Над притолоками — клетки с яркими попугаями всех мастей и размеров.

Панга — типично неварское поселение, и не случайно непальский этнограф Гопал Сингх Непали именно здесь изучал жизнь и быт неваров. Результатом его исследований явилась монография «Невары».

Почему же все-таки Панга, этот крупный населенный пункт, во внешнем облике которого нет ничего деревенского, не принадлежит к разряду городов?

Мне кажется, что главная причина — это изолиро-

---

* Окраска лука настолько красива и необычна, что от названия этого растения *пьядж* образовалось прилагательное «пьяджи», означающее «сиреневый», «лиловый».

ность Панги от внешнего мира. И хотя расположена она совсем близко от Катманду, а тем более от Киртипура, машиной туда добраться невозможно. Поэтому необходимые грузы доставляются в Пангу на спинах носильщиков. Основными продуктами питания жители Панги обеспечивают себя сами. На окрестных полях, на террасированных склонах гор они выращивают овощи и рис.

Конечно, если бы Панга была расположена на пересечении торговых путей или обнаружилась бы там какая-то точка для приложения капитала, тогда, возможно, эта деревня приобрела бы некоторое экономическое значение... и возник бы в Долине Катманду еще один город.

Но пока этого не произошло, Панга остается деревней. Деревней, похожей на город. Но только внешне.

Наряду с Кантипуром (ныне Катманду) два других города Долины — Лалитпу́р (чаще его называют Па́тан) и Бхактапу́р (или Бхадга́он) с древнейших времен были очагами неварской культуры.

«Лалитпур» в переводе с санскрита означает «приятный, очаровательный город». Непальцы уверяют, что именно в Лалитпуре жили самые искусные мастера: скульпторы, резчики по дереву, ювелиры. Свидетельств тому в городе немало: многочисленные пагоды, ажурные *дха́ра* (резервуары и источники), в том числе великолепная дхара «Су́ндари чок» в старом королевском дворце. В каждом из трех городов был свой дворец — Радждарба́р — резиденция королей династии Малла. (Династии нет, дворцы остались.) Ведь в XV в. король Якша Малла разделил свои владения и отдал их сыновьям. С тех пор и вплоть до завоевания Большой Долины Притхви Нараян Шахом все три города были своего рода городами-государствами.

Предметом особой гордости жителей современного Патана являются два прекрасных памятника средневековой архитектуры — индуистский храм бога Кришны и буддийский храм Махабо́дха. Первый поражает своим изяществом и пропорциональностью, второй необычен уже тем, что стены его сложены из тысяч терракотовых пластинок, на каждой из которых изображен Будда.

Резчик по дереву за работой

Лалитпур был основан в III в. до н. э., и единственное, что осталось от тех времен, — это огромные (о них мы уже говорили) поросшие дерном ступы, построенные, согласно преданию, по велению индийского императора Ашоки.

Ныне они, словно шлемоносные головы великанов, охраняют город с четырех сторон. Возле этих ступ играют непальские мальчишки, а на пологих склонах пасутся козы.

Старая часть Патана — сугубо неварская. Новая — постепенно застраивается современными зданиями.

В Патане живет более сорока тысяч человек. Он считается вторым по числу жителей после Катманду, в котором проживает около двухсот тысяч человек. От Катманду Патан отделен рекой Ба́гмати. Принято считать, что Патан расположен всего в четырех километрах от Катманду. На самом деле города сливаются, во всяком случае их урбанизированные предместья. Поэтому можно сказать, что современный Патан начинается там, где кончается Катманду.

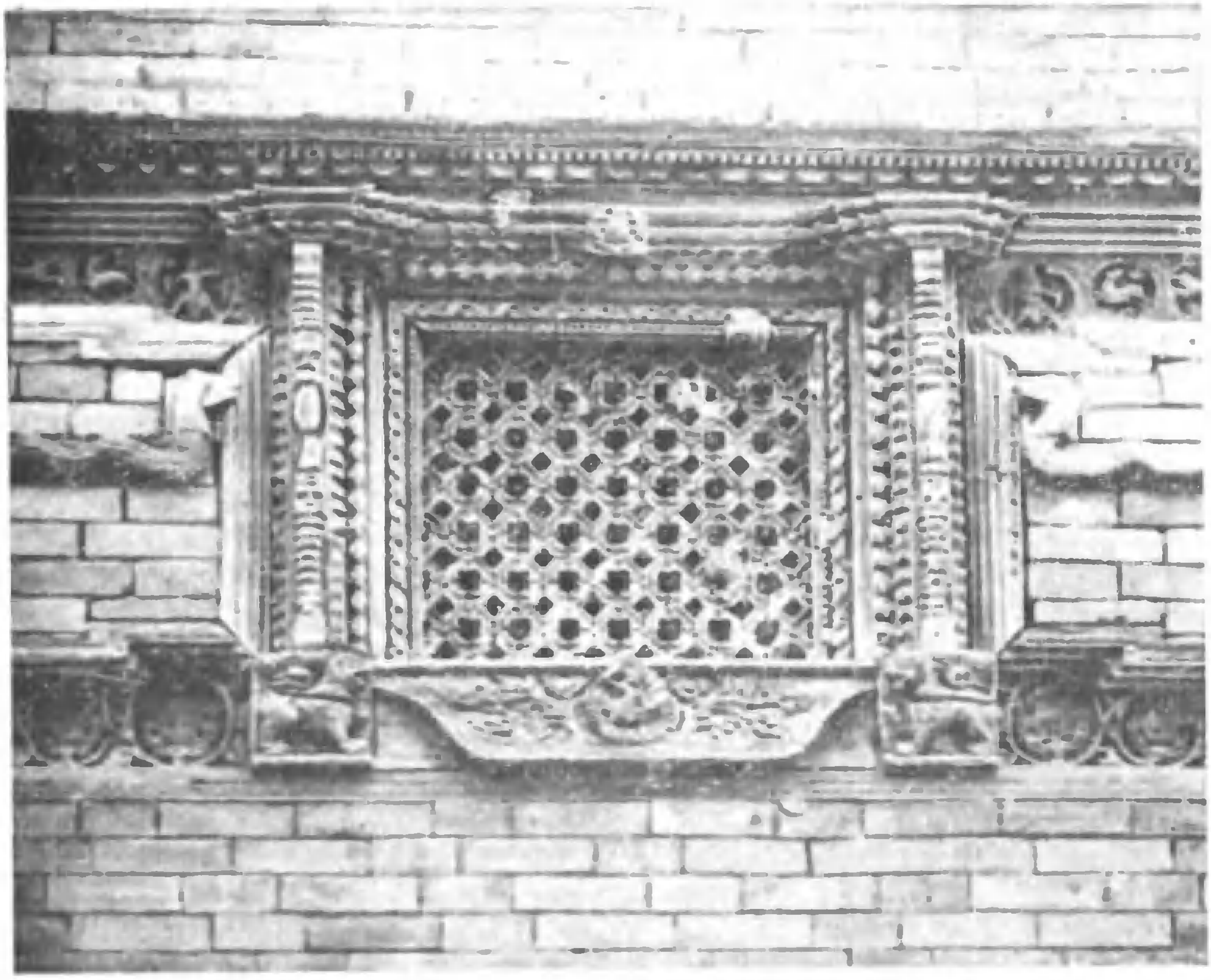
Из этих трех городов Бхадгаон самый «молодой». Он был основан в IX в., позднее Катманду более чем на полтораста лет. Второе название города — Бхактапур, что в переводе с санскрита означает «Город верующих». Почему жители дали ему такое название? Ведь непальцы глубоко религиозны и сейчас. В средние же века неверующих, очевидно, быть не могло. Так, может, в других городах Непала жили безбожники?! Конечно, нет! По-видимому, жители назвали так город, чтобы подчеркнуть свое предпочтение определенной религии, а именно индуизму. Словом *бха́кта* называли не просто приверженца какой-либо религии, а адепта индуистских божеств, причем чаще всего Вишну (Нараяна). Так что непальцы той далекой эпохи в название города вложили смысл, который всем тогда был ясен: «Бхактапур» — «Город бхактов», то есть исповедующих индуизм. В городе более десяти храмов Нараяна, не говоря уже о тех, которые посвящены другим божествам индуистского пантеона.

И, очевидно, не случайно ревностные почитатели бога Вишну (Нараяна) построили свой город таким образом, что в плане он напоминает гигантскую морскую раковину (ведь она — один из атрибутов Вишну). Самый «неварский» город Непала оказывается и самым «индуистским».

В отличие от Патана, который сливается с Катманду, Бхадгаон (Бхактапур) расположен в некотором удалении от столицы. Он лежит примерно в одиннадцати километрах к востоку от Катманду.

Город виден издалека. Он кажется многоярусным, потому что стоит на холмах. Улицы террасами спускаются с холмов. Красные кирпичные дома с острыми крышами вызывают ощущение чего-то фантастического, непостижимого и торжественного.

При въезде в Бхадгаон нельзя не обратить внимание на большой пруд Си́дхи по́кхари, в котором, по поверью, обитают две волшебные змеи. Не знаю, как насчет волшебных, но обычные змеи в Долине водятся. И встреча с ними не сулит ничего хорошего. Тем не менее их культ в Долине Катманду достаточно развит. «Змеиная» орнаменталистика широко используется в храмовых сооружениях, которых в Бхактапуре, как я уже говорила, довольно много. Во всей же Долине



Окно городского дома. Резьба по дереву.

Катманду насчитывается примерно две тысячи четыреста культовых сооружений, многие из которых поистине бесценны. К таким сокровищам принадлежат и здания Дворцовой площади Бхактапура.

На ней кроме нескольких пагод и шикхар слева от въезда в главные ворота стоит дарбар (дворец) Бхадгаона, прозванный «пятидесятипятиоконным», и примыкающие к нему Золотые ворота. Все те же загнутые углы крыш, замысловатые фигуры божеств, резные подкосы под крышей дворца, ажурные деревянные окна, составившие ему славу и давшие название...

Конечно, все это надо видеть самому — описать невозможно. Недаром один западный исследователь сказал, что если бы в Непале не было ничего достойного внимания, а лишь одна Дворцовая площадь в Бхактапуре, то ради нее одной, чтобы только увидеть это чудо, стоит претерпеть все тяготы путешествия...

Но в Бхактапуре вас поражает не только Дворцовая площадь. Нельзя не восхищаться пятиярусной пагодой

Ньятапола, удивительно пропорциональным сооружением с высокой лестницей, которую охраняют парные изваяния великанов, слонов, львов, грифонов и богов.

Невозможно пройти мимо вырезанного из дерева окна одного средневекового здания. Это филигранная работа. Словно сплетенное кружево, распущенный хвост павлина веером расходится от изящной выпуклой фигурки царь-птицы, помещенной в центре окна.

И Дворцовая площадь, и пагода Ньятапола, и «павлинье окно» — все это традиционные достопримечательности, которые обязательно показывают туристам. Но каждый находит здесь свое чудо, не обязательно входящее в список непременных туристических «объектов».

Я часто бывала в Бхактапуре, и всегда мне казалось, что я словно попадала в непальское средневековье: несмотря на всю типичность и похожесть на Катманду и Лалитпур, этот город удивительно своеобразен. Может быть, потому, что в нем нет ни новых районов, ни современных коттеджей, ни монументальных дворцов эпохи Рана. Весь он — как бы увеличенные во много раз уголки старого Катманду. Здесь мало улиц, по которым может проехать машина. Извилистые, они то резко поднимаются на холм, то круто опускаются вниз, то выходят на небольшие площади, где на циновках сушат зерна кукурузы, фасоль, перец... Часто улочки упираются в глухую стену, образуя тупик. Дворики неварских домов темные. Во многих из них стоят небольшие *чайтьи* *, посвященные тому божеству, которому поклоняются обитатели данного дома.

Как выглядит неварский дом внутри, я впервые увидела именно в Бхактапуре, куда приехала вместе с группой студентов из Трибхуванского университета. После того как мы осмотрели музей и храмы Дворцовой площади, нам разрешили самим прогуляться по городу. Долго бродили мы вдвоем с Шерпой по извилистым улочкам Бхактапура и все никак не могли выбраться из их лабиринта к месту сбора нашей группы. Шерпа — это тхар («фамилия») студента. Он принадлежит к той народности северо-восточного Непала, которая прославилась своими ставшими теперь уже легендарными горовосходителями. Подобно маленькому Кирату, который

---

* Чайтья — *зд.* культовое сооружение конической формы.

настаивал, чтобы его называли только так, Шерпа просил обращаться к нему просто Шерпа. Но друзья-студенты, будучи людьми вежливыми, говорили ему Шерпа-джи. Эта маленькая частица *«джи»* — свидетельство уважительного отношения к собеседнику.

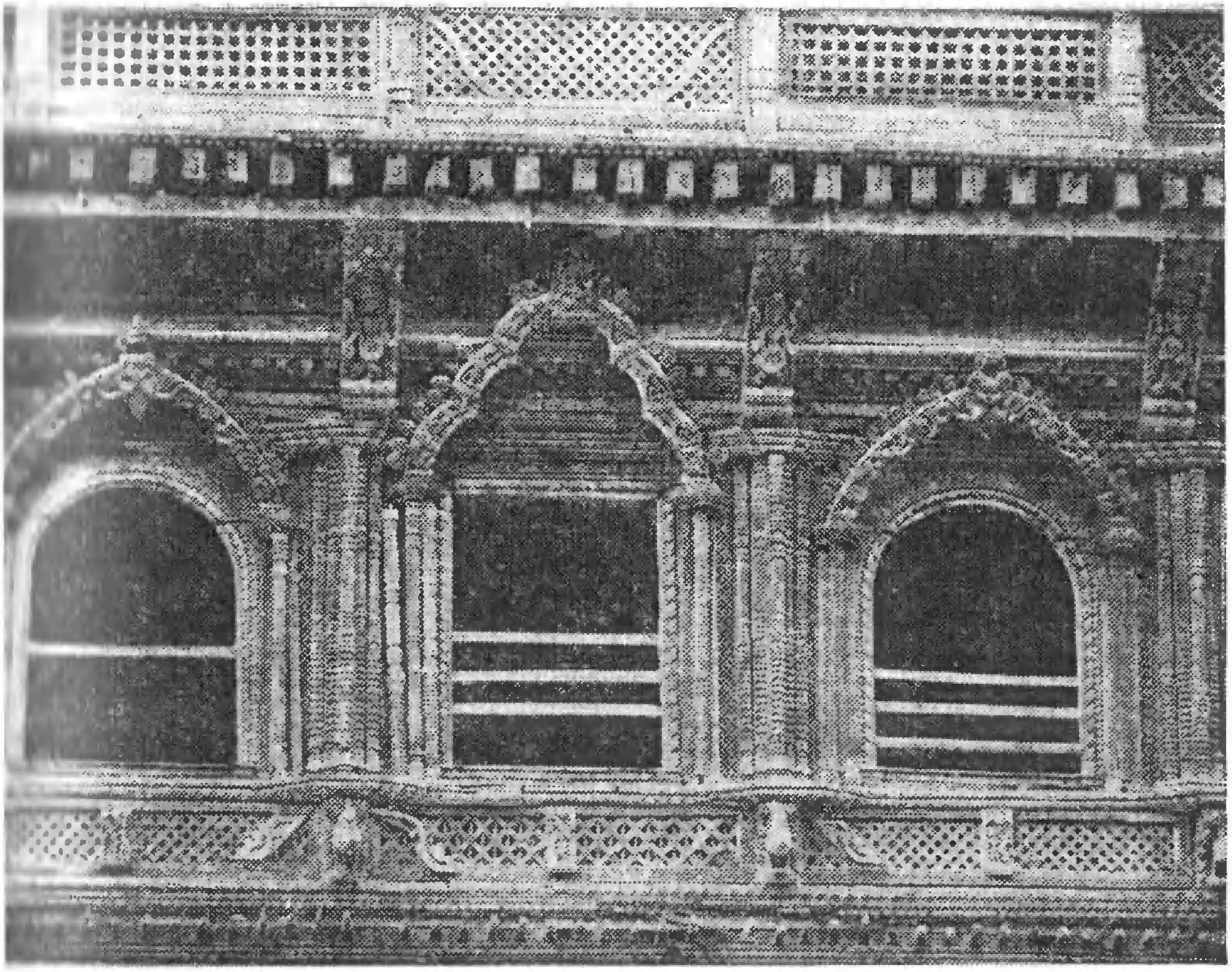
Шерпа-джи, хотя родился и вырос в глухой высокогорной деревушке, кажется настоящим горожанином. На нем всегда строгие европейские костюмы, и даже в самый знойный и влажный полдень его рубашка сверкает белизной, а воротничок наглухо застегнут. Он спокоен, изящно медлителен в движениях и корректен.

Блуждая по бесчисленным узеньким улочкам города, мы поняли, что местные жители ничем не могут помочь нам. Ведь те редкие старики, что сидели у порогов своих домов, как выяснилось, не говорили на языке непали, а мы с Шерпой не умели объясниться по-неварски.

Вообще-то многие жители Непала знают по меньшей мере два языка — родной и непали, который в этой этнически пестрой стране, став государственным, является средством межнационального общения.

Но выяснилось, что в Бхактапуре, четвертом по величине городе Непала, расположенном менее чем в полутора десятках километров от столицы, есть кварталы, где время словно остановилось, а люди все еще живут в эпохе Бхупатиндры Маллы, того правителя Бхактапура, который в XVIII в. приказал соорудить себе памятник, лицом обращенный к дарбару с пятьюдесятью пятью окнами. Здесь, в старых кварталах города, невары живут в замкнутом мире, погруженные в свои хозяйственные заботы, живут неторопливой, размеренной жизнью.

Круг общения у них довольно узкий. Иногда он ограничивается деловыми, торговыми отношениями и семьей. У неваров до сих пор существуют так называемые большие семьи, когда дети, обзаведясь собственной семьей, не отделяются, а остаются в доме родителей. Таким образом, под одной крышей оказываются вместе три, а то и четыре поколения. В такой семье здравствующие старики-родители — как бы основа, ствол «дерева», а каждая новая супружеская пара — его ветвь. Подросшие сыновья этой «ветви» приводят в дом молодых жен и получают в свое пользование какую-то часть жилища. «Дерево» бурно разрастается, охватывая своими



Такие резные орнаменты на окнах типичны для неварских городов

«вствями» не только основной родовой дом, но и прилегающие к нему пристройки, порой занимая весь квартал. Такая ситуация в целом характерна для всех неваров. Однако в настоящее время некоторые молодые неварские семьи пытаются селиться отдельно от родителей.

Пока мы выбирались из лабиринта узеньких улочек Бхактапура, стал накрапывать дождь. Шерпа-джи предупредительно раскрыл надо мной свой огромный черный зонт. Мы сильно устали, выбились из сил и не на шутку встревожились, боясь опоздать к автобусу. Вдруг чей-то голос сверху окликнул нас. И мы увидели в окне улыбающееся лицо Минáкши, студентки нашего университета. Она махала нам рукой, приглашая зайти в дом.

Все еще ничего не понимая, мы с Шерпой-джи открыли низкую деревянную дверь пятиэтажного дома и вошли. При этом я задела лбом притолоку.

За дверью нас уже ждала Минакши.

— Как вы сюда попали, Минакши? А как же автобус? — спросили мы с Шерпой почти в один голос.

Высокая, худенькая, чуть-чуть сутулящаяся девушка с нежным лицом и немного грустными карими глазами мягко улыбнулась:

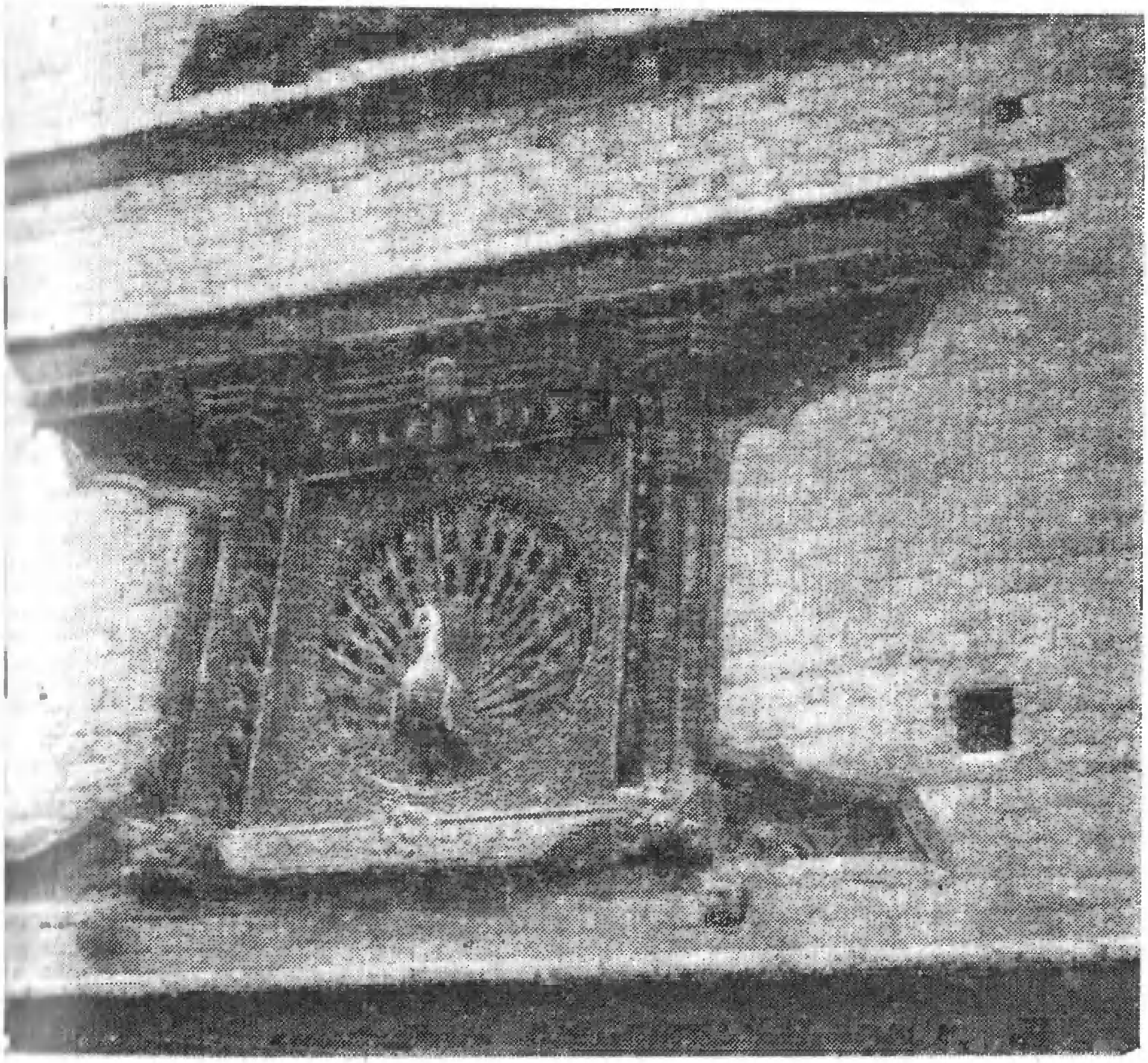
— Я живу в этом доме. Не беспокойтесь, у нас еще есть время. Пойдемте ко мне.

И она повела нас через неширокий темный квадратный двор к другой двери, такой же узкой и невысокой, как первая. Мы поднялись по деревянной винтовой лестнице на четвертый этаж, прошли узкий коридор, открытую галерею, еще один коридор и оказались в большой комнате с низким деревянным потолком. Комната служила гостиной. Посреди нее от пола до потолка стояли толстые деревянные подпорки. Низкое окно находилось в полуметре от пола. Под потолком на длинном шнуре висела электрическая лампочка без абажура. У стены стоял диван с подушками. В комнате был еще шкаф и несколько стульев. Стены украшали литографии на мифологические сюжеты и множество фотографий, на которых главным образом были изображены юноши с удивительно серьезными глазами. Как выяснилось, это были дяди, братья и племянники Минакши, многие из них тоже жили в этом доме. Здешняя «большая семья» насчитывала более пятидесяти человек.

Когда мы вошли в гостиную, там уже находилось пять девушек. Они тоже приехали с нами на экскурсию. Мне показалось, что на какой-то миг Шерпа-джи растерялся, оказавшись в этом смешливом звонкоголосом обществе юных веселых студенток. Но вскоре неловкость прошла — свои все-таки, каждый день видятся в аудиториях, в библиотеке, на практических занятиях...

Следует заметить, однако, что, не будь рядом хотя бы одной подруги, ни Минакши и никто из других студенток никогда не рискнули бы пригласить к себе в дом однокашника. Равно как и молодой человек не станет звать в гости девушку, если ее не сопровождает компания или хотя бы подруга.

И здесь сказывается не только соблюдение определенных правил приличия, но и какое-то внутреннее глубокое целомудрие, которое позволяет не делать отноше-



Окно «павлин» в Бхадгаоне

ния молодых людей панибратскими и фривольными и в то же время не замыкает их в рамки чопорной благопристойности. Отношения студентов к студенткам пронизкнуты духом дружелюбия, вежливости и предупредительности.

В силу тех же норм поведения, о которых я только что говорила, Минакши пригласила посмотреть свою комнату лишь меня, оставив Шерпу-джи в гостиной в обществе подруг.

Комната у девушки небольшая, но в то же время достаточно просторная. Одно окно. У стены — низкий комод и пара стульев. На полу — толстый матрац, застланный покрывалом. Сверху гора подушек. Над этой постелью, словно балдахин, свисает москитная сетка. Вещь в здешних местах просто необходимая. Правда,

пользуются ею только в домах с достатком. Бедняки обходятся без москитных сеток.

Примерно так же, как дом Минакши, выглядят и другие зажиточные неварские дома.

Кроме Минакши, я была знакома со многими другими неварами...

Бхригурам Шрестха... Прекрасный певец и танцовщик. Несмотря на свой высокий рост, некоторую грузность и отнюдь не юный возраст, танцует легко и пластично.

Махешвари Шрестха... Известная в Непале актриса. Певица. Ее портреты украшали стены магазинов и фотостудий. Я знала ее — юную, энергичную, привлекательную и была потрясена, когда прочла в газете сообщение о ее смерти. Она умерла в больнице в Дели от болезни почек. Ей было немногим более двадцати. Как память о ней осталась магнитофонная запись: мой друг-невар талантливый режиссер Прачанда Малла рассказывает о Махешвари.

Мне бы хотелось вспомнить еще об одном неваре — большом самобытном мастере.

Однажды мой непальский знакомый, инженер Тулси Дас Шрестха, окончивший институт в Москве, сказал, что художник Маске сможет принять нас на следующей неделе.

Дом Маске находился в старой части города и ничем не отличался от сотни других неварских домов. Тулси Дас плохо знал адрес, и тогда на помощь нам пришли местные жители. Оказалось, здесь все знали, где живет старый уважаемый художник.

Наконец мы вошли в дом Маске, поднялись на третий этаж и очутились в комнате самого мастера. У порога, как полагается, мы сняли туфли и после взаимных приветствий по знаку хозяина опустились на циновки и подушки, лежавшие на полу. Мебели в комнате не было. Хозяин отдал распоряжение, и вскоре слуга внес на подносе угощение: крутые, уже очищенные яйца, печенье, сладости и традиционный чай. Здесь следует пояснить, что в Непале принято пить чай по-английски, то есть с молоком и сахаром. Этот напиток стал подлинно национальным, так же, как и в Индии. А столь

любимый нами крепкий чай без молока коренные непальцы не признают.

Когда угощение было расставлено на полу и слуга удалился, Маске обратился к нам на непали, хотя, разумеется, свободно владел английским. Пока он произносил свои сердечные слова, я успела хорошо его рассмотреть: невысокого роста, довольно худой, спокойный человек. На нем был национальный костюм лаура-сурувaль, а на голове топи. Ему, видимо, уже немало лет, судя по глубоким морщинам на гладко выбритом лице, но глаза смотрят молодо и с любопытством. Мое внимание привлекли его сильные руки с длинными крепкими пальцами — руки мастера.

Я попросила хозяина познакомить нас с его работами и, если возможно, показать картины. Маске загадочно улыбнулся и вышел в соседнюю комнату. Через некоторое время он возвратился. В руках у него было несколько толстых папок. Художник удобно устроился возле нас, неторопливо развязал тесемки первой папки, и... передо мной предстало чудо...

Надо сказать, что я уже успела разглядеть те несколько картин, которые висели на стенах его комнаты. Признаюсь, они не произвели на меня сильного впечатления. Это были портреты каких-то мужчин и женщин, написанные маслом. Обычные портреты, каких немало встретишь повсюду.

В Непале, где не так уж много художников, есть все же представители разных направлений, жанров, школ. Тут и портретисты, и пейзажисты, пишущие хорошие, но традиционные гималайские пейзажи. (Глядя на эти картины, не перестаешь восхищаться чудесным даром великого русского художника Николая Константиновича Рериха, которому удалось передать необычно и в то же время так правдиво удивительные по своей красоте Гималаи.)

Кроме того, вы можете встретить здесь молодых художников, которые учились в Европе. Работы их носят по большей части модернистский, подражательный характер, хотя встречаются довольно талантливые произведения, особенно в области графики. И все же отличительной чертой всякого рода абстракционизма (вернее даже, не отличительной, а скорее объединяющей) является то, что он вненационален. Работы молодых не-

пальских абстракционистов не несут в себе черт, эле-ментов, если угодно, духа национальной культуры или хотя бы национальной принадлежности художника.

В этом я лишний раз убедилась, побывав на выстав-ке современных непальских художников, которая дава-ла сравнительно полное представление об их стиле и направлениях.

Тем более радостной оказалась встреча с искусством Маске. Один за другим вынимал он из папки рисунки, и перед нами оживал старый Катманду с его величест-венными храмами и яркими базарами. Нельзя было не поражаться правдивости и точности зарисовок уличных сценок, всевозможных народных обрядов. Все так живо, сочно, верно натуре и вместе с тем поэтично. Несомнен-но, так писать может лишь художник, близкий народу, живущий с ним одной жизнью. Правда, Маске не сразу пришел к этому. Его путь к вершине был не прост.

Чандра Ман Сингх Маске родился в Катманду в 1900 году. Он учился в привилегированной школе. Во-семнадцатилетним юношей отец отправил его в Индию, в Калькутту, изучать медицину. Однако там, в этом зна-менитом центре культуры, молодой Маске увлекся искусством. Вскоре отец умер, и Маске перешел в Каль-куттскую школу искусств. В этой известной школе будущий художник проучился шесть лет и окончил ее с отличием.

По возвращении в 1927 г. на родину Маске получил официальный заказ написать портреты нескольких быв-ших премьер-министров Рана. Так он сделался придвор-ным художником. В творческом отношении это была далеко не лучшая его пора. Зато к нему пришла извест-ность. Уже через год в Непале была организована вы-ставка его работ, первая персональная выставка в стране. Несомненно, такой чести художник был удостоен за жанр «придворного портрета», который он тогда раз-рабатывал. Скорее всего выставка служила цели про-демонстрировать величие всесильных тогда премьер-ми-нистров. Но так или иначе, у Маске появилось много новых заказов. Теперь пейзажи и портреты премьеров и королей, выполненные Маске, дарили официальным го-стям Непала.

Маске становится домашним учителем рисования короля Трибхувана и его сына (будущего короля Ма-

Чандра Ман Сингх Маске

хендры), членов королевской фамилии и детей премьер-министров.

В течение ряда лет он также преподавал рисование в Дарбар скул (школе для привилегированных детей) и в знаменитом женском учебном заведении Падма Канья колледж. Казалось бы, карьера живописца складывалась вполне благополучно. Но в один прекрасный день его заподозрили в «подрывной деятельности» и приговорили к восемнадцати годам тюремного заключения! Это произошло в 1940 г. (обычный взлет и столь же обычное падение фаворита при деспотическом правлении). Чем же провинился художник? Оказывается, его обвинили в создании ряда карикатур, компрометирующих Рана.

Однако тюрьма не сломила Маске. Наоборот, в известной мере помогла избавиться от чуждой его духу парадной придворной живописи. Находясь в заключении, он продолжал упорно работать над серией картин на мифологические сюжеты.

Через пять лет Маске был освобожден. В 1947 г. он возобновил преподавание в колледже Падма Канья. В 1951 г. после падения режима Рана Маске был назначен попечителем Национального музея Непала и занимал этот почетный пост двенадцать лет. К этому времени выросло мастерство художника. Он очень много трудился, разрабатывая новые для себя жанры и приемы. Его известность в стране росла. Выставки произведений Маске устраивались за границей, в том числе и в Советском Союзе. Он много занимался общественной деятельностью и возглавлял ряд национальных культурных учреждений. Так, например, стал директором Департамента археологии, одним из основателей Непальской академии и Непальской ассоциации изящных искусств.

Несмотря на огромную занятость, Маске неустанно совершенствовал свое мастерство в новых жанрах, раздвигал границы своего творчества, все больше интересовался жизнью народа. Недаром критики пишут, что подлинное искусство пришло на полотна Маске не в годы учебы, преподавания и даже не тогда, когда он стал придворным живописцем, а во время его пребывания в тюрьме. Как это ни странно, его художественное видение окружающего расширило свои горизонты именно

там, где он меньше всего мог физически ощущать этот мир, видеть его, слышать и чувствовать.

В 50-х и 60-х годах Маске почти целиком отдается созданию серий картин на мифологические сюжеты, черпает темы в истории Непала и много работ посвящает народному быту, жизни своих современников.

И вот сейчас художник показывал нам новые рисунки. Мы видели сцены, рисующие пребывание бога Шивы и его супруги Парвати в Гималаях. У нас на глазах оживали легенды о подвижничестве *саньяси* — святых отшельников. Порой эти зарисовки по своей яркости чем-то напоминали индийский «лубок», порой по изяществу фигур их хотелось сравнить с фресками Аджанты в Индии. Но тем не менее в них неизменно присутствовали собственный стиль, вкус и самобытное мастерство автора. Он — не копиист, не подражатель. У него свое лицо.

Если в картинах на мифологические сюжеты еще можно «нащупать» некие черты «лубка» или фресок Индии, что вполне объяснимо традицией этого вида искусства и единством источника, из которого черпают вдохновение художники Индии, Цейлона и Непала (речь идет об общей культуре и общих религиозных представлениях, как индуистских, так и буддийских), то картины на исторические темы и бытовые сценки древнего и современного Непала абсолютно оригинальны.

Вот на улице дети играют в блестящие стеклянные шарики. А рядом, у колонки с водой, стирают две женщины. Яркие краски, выразительные фигуры... Сколько таких сценок можно видеть вокруг!

Затем серия картин, посвященных сватовству и свадьбе. Подготовка к торжеству в доме невесты. Подруги наряжают невесту. Приезд жениха. Встреча с родителями невесты. Первое благословение. Обряд в домашнем храме. Гости на свадьбе. Ночной обряд у огня. Отъезд из родительского дома. Таковы сюжеты этой серии.

А вот картина под названием «Гунджала». Гунджала — это женщина, которая через три-четыре дня после свадьбы отправляется к святому месту, где молится, делает приношение богу и ставит себе на лоб тику — пятнышко из клейких зерен риса, смешанных с красящим порошком.

Молодая женщина склонилась перед изваянием божества. Во всей ее позе смирение. О чем она просит бога? Чтобы муж всегда любил ее? Чтобы не обижала свекровь? Чтобы бог послал ей скорее сына? Мало ли о чем она разговаривает со своим богом! Такие сцены каждый день можно увидеть возле храмов и святых мест.

Техника художника разнообразна (мы видим работы, написанные маслом, акварелью, углем, карандашом), сюжетов много. Вот, например, акварельный портрет старого невара с большой серьгой в ухе. Эту серьгу, называемую *гокуль*, продевают в день, когда старику исполняется 77 лет 7 месяцев и 7 дней. Маслом написаны крестьянки, собирающие в горах хворост, сборщики риса, погонщики быков.

Все эти картины, созданные в строго реалистической манере, талантливо передают поэзию труда и быта простых людей Непала.

Такие сцены, таких персонажей я часто вижу вокруг. Почему же меня так пленяют эти бесхитростные рисунки? Наверное, еще и потому, что они, несмотря на точность и подробности деталей, необыкновенно типичны, лаконичны и изящны. Это и есть, пожалуй, то главное, что свойственно художественному почерку Маске. Показывая нам свои работы, мастер попутно рассказывал о народных обрядах, о религии. Он мудр, этот старый человек, мудр, как гуру (учитель), излагающий ученикам высшие истины.

Я уже говорила, что первый художник Непала по национальности невар. Но у него чистое, четкое непальское произношение, словно у выходца из Горкхи. Он посоветовал мне заняться и неварским, потому что это язык народа богатой и своеобразной культуры.

Между тем мой взгляд вновь и вновь возвращался к небольшой картине на стене. На фоне розоватого заката пенилось сине-зеленое море, а в волнах стояли три стройные женщины в забрызганных прибоем нежных сари. Картина называлась «Купание в океане». Возможно, в ней была некая олеографическая красивость, но уж очень хороши были краски и стройные фигуры женщин, приветствовавших вечернюю зарю. Интересно, где эта картина теперь?..

— Вот это тоже посмотрите! — предложил хозяин и

показал небольшое полотно, на котором была изображена улица Катманду в сумерках: окна в домах закрыты от москитов, возле подъездов уже собрались старые знакомые, чтобы поболтать на досуге... Вдруг Маске повернул картину против света и как-то вбок, и тут улица «погрузилась» в темноту, а в окнах «зажегся» свет. Это было удивительно, а эффект светящихся окон напомнил мне «фосфорические» краски Куинджи.

Не знаю, какая техника была применена Маске, но стало ясно, что старый художник не чужд изысканий не только в области стиля и жанра, но и в самой технике живописи.

Наступило время прощаться. Мы сердечно поблагодарили хозяина. Он пригласил нас прийти снова.

— Правда, — добавил он, — новое вы вряд ли увидите. У меня сейчас много дел по дому, по хозяйству. Самому приходится ходить на базар, ведь молодые, знаете (и он лукаво прищурился), совсем не умеют торговаться...

Так впервые встретилась я со знаменитым художником. Тогда я даже и не подозревала, что через пять лет снова побываю в его домс.

...В апреле 1977 г. я опять приехала в Катманду и снова получила приглашение к Маске.

Мне показалось, что ничто не изменилось вокруг: те же узкие брусчатые улочки, тот же старый прочный непарский дом, тот же четырехугольный двор... Даже спутник у меня тот же, что и пять лет назад, — инженер Тулси. Только виски у Тулси поседели...

Мы поднялись по крутой лестнице. Опять я слегка ударилась головой о низкую притолоку. У порога нас встречал старый художник. Похоже, что и он ничуть не изменился: по-прежнему бодр и деятелен. От его невысокой сухощавой фигуры веет энергией. Летом 1976 г. он приезжал со своей выставкой в Советский Союз. Был в Москве и во Фрунзе. И это в семьдесят шесть лет! В 1975 г. непальская общественность отмечала семидесятипятилетие художника. Я вижу юбилейную медаль и Почетную грамоту, подписанную королем Бирендрой.

Пять лет назад Маске показал мне портрет старика с гокулем в ухе. А теперь он говорил, что сам приближается к тому рубежу, когда ему проденут серьгу-гокуль...

Вот так же мы сидели тогда на подушках в этой не-большой комнате и рассматривали альбомы и картины знаменитого художника. Сейчас картин почти нет: одна часть в музеях, другая — в хранилищах. И только у стены напротив окна стоит большой портрет покойного короля Махендры, отца царствующего ныне Бирендры.

Пока я рассматривала фотокопии полотен Маске (многие из картин я помню) и слушала оживленный рассказ хозяина о его впечатлениях от последней поездки в Москву, невысокая, крепкая на вид девушка в скромном штапельном сари принесла печенье, мандарины, бананы.

— Моя дочь Киран, — представил девушку Маске.

На смуглом круглом лице Киран улыбались живые глаза. Она присоединилась к нам, усевшись, как и мы, на подушку на полу. Я спросила Киран о ее занятиях. Отец обратил наше внимание на очаровательную куклу в неварском наряде.

— Работа Киран, — сказал он с явной гордостью.

Так выяснилось, что в свои семнадцать лет Киран Маске уже признанный мастер-кукольник.

Она показала своих кукол. Женщины, мужчины, дети... В одиночку, парами, группами... Невеста и ее подружки. Старуха-сваха. Болтливые соседки. Влюбленные. Мать и шалун-сын. Брахманы и чхетри. Невары, гурунги, шерпы, тхару... Живые лица, выразительные детали, остроумно подмеченные бытовые сценки, характерные типы, точные костюмы...

Признаюсь, я была в восхищении. Недаром эти работы получили первую премию на Международной выставке кукол в Непале, а часть из них была приобретена Национальным художественным музеем.

Вот чего не было здесь пять лет назад. Тогда в доме старого мастера еще не вырос мастер молодой. Волшебная палочка художественного мастерства словно передана по эстафете.

Следует подчеркнуть, что творчество неварского художника Маске глубоко национально. Оно не только неварское, оно общенепальское. То же можно сказать и о талантливых работах его дочери.

Невары по праву гордятся своей культурой. Зодчие, резчики по дереву, чеканщики, ювелиры, художники...

Полагают, однако, что некоторые из этих художественных ремесел изжили себя, сошли на нет, искусство непарских мастеров умерло...

Никто уже не строит ни храмов вроде Ньятапола, ни дворцов наподобие Пятидесятипятиоконного дарбара Бхактапура. Да и надо ли? Храмов хватает и так, особенно в старых районах. А новый королевский дворец построен в современном стиле, из бетона и кирпича.

Элементы старинной архитектуры появляются теперь как стилизация под средневековье. Они прослеживаются в силуэте и отделке современных зданий, главным образом фешенебельных гостиниц. В наши дни талантливые мастера создают чудесные резные украшения. Их можно увидеть и в лавке торговца и на новых домах непальцев.

Лишь один вид искусства (или, если угодно, ремесла) — ювелирное — не претерпел за многие века существенных изменений. Женщины — клиентура консервативная, поэтому веяния конструктивизма, авангардизма, абстракционизма, удешевление материалов, простота исполнения — все эти явления в ювелирном деле крайне нежелательны.

Классическая чистота линий, верность материалу (медь — так медь, золото — так золото), изящная утонченность и богатство отделки женских украшений — вот что ценилось и ценится во всем мире и тем более на Востоке, где издавна они составляют единственную собственность женщины.

Многие виды художественных ремесел, которыми славились невары, претерпевают ныне различные изменения. Но и в новом виде труд, талант неварских мастеров — и безвестных и именитых — неотъемлемая часть культуры непальского народа. Значит, их искусство живо!

Зимняя поездка в лето

В конце декабря мне позвонили друзья из Катманду и пригласили на... охоту. Охота так охота! — и я согласилась. На следующее утро в восемь часов к подъезду общежития мягко подкатила новенькая японская «Мазда», в которой сидели инженер Гамбхир и летчик

Шридэв. Гамбхир, красивый молодой человек с не сколько томным взглядом, вспоминал Советский Союз, где он еще так недавно учился. Шридэв, крепкий, военной выправки человек в кожаной куртке, вел машину. Я почему-то подумала про себя: как здорово, что за рулем машины, которая мчится по горной дороге, сидит именно летчик.

Мы проехали разбросанные на территории университетского городка невысокие жилые и административные корпуса современной архитектуры, оставили позади Киртипур и выехали на дорогу, ведущую в Катманду, до которого было всего несколько километров.

Справа от узкого шоссе лениво катила свои желтоватые воды неширокая здесь священная Ба́гмати. Слева виднелись серые в эту пору убранные поля. Лишь кое-где осталась пожухлая картофельная ботва и длинные желтеющие плети гороха. Земля, освобожденная от бремени, лежала теперь сухая и скучная. Налетавший временами ветерок взметал над голыми полями легкую пыль.

Пройдет совсем немного времени, и в этом же холодном декабре земля примет новые семена. Крестьяне по заведенному порядку совершат положенное.

Это будет третий, последний посев годичного цикла. На полях зазеленеют побеги бобов, редьки, огурцов и других овощей. Весело зажелтеют ковры горчицы. В феврале крестьяне будут собирать новый урожай. И после уборки третьего, последнего урожая, когда непальский год будет уже на исходе, полям Долины Катманду дадут отдохнуть подольше. Почти месяц будут готовиться к новому сезону. Когда же придет *байша́кх* (апрель), а вместе с ним Новый год Непала, начнется то большое и многотрудное дело, которое здесь называется *ропа́ин* — посадка риса. Посадка или посев других культур имеет общее название — *ропа́и*. Рис же, основная и любимая культура непальцев, удостоен особой чести. Ропа́и *гарну́* — значит «сажать, сеять» все, что угодно: кукурузу, помидоры, ячмень. Но чуть измени́те окончание: *ропаин гарну* — и это будет значить только одно — «заниматься посадкой риса»...

Ропаин начнется в апреле, когда земля хорошо прогреется и станет с нетерпением ожидать периода муссонных дождей. Кончатся холода, солнце засветит ярче,

и Большие Гималаи будут постепенно таять в густом тумане и низких облаках...

Сейчас же Долина выглядела по-зимнему — преобладал желтый цвет. Сухо шелестели увядшие листья. Резко вырисовывались в прозрачном, чистом воздухе силуэты оголившихся деревьев. Кое-где прямо в поле, словно недостроенные дома, стояли небольшие частные заводики по производству сырцового кирпича...

Вот мимо промчалась дипломатическая машина. На крыше у нее лежала большая сосна, срубленная где-то в горах. Ведь скоро Рождество, и вместо новогодних елок в домах у европейцев будут местные сосны — стройные, с упругими гибкими ветвями, увенчанными на концах кисточками с длинными хвоинками. Ели тоже растут в Гималаях, но в довольно труднодоступных районах.

Мы подъехали к Ратна-парку, в центре Катманду, и вышли из машины, поеживаясь от утренней прохлады. Прохлада — понятие в данном случае относительное. Средняя температура декабря в Долине Катманду 11 градусов тепла. В январе она на градус ниже декабрьской. Но это в среднем. А вообще-то здесь, в Долине, на высоте почти 1400 метров над уровнем моря зимой бывают заморозки. Ночью температура опускается на 2—4 градуса ниже нуля. Небольшие водоемы покрываются тонкой ледяной пленкой. Прохожие кутаются в шерстяные шарфы. В декабре темнеет рано — около пяти часов вечера, и кажется, что Катманду, погрузившийся в ночную тьму, засыпает. В самом деле, в будни уже в восемь часов вечера на улицах мало прохожих. Спать ложатся около девяти.

А лишь забрезжит рассвет и первые лучи солнца окрасят горы в нежные розовые тона, люди встают, чтобы начать новый день.

— Холодно? — с участием спрашивает Гамбхир.

— Да, прохладно...

— Днем будет жарко, — обещает Шридэв. — У нас всегда зимой так: ночью холодно, а днем жарко... Не знаешь, как одеться. И в Москве так?

— В Москве теплее, — отвечает за меня бывший «москвич» Гамбхир.

— Как теплее? — удивляюсь я. — Ведь у нас бывают тридцатиградусные морозы!

— Верно, верно! Но зато как тепло у вас в квартирах...

Гамбхир прав. В непальских домах нет отопительной системы. Люди греются у очага. В деревнях это довольно простое сооружение в углу или у одной из стен помещения. Тут готовят, едят и укладываются спать у погасшего, но сохраняющего тепло очага. Поскольку он расположен только в одной комнате, в каменном, кирпичном или глинобитном доме остальные помещения остаются холодными. Так что зимой в Долине Катманду днем теплее на улицах, чем в домах...

Мы стоим возле Ратна-парка, недалеко от полосатой тумбы, где дирижирует движением полицейский. Небольшую площадь пересекают несколько центральных, оживленных улиц, в том числе и Багх Базар, ведущая в сторону аэропорта Гаучар.

Ратна-парк — это сквер с заасфальтированными дорожками, клумбами, низкорослым кустарником и маленькими фонтанчиками. В парке, недалеко от входа, на небольшом постаменте установлен бюст королевы Ратны, в честь которой он и назван. Полное имя теперь уже вдовствующей королевы — Ратна Раджья Лакшми Дэви Шах. Ратна — невысокая изящная красивая женщина с мягкими чертами лица.

Вдоль всей низкой ограды Ратна-парка, сантиметров на тридцать ниже уровня тротуара, на плотно утрамбованной земле расположился живописный ряд мелких торговцев. Здесь и гроздья крепких бананов, и золотые россыпи мандаринов; старые и свежие газеты, популярные брошюры; расчески и трикотажные футболки; дешевые сладости в виде шариков и лепешек; маленькие бутылочки из-под кока-колы, наполненные самодельными прохладительными напитками невероятно ярких цветов — огненно-красного, густо-зеленого и темно-синего. Впечатление такое, словно в эти напитки добавили несмываемые люминесцирующие краски, используемые на дорожных указателях. Горлышко каждой бутылки украшено половинкой маленького, чуть больше грецкого ореха, лимончика-*кагати*. Выпил — закуси, вот что это значит.

Среди торговцев оказываются люди и других заня-

ний. Тут разложил свои ящики бродячий фокусник, а рядом инструктор собрал слушателей, чтобы пропагандировать методы профилактики и лечения инфекционной болезни (В том году непальцев донимало острое заболевание глаз). Как-то в магазине электротоваров я увидела за прилавком... декана из университета. Выходит, что кроме учебно-научной деятельности он, будучи владельцем магазина, занимался еще и коммерцией.

У остановки автобусов, как всегда, стоит со своим лотком рослый Нараян. Он приехал с юга Непала, из тераев, и продает сигареты и *пан* (бетель), который особенно популярен в Индии. В Непале же у него не так уж много поклонников, за исключением южан из тераев. Правда, в праздники, в дни приема гостей хозяева и здесь, в Долине, непременно угощают паном. Вяжущая острая смесь оказывает несколько возбуждающее действие. Когда ее жуют, она выделяет красный сок, окрашивающий язык и губы.

Увидев меня, Нараян приветственно машет рукой.

— Намастэ, Нараян-джи! Как поживаете?

— Хвала всевышнему, здоров, — отвечает Нараян. — Хотите свежий пан? — Ему нравится разговаривать со мной на хинди. Родной язык Нараяна — один из диалектов хинди.

— Нет, нет! Спасибо. Я уже пробовала...

— Больше не хотите? — смеется Нараян, разглаживая густые усы.

— Какие новости из дома, Нараян-джи?

— Да вот что-то давно не получал от жены писем. Уж не случилось ли что с ней или с детьми... — Нараян обеспокоен.

— Не волнуйтесь. Наверное, сами скоро к ним поедете? — успокаиваю я.

— Пока все не продам, не могу. Слишком накладно будет. Здесь товар не оставишь. Брать с собой — тоже ни к чему. Там ведь таких, как я, много. А здесь, почитай, я почти что один.

— А вам здесь нравится? — спрашиваю я.

— Да неплохо. Только холодно очень...

Да, там, где его дом, сейчас гораздо теплее. Здесь, в Долине Катманду, горный умеренный климат. В тераях же — субтропический. Сейчас в его родных краях, наверное, градусов восемнадцать...

Вот уже полтора часа мы колесим вокруг Ратна-парка в ожидании остальных охотников. Целых полтора часа! Не слишком ли мы терпеливы? Но ни Гамбахир, ни Шридэв не выказывают никакого раздражения. Непальцы часто подтрунивают друг над другом из-за отсутствия пунктуальности. «Непали тайм» («непальское время») — говорят они. Это значит, что какое-либо коллективное дело начинается не в назначенный срок, а тогда, когда все соберутся и всем будет удобно...

Прошло еще двадцать минут. Наконец подошли те, кого мы так долго ждали: строгий, корректный Рималь, веселый, улыбающийся Индрапрасад и несколько угрюмый молодой человек по имени Суреш. Его я видела впервые.

Ни объяснений, ни упреков... Вшестером мы втиснулись в машину и покатили по новому шоссе в сторону Кодари, на север от Катманду.

В ответ на мое восторженное замечание по поводу отличной дороги Рималь говорит:

— А ты знаешь, сколько стоили эти сто четыре километра дороги? Семь миллионов долларов! Строили китайцы. Это одна из самых дорогих трасс в Непале. Ее содержание обходится ежегодно примерно в двести тысяч долларов, или в два миллиона непальских рупий. Расходы не окупаются. Движение-то, сама видишь, какое. Тридцать автобусов в день до Банепы. Это каких-нибудь двенадцать-пятнадцать километров. Дальше, до Барабисе идут с товаром несколько грузовиков: ну пять, от силы — десять. Иногда промчатся несколько джипов до самого Кодари. Разве при такой «интенсивности» движения дорога окупится?

— А какие же товары возят по ней?

— Ассортимент невелик. В основном с севера в Катманду везут овец, иногда овечью шерсть. Ну и, конечно, соль. Ее мы всегда получаем с севера, из Тибета. Частенько контрабандой... А от нас, из центра, вывозят товары мелкие, но необходимые: мыло, сигареты, спички и, разумеется, рис.

— И все это производится в Долине Катманду? — спросила я.

— Ну, во-первых, товаров не так уж много, — неторопливо продолжал Рималь. Остальные прислушивались к нашему разговору. — Во-вторых, я перечислил

дело не все, что у нас производится. В-третьих, многие товары, например те же сигареты, ввозят из тераи, с самой крупной сигаретной фабрики в Джанакпуре, построенной с помощью Советского Союза. Это очень хорошо оснащенная фабрика. И вид у нее отличный. Будешь в Джанакпуре, посмотри обязательно.

Я знала об этой фабрике. Как и о других предприятиях, построенных с экономической и технической помощью СССР. Это и завод простейших сельскохозяйственных орудий в Биргандже (он стал первым большим предприятием металлообрабатывающей промышленности в Непале), и сахарный завод в том же Биргандже — крупное предприятие страны, и гидроэлектростанция Панаути в нескольких десятках километров от Катманду, снабжающая вместе с другими ГЭС столицу и остальные города Долины, и детская больница в Катманду, и шоссейная дорога Симра — Джанакпур в горах, протяженностью в сто десять километров, которая станет частью будущей транснепальской магистрали Восток — Запад.

Все эти объекты, за исключением джанакпурской сигаретной фабрики, я уже видела, о чем и сказала Ришаю.

— Между прочим, в Катманду тоже есть сигаретная фабрика. Правда, небольшая. В Джанакпуре, на государственной, выпускают два миллиарда сигарет в год. А здесь всего тридцать пять миллионов, — вступил в разговор Гамбхир. — И, кроме того, в Непале больше ста двадцати кустарных мастерских, где делают наши традиционные *бири* *.

— Откуда такая информация? — улыбнулся летчик. — Вы так много говорите о сигаретах, что мне захотелось курить. Дайте мне, пожалуйста, сигарету, я закурю, если, конечно, наша гостья разрешит.

Я не возражала. Шридэв с наслаждением затянулся, и приятный аромат на время поглотил запах бензина, сухих листьев, свежего зимнего дня.. Вскоре они смешались и оставались в машине еще долго, до самого конца поездки.

— Информация, спрашиваешь, откуда... — продол-

---

* Б и р и — популярные в странах Южной Азии местные сигареты, напоминают маленькие (длиной 4—5 см) самокрутки из табачного листа.

жал тем временем Гамбхир. — Я инженер, и мне следует знать кое-что и кроме своей специальности. Например, экономику страны, ее промышленность.

— Ну уж и промышленность у нас! — скептически протянул хранивший до сих пор молчание Суреш. — То-то наши молодые инженеры, получившие образование за границей, потом не знают, куда устроиться на работу и где применить свои знания.

— Страна-то аграрная, — заметил Индрапрасад. — Девяносто процентов населения заняты в сельском хозяйстве...

— Это верно, конечно. Но предприятия у нас все-таки есть. Их уже около тысячи, — продолжал Гамбхир.

— Ты считаешь и крупные государственные фабрики, и заводы корпораций, и небольшие частные фабрики, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, даже такие, где работает меньше десятка рабочих? — спросил Суреш.

— Разумеется. Я имею в виду и мелкие предприятия, которые занимаются выжимкой масел, и рисорушки, и лесопилки.

— Если в Катманду не видно дымящихся труб, это вовсе не значит, что здесь нет промышленных предприятий. Ты была в Баладжу? — вопрос ко мне.

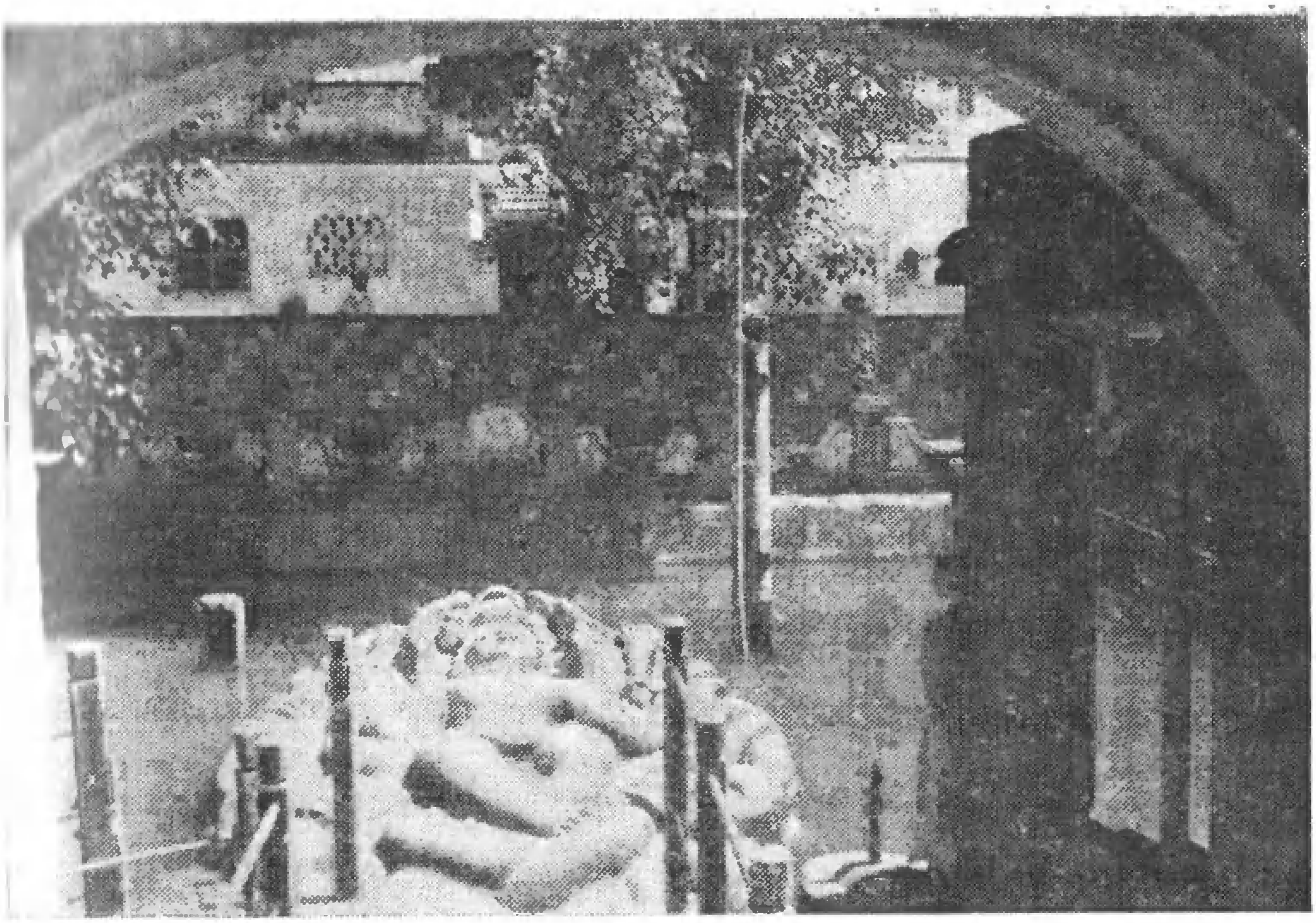
Ну как же! Как можно, живя в Катманду, не посетить Баладжу! Он всего лишь в трех километрах от центра столицы.

В прежние времена там был огромный парк. В нем шумели вечнозеленые цветущие деревья, стояли укромные беседки, увитые вьющимися растениями, журчали прозрачные струи искусственных источников, которые и дали название этой территории — *Баисдхара* — «Двадцать два источника». В водоемах переливались сверкающей чешуей золотые и серебристые рыбки. В парке любила прогуливаться знать.

Позднее Баисдхара был заброшен. Он приобрел тот унылый и безрадостный вид, который неизменно появляется у творения, искусственно созданного и потом забытого...

В наши дни парк ожил. Его привели в порядок, обновили, он привлекает к себе и горожан, и туристов.

Я, конечно, тоже бывала там, видела и темный парк, и беседки, и все двадцать два замысловатых фигурных



Спящий Вишну в Бурханилькантхе

источника, вделанных в стены, и сверкающих декоративных рыбок, и толстых, ленивых сазанов. Главная достопримечательность парка — спящий Вишну. Изваянный из монолита, он покоится на своем верном змее Шеше, который застыл в каменной неподвижности посреди небольшого водоема. Весь облик могучего Вишну навевает тихую умиротворенность. Вишну Баладжу — копия того Вишну, который мирно дремлет на другой окраине Катманду, в Бурханилькантхе. Копию создали специально для короля, ибо оригинал и король, являющийся воплощением Вишну на земле, не могут одновременно быть вместе. Иное дело — копия... С ней король может общаться. Тем более что она ничуть не уступает оригиналу.

Все это я вспомнила, когда Гамбхир спросил меня о Баладжу. Но я поняла, что он имел в виду вовсе не парк с его красотами, а нечто совсем другое — то, что из недавнего средневековья протягивало мост в современность, то, что делало замкнутый, отрезанный от внешнего мира и новой эпохи древний Катманду городом, который ставит перед собой новые задачи.

Одна из них — развитие некоторых отраслей легкой промышленности на базе местного сырья. С этой целью именно здесь, в Баладжу, в 1963 г. было начато создание промышленного центра: строились различные предприятия и мастерские. Ныне это небольшие, частично полукустарные предприятия, где производят изделия самого разного характера. Тут и текстильные фабрики, выпускающие недорогие ситцевые, сатиновые, фланелевые ткани, как правило, с характерным национальным мелким рисунком, и кондитерская фабрика, и птицефабрика, и холодильник, и мастерские по пошиву обуви, изготовлению лезвий и металлической посуды (столь популярной в быту непальцев), разнообразных изделий из бамбука и ремонту автомобилей.

Но Баладжу — не единственный очаг промышленности Долины Катманду. Ближайший сосед столицы — древний город Патан (он же Лалитпур) тоже имеет свой центр промышленного развития. На протяжении веков в Лалитпуре процветали тонкие художественные ремесла: изготовление бронзовых статуэток, ритуальных сосудов, ювелирных изделий из серебра и золота, резьба по дереву, чеканка по меди.

И сейчас в Патане действуют кустарно-ремесленные мастерские, а также школа по подготовке мастеров художественных ремесел.

В последние годы особую славу Патану составили ковровщики, главным образом тибетцы. Они живут и работают в районе Патана Джавалакхель. Их опекает особая швейцарская миссия, которая поставила работу тибетских кустарей на организованную артельную основу и умело использует их мастерство и дешевый труд. Она же занимается и экспортом ковровых изделий за границу.

Вообще в Непале иностранный частный капитал действует весьма активно. Непал не только допускает участие иностранных предпринимателей в развитии своей промышленности, но и предоставляет им ряд льгот.

В тераях многие предприятия, в частности джутовые, принадлежат индийским промышленникам, в том числе таким крупным капиталистам, как Бирла и Чамария. Индийские предприниматели владеют более чем пятьюдесятью процентами всех капиталовложений.

В городе Бхайраве в 60-х годах был построен круп-

пешний сахарный завод, акции которого принадлежали непальской компании и британской фирме из Глазго.

Подобных примеров много. Правда, в последнее время интерес иностранных предпринимателей к Непалу несколько упал из-за ряда причин экономического и политического характера.

Все, что находится в пределах Долины Катманду: ее гидроэлектростанции, разработки полезных ископаемых (например, великолепного мрамора в Годавари), заводы (такие, как цементный завод в Чобаре), многочисленные городки и деревни, специализирующиеся на кустарном производстве (Банепа с маслобойнями, Тхими с его гончарными изделиями и другие), а также центры промышленного развития в Баладжу и Патане — составляет некий единый промышленно-экономический комплекс. Об этом мы говорили и думали, пока лодкая «Мазда» легко и быстро шла вперед.

Пейзаж тем временем настолько изменился, что казалось, мы попали в другую страну, причем южную, теплую и зеленую. Дорога вилась между холмами. Там, где они не были покрыты растительностью, выступали большие участки кораллового цвета — красноземы. Зеленые и коралловые холмы... И придорожные насыпи тоже были кораллового цвета.

...Мы выходим из машины. Коралловые холмы рядом с нами. А там, дальше, со всех сторон возвышаются цепи гор. Острые и округлые, конусовидные и зубчатые, покрытые снежными шапками и обнаженные, они — вечные стражи, молчаливые свидетели того, что происходило внизу на протяжении долгих веков.

Мимо зеленых и коралловых холмов, задевая ветви цветущего кустарника, спускаемся по узкой тропинке к реке. Жарко. Сбросив куртки, засучив рукава и закатав брюки, подходим к самой воде. Вода в реке неспешно течет, перекатывая гальку и обходя большие валуны, лежащие на дне. Очень чистая и прозрачная. Опускаем в нее руки. Холодно!.. Неудивительно — горная река, питаемая ледниками...

За рекой, на том берегу зеленеют поля, цветут раскидистые деревья манго.

Я знаю причину этого эффекта: разность высот, но не могу отделаться от чувства удивления. Попасть из непальской зимы в непальское лето!..

— Сколько мы проехали на север? — спрашиваю у Шридэва.

Пилот смотрит на часы, высчитывает в уме:

— Километров шестьдесят.

— А на какой высоте находимся?

— Мы сейчас примерно на высоте около четырехсот метров над уровнем моря. Вот в чем все дело: мы оказались в долине, расположенной хотя и севернее, но зато на тысячу метров ниже Долины Катманду. Потому-то там прохладно, а здесь просто жарко.

Уж эти чудеса природы Непала! В ширину с юга на север он простирается в среднем на двести — двести пятьдесят километров. Значит, будь он равнинной страной, климатические условия на всей территории были бы примерно одинаковы. Но в том-то и дело, что Непал — это низменности и возвышенности, высочайшие горы и глубокие долины. От равнинных тераев на юге, которые являются естественным продолжением Индо-Гангской низменности, до заоблачных высот Главного Гималайского хребта на севере. Горы поднимаются тремя уступами: на юге — невысокий хребет Сивали́к (хребет Шивы) высотой до 500—700 метров, дальше на север — могучий Махабха́рат (Великий Бха́рата) и на крайнем севере страны — Главный Гималайский хребет, или Большие Гималаи (на санскрите *Химала́й* — «Обитель снегов»). Между Махабхаратом и Главным Гималайским хребтом лежит Мадеш (по-непальски), или Мидленд (по-английски), или Срединная страна (по-русски). По нему текут бурные реки. Долины этих рек, большие и малые, расположены на высоте от 600 до 2000 метров над уровнем моря. Естественно, что в зависимости от высоты и от многих местных условий каждая из них имеет свой микроклимат.

В целом же вследствие колоссальной разности высот (в 8600 метров) между крайними точками севера и юга Непала климатические условия на относительно небольшой территории сменяются очень быстро. Иные ученые насчитывают в Непале до семи климатических поясов — от субтропического на юге до пояса вечных ледников на больших высотах севера. Таковы особенности высокогорной гималайской страны.

Тем временем мои спутники решили, что перед началом охоты не мешало бы перекусить. Купив рыбы у

местных мальчишек, которые, шлепая босиком по холодной воде, выуживали ее небольшими сетями, друзья попросили рыбаков приготовить для нас рыбное блюдо.

— Будет уха, — по-русски сказал Рималь и причмокнул губами.

— Ну, как долина? Хороша, не правда ли? — с восхищением оглядываясь вокруг, спросил Гамбхир.

— Здесь, конечно, приятно, ничего не скажешь, но, знаешь, я настолько привык к Большой Долине, что мне она кажется самой прекрасной в Непале, — ответил Рималь. — Манджушри́ знал, где взмахнуть мечом...

Рималь имел в виду легенду о возникновении Большой Долины, которую знают все непальцы.

Вот эта легенда. В древние времена на месте Долины находилось большое озеро, воды которого кишели гигантскими змеями и разными водяными чудовищами. Однажды из семени лотоса, брошенного неким святым, посреди озера вырос огромный цветок. Все его десять тысяч лепестков сияли золотом и драгоценными камнями, а в середине пылал огонь ярче самого солнца.

Божественный герой Манджушри́ понял, что появление лотоса — это *сваямбху*, знак «божьей благодати», осенившей край. Манджушри пришел к озеру и одним ударом меча разрубил скалу. Воды озера потекли вниз, унося с собой змей и страшных чудищ. Тогда открылась прекрасная, плодородная долина, в которой отныне могли поселиться люди и воздвигнуть храмы в честь божества и Манджушри. Место, где Манджушри рассек скалу, называется Котдвар, или Чобар. Оно — в восьми километрах к югу от Катманду.

Так, согласно преданию, возникла Большая Долина, или Долина Катманду, или Непальская Долина. Последнее название тоже популярно среди местных жителей. Мне доводилось встречать за пределами Долины людей, которые говорили, что идут «в Непал». Это означало, что они направляются в Непальскую Долину, то есть в Долину Катманду.

Название «Непал» применительно к Долине свидетельствует о том, что первоначально именно те земли, которые находились в ее пределах, носили это имя. Лишь позже, на протяжении долгих веков, расширяя и объединяя многие мелкие княжества, существовавшие в непредельных гималайских территориях, правители До-

лины создали государство, которое ныне существует. И старое, местное название стало таким образом именем всего королевства.

Вскоре и уха и жареная рыба были готовы. От котла с ухой и от сковородки шел пряный запах — так сильно приправили рыбу специями.

— Хороши охотнички, нечего сказать! — притворно возмущался Рималь. — Дичи не подстрелили никакой, зато прикладываемся к еде уже второй раз.

— Да, кажется, наша охота неожиданно превратилась в рыбную ловлю, — заметил Гамбхир.

— Да и рыбу-то ловили чужими руками,— добавил летчик Шридэв, и все мы дружно принялись за трапезу.

В тот день с охотой нам так и не повезло. Несколько раз над нами пролетали стаи диких уток, но пока мои «охотники» присматривались, примерялись, прицеливались, все утки успевали скрыться из виду.

На обратном пути пили чай в маленьком трактире. Строение, сколоченное из досок разной ширины, стояло на крутом повороте дороги у невысокого обрыва, под которым текла река. Узкое в этом месте шоссе отделяло трактир от нависающих с противоположной стороны высоких скал, кое-где поросших кустарником.

Пока в углу на очаге кипятилась вода, я пыталась втянуть в беседу молодую хозяйку. Девушку звали Ганга, а ее сестру — Джамна — по имени другой священной реки. Ганге было восемнадцать лет. На смуглом круглом личике горел яркий румянец, и это придавало ей задорный, бойкий вид. Однако присутствие образованных молодых людей из города весьма смущало девушку, она предпочитала отмалчиваться. Выручил ее местный крестьянин, который вместе с нами зашел в трактир. Упрашивать его побеседовать не пришлось, Рамнатх (так звали крестьянина), очевидно, привык выступать на сельских сходах, и незнакомое общество отнюдь не лишило его красноречия. Он говорил о дороге, о том, что теперь жители отдаленных деревень получили возможность бывать в столице гораздо чаще, чем прежде. По привычке многие еще ходят туда пешком, хотя есть автобус. Но если раньше добирались горными тропами, то теперь идут прямо по шоссе.

Рамнатх рассказал нам также о том, что трактир на этом месте стоит уже несколько лет. Раньше тут хозяйничала мать Ганги и Джамны, теперь она нездорова, живет в деревне, а сюда присылает дочерей. Но девушкам здесь неплохо. Народ тут мирный, зря не обидит.

В деревне (она неподалеку) свои трудности. В прошлом году река разлилась и затопила поля. Сейчас всем миром собираются строить плотину.

У Рамнатха есть небольшое рисовое поле. Урожаи бывают разные. Поле досталось по наследству от деда. Хуже тем крестьянам, которым приходится арендовать землю. Хорошо еще, что по новой земельной реформе арендаторы платят владельцам не более половины урожая. Еще недавно арендная плата составляла две трети урожая, а иногда и больше.

— Многие крестьяне в долгу у ростовщика... — говорил наш собеседник.

Да, ростовщичество — бич непальских крестьян. Долги, как и имущество, переходят по наследству от отца к сыну. Иногда они так велики, что семьям приходится расставаться со всем своим добром — фактически крестьяне становятся рабами своих «благодетелей».

Долговое рабство существовало в Непале издавна и юридически было ликвидировано лишь в 1924 г.

Правительство постепенно проводит реформы в области сельского хозяйства: установлен максимальный размер земельных владений для помещиков, предпринимаются попытки распределить излишки помещичьих земель среди неимущих крестьян. Чтобы облегчить положение малоземельных и безземельных, кое-что делается для ограничения ростовщичества. Ростовщики не должны взымать более десяти процентов годовых. Тем не менее кредиторы находят всяческие лазейки, чтобы получить с крестьян более высокий процент, а те, боясь лишиться хотя бы такой помощи, утаивают эти незаконные сделки от правительственных комиссий...

Известно, что Непал — страна исконно земледельческая. Шестьдесят пять процентов ее валового продукта составляет сельскохозяйственная продукция, девяносто три процента населения занято в сельском хозяйстве. Сравнительно малочисленная группа крупных помещи-

Деревня в Долине Катманду

ков владеет большей частью обрабатываемой земли. Основную массу крестьян составляют арендаторы, которые, как уже сказано, вынуждены отдавать землевладельцам почти половину урожая.

В деревнях продолжается расслоение крестьянства. Часть беднейших слоев лишается средств к существованию. Трудно, очень трудно даются Непалу шаги по пути аграрных преобразований.

Пока Рамнатх рассказывал о деревне и событиях, связанных с жизнью и бытом крестьян, Ганга молчала. Когда же речь зашла о делах семейных, она включилась в общий разговор и даже стала подшучивать над нашим собеседником. Рамнатху можно было дать лет тридцать шесть. Мы узнали, что ему всего двадцать четыре года. Определить точный возраст непальца всегда затруднительно. Пятидесятилетнего мужчину в деревне считают уже стариком, женщину же — старухой в еще более молодом возрасте. Однако подчас мужчины, которым под сорок, выглядят здесь молодыми людьми,

лишь приближающимися к рубежу тридцатилетия. Но случается и наоборот, как с Рамнатхом.

На вид он совсем зрелый мужчина. Строгий умный взгляд придает ему солидность. Глаза у него удивительно красивые — широко распахнутые, карие, бархатные. Наверное, не одна деревенская красавица до сих пор заглядывается на этого парня... Впрочем, Рамнатх женат, и давно — вот уже одиннадцать лет. Когда он женился, ему было тринадцать лет, а невесте — девять.

В сельских районах Непала ранние браки продолжают заключаться и поныне. Мне не раз приходилось встречать совсем юных замужних женщин, точнее говоря, замужних девочек.

Однажды в пути я встретила группу деревенских детей. Они пасли коз. Среди ребят была девочка лет девяти, довольно хорошенькая. Я обратила на нее внимание еще и потому, что шею девочки украшали красные бусы, а пробор был посыпан *синдуром* — красным порошком. Сомнений не оставалось — девочка замужем. Я узнала, что ей тринадцать лет, а ее мужу — тридцать. Это была моя первая встреча с замужней девочкой, и потому она особенно запомнилась.

В деревнях девочек часто выдают замуж уже в девять-десять лет. Прожив в браке лет тридцать и приобретя к этому времени внуков, женщины в сорок лет считаются весьма старыми.

Примерно половина женщин в Непале в возрасте от сорока пяти лет — вдовы. В тераях процент их еще выше. Причем один процент среди вдов составляют девочки-вдовы десяти-четырнадцати лет, потерявшие мужей, но уже ставшие матерями.

Сообщение Рамнатха о его ранней женитьбе я восприняла как нечто само собой разумеющееся.

Мы простились с молодой хозяйкой, словоохотливым крестьянином и отправились назад, в Долину Катманду.

И хотя охота наша потерпела полное фиаско, я радовалась, что увидела и узнала много интересного. На обратном пути веселый Индрапрасад, у которого оказался хороший голос, и я пели песни из индийских кинофильмов. По-видимому, остальные «охотники» тоже ничуть не жалели о прожитом дне. Они подпевали нам. С песней из индийского фильма «Приятное путешествие» мы въехали в Большую Долину, в нашу Долину.

В тераях

Господин Шарма, молодой преподаватель истории в университете, осенью ушел в горы. Не один, а с японской экспедицией. Предприимчивые японцы (их много в Катманду) и тут поспели. Непал ведет с Японией оживленную торговлю. Основной вид поставок из Японии — ткани. Японцы так приспособились к вкусам непальских покупателей, что стали делать нейлоновые сари, которые здесь пользуются большим спросом.

В Катманду есть японские ресторанчики, а на склоне Сагарматхи (Эвереста) на высоте 3960 метров над уровнем моря японцы построили отель, самый высокогорный в мире; по дорогам Долины мчатся автомобили японских фирм «Хонда», «Дацун», «Тоёта» и «Мазда». Пожалуй, не менее активны и японские исследователи, снаряжающие в Гималаи экспедиции ботаников, зоологов, геологов и просто альпинистов. Так, японские альпинисты штурмовали гималайские вершины и среди них — Сагарматху. Японцы умудрились также спуститься с Сагарматхи... на лыжах (разумеется, не с самой вершины). Их снабдили специальным снаряжением, в том числе парашютом. Они с большим мастерством запечатлели все это на пленке. Я видела японский фильм о Непале, где страна служила всего лишь фоном, на котором развертывались события, кульминационным моментом которых стал головокружительный спуск лыжника — зрелище действительно захватывающее, настоящий спортивный подвиг.

С одной из таких экспедиций и ушел в горы господин Шарма. Вернулся он месяца через три. Сильно загорел, отрастил элегантную черную бородку. Стал еще красивее. Он всем говорил:

— Чтобы увидеть настоящий Непал, надо непременно побывать в самих Гималаях...

То же самое утверждали и мои друзья-студенты, и профессора университета. Да и сама я понимала, что нужно посмотреть как можно больше. Было множество разных маршрутов. Все они казались увлекательными и вместе с тем трудными. Заманчиво было, например, отправиться к монастырю Тянгбóче, который расположен у самого подножия Сагарматхи, в стране шерпов. Однако в последнее время этот долгий и тяжелый путь стал одним из самых проторенных в Гималаях. Более того, примерно на полпути к Тянгбóче есть местечко Фáплу с маленькой посадочной площадкой, куда рейсовый самолет доставляет альпинистов и путешественников. Оттуда они и отправляются на Сагарматху. Я уж не говорю о специальных полетах над Гималаями с демонстрацией Эвереста во всех ракурсах — редкое и не самое дешевое удовольствие для туристов. Хотелось пройти там, куда не ступала нога человека, или во всяком случае, нельзя было добраться самолетом. Кроме того, я мечтала пересечь Непал с юга на север и посмотреть внутренние районы страны.

Для того чтобы увидеть как можно больше, мы разработали специальный маршрут. Мы — это стажеры Трибхуванского университета: непалец Умакант Мишра, англичанин Дэниэл Браун и автор этих строк. Сначала из Катманду на юг — в Бхайрáву, город на границе с Индией, в тераях, затем вверх, к северу — в Тáнсен, далее в Пóкхару и уже оттуда к тибетской границе, в сторону Мустанга.

Чем привлекал нас такой маршрут? Тем, что он пересекал страну с юга на север. Пункты, которые я назвала, типичны каждый для своей зоны и в то же время чем-либо знамениты.

Бхайрава — город у границы с Индией, рядом с Лумбини, родиной Будды. Тансен — настоящий непальский город в центре Непала, очень колоритный и самый маленький по числу жителей из всех шестнадцати городов Непала. Покхара славится своими живописными окрестностями и самыми вкусными сортами мандаринов в Непале. Наконец, Мустанг — в недавнем прошлом государство в государстве, монархия в монархии — маленькое феодальное княжество, ныне ставшее админи-

стративной зоной Непала, но сохранившее свой неповторимый облик. Недалеко от него находится великий храм Муктинатх — центр паломничества наиболее ревностных индуистов со всего субконтинента.

Словом, маршрут был принят. Осталось только собраться в дорогу. Однако сборы, хотя бы на курорт, — дело достаточно хлопотное. Но в таком случае вы знаете, что вас ждет, и если не купили, к примеру, купальную шапочку перед отъездом, то можете надеяться, что сумеете приобрести ее по прибытии на отдых. Совсем иное дело подготовка к путешествию в Гималаи. Крупные экспедиции тратят на тренировки и снаряжение месяцы, а то и годы. Мы же были маленькой, неопытной группой любителей-энтузиастов, предпринявших это путешествие на свой страх и риск. Поэтому многого не могли предвидеть и собираться нам было одновременно и сложно и просто.

Сложно потому, что не знали твердо, что следует брать в дорогу и сколько. Если запасаться консервами, то в каком количестве? Как быть с обувью? А если кеды придут вскоре в негодность, где достать замену? Нужен фильтр для воды. Но кто же будет его нести? Нужен ли зонт? Видимо, нет, ведь это лишняя тяжесть. Лекарства просто необходимы. Но какие?

Вместе с тем собрались мы довольно быстро. Старались взять с собой лишь самое необходимое, свести тяжесть рюкзаков к минимуму.

Объяснялось это просто: нам надо было рассчитывать лишь на собственные силы. Обычно экспедиции запасаются фантастическим количеством провианта, снаряжения и при этом прибегают к услугам носильщиков-шерпов. Так, Джон Моррис — автор книги «Зима в Непале» — для своего путешествия по Западному Непалу нанял пятнадцать носильщиков. В Катманду существует специальная Ассоциация горных проводников и носильщиков, через которую всегда можно нанять шерпов, этих незаменимых спутников и помощников всех альпинистов и путешественников. Однако стоит это довольно дорого. Поэтому мы решили обойтись без них: у нас не было денег, чтобы платить носильщикам.

Итак, наши сборы подошли к концу. В назначенный день мы отправились в аэропорт. Чтобы как-то сберечь

силы и время, на юг страны мы решили лететь самолетом.

Был май. Вот-вот должен был начаться долгий период муссонных дождей. Небо с утра было затянуто тучами, моросил мелкий дождь, и нам казалось, что все рейсы будут отменены. Но думать так было преждевременно. Авиация Непала еще очень молода: Летчики тоже молоды. Может быть, поэтому они так отчаянно смелы, порой до безрассудства. Надо отдать им справедливость: все они прекрасно знают свое дело — хорошо чувствуют машину, умеют плавно произвести посадку на самом, казалось бы, не приспособленном для этого месте, которое непонятно почему именуется аэродромом. К тому же летать им приходится в сложных метеорологических условиях. Вскоре облака немного рассеялись, а вместе с ними и наши опасения.

В аэропорту нас ждал Дэниэл. Вид у него был довольно странный. Бедняга сгибался под тяжестью чудовищно большого рюкзака, на котором непонятно каким образом держались еще два спальных мешка. Сбоку свисали две фляги с водой, на груди болтался тяжелый фотоаппарат. Даже видавшие виды шерпы удивились бы такой поклаже. А мы дивились не только поклаже, но и аккуратно завязанному галстуку цвета спелой вишни на ярко-голубой рубашке.

Очевидно, ходить по Гималаям в галстуке может только англичанин. И то не всякий, а лишь тот, который окончил Оксфорд. Таким и был Дэниэл.

Изредка встречавшиеся на нашем пути альпинисты неизменно отпускали по адресу злополучного галстука всякие едкие замечания. Но Дэниэла это нисколько не смущало. Он отвечал шутками, аккуратно стирал в водопадах свои желтую и голубую рубашки, а по утрам непременно брился и тщательно завязывал галстук перед каждым новым броском на север.

Впрочем, Мишра выглядел не менее элегантно: тяжеленный рюкзак, правда, слегка помял его белую рубашку, но зато на голове у него была круглая черная шляпа с полями, а в руках внушительный черный зонт.

Мы вошли в маленький самолет. Пилот долго возился с мотором. Через полчаса мы были в воздухе. Внизу виднелись знакомые пейзажи Долины Катманду. Самолет взял курс на юг.

Вскоре показалась нескончаемая цепь гималайских гор. Кое-где они расступаются, образуя плодородную долину, а затем плотно смыкаются вновь. Вдалеке можно разглядеть вершины, покрытые снегом. Когда самолет снижался, казалось каким-то чудом, что он не вреза́лся при этом в скалу! Летим словно по ущелью, потому что горы выше нас. Нам хорошо видны отдельные домики, крестьяне, работающие на полях, путники, идущие по дорогам, цветущие деревья, кустарники и, конечно же, — на горных склонах искусственные террасы, клочки возделанной земли, вырванной людьми у гор.

Самолет взмыл круто ввысь. Дома, люди и деревья превратились в точки. Вскоре и они исчезли. Под нами — лишь многочисленные горные складки, словно рубцы на теле старого воина.

Нас довольно сильно болтало. Было немного не по себе. Обычно в таких случаях в голову лезут всякие истории об авиационных катастрофах. Дэниэл тут же вспомнил почти анекдотический случай, происшедший с его знакомой стюардессой. Во время рейса ее подозвал к себе пожилой англичанин и спокойно сказал, но так, чтобы никто не слышал:

— Простите за беспокойство, мисс, но мне кажется, самолет горит.

Стюардесса посмотрела в иллюминатор: крыло самолета действительно было охвачено пламенем. Девушка поблагодарила пассажира и, стараясь ничем не выдать своего волнения, направилась в кабину командира корабля. Катастрофа, к счастью, была предотвращена. Так пассажиры ничего и не узнали о том, что им угрожало.

Наконец наш самолет приземлился. Покинув прохладный салон, мы окунулись в знойный воздух тераев. Мишра тут же сделал вывод: здесь, в Бхайраве, все, как в Биратнагаре.

По-своему, он был, конечно, прав. Дело в том, что южные города Непала: Биратнагар, Биргандж, Джанакпур, Бхайрава и другие расположены вдоль северной границы Индии в зоне субтропического климата. Сходство природных условий придало облику этих городов много общих черт.

Гор не видно. Лишь далеко на севере возвышаются

высокие зеленые холмы. Куда ни кинешь взор, повсюду однообразная равнина с тщательно обработанными полями. Кое-где блеснет лента реки или зеркало пруда, вытянутого лотосами. По дорогам движутся широкие упряжки волов, бегут повозки, запряженные резвыми низкорослыми лошадками. Мирно покачиваясь, шагают величавые хозяева джунглей — слоны. Они послушно выполняют порученную им человеком работу. Такого не увидишь во внутреннем Непале. Все это — атрибут тераев, обширной равнинной территории Индии и Непала, где джунгли отступают все дальше перед человеком, который прокладывает здесь дороги, строит города, возделывает поля.

В то время, когда мы обсуждали в зале ожидания вопрос о том, где остановиться, к нам подошел бритоголовый юноша в форменной белоснежной рубашке, пилот нашего самолета. Оказывается, он и Мишра вместе учились в «Тричандра колледж».

И мне в который раз пришла в голову мысль, что, по-видимому, все непальцы либо родственники, либо знакомы друг с другом.

Сердечно попрощавшись с летчиком, отправляемся в город. От аэропорта до города далеко. К услугам пассажиров — велорикши. Мы едем по длинной неровной пыльной дороге. Неожиданно до нас доносится какой-то странный незнакомый запах, который становится все сильнее. Тошнотворно-приторный, он просто невыносим. Мишра, зажав нос платком, все время кашляет.

— Рядом сахарный завод, — объясняет нам велорикша.

Теперь все понятно! Ведь сезон уборки сахарного тростника в самом разгаре. Проезжаем мимо завода. У входа стоят бесчисленные повозки, доверху груженные связками длинных тростниковых палок: это крестьяне сдают сырье на завод.

Останавливаемся в небольшом отеле. О том, что это отель, сообщает вывеска на заведении, но она не должна вводить в заблуждение. Любой постоялый двор в Непале претендует на такое название. Хозяева «отелей» считают, что для этого достаточно двух условий: крыши над головой и постояльцев, которые будут хорошо платить.

Нам объяснили, какие удобства нас ожидают в этом отеле, и провели в так называемый номер. В комнате стояли кровати с торчащими по бокам палками, на которые обычно натягивают москитные сетки. Сеток, правда, не было и в помине, зато в число основных удобств входил душ (воды не было) и туалет (дверь которого закрывалась только снаружи).

Мы оставили вещи в комнате, наскоро перекусили и отправились знакомиться с городом, ожидая увидеть в нем много любопытного.

На улице мы заметили, что возле окна нашей комнаты цветет дивное дерево. Листья его похожи на листья мимозы, а цветы красные. Это знаменитый гульмухар, воспетый во многих индийских романах. Дерево любви, красными цветами которого украшают прическу невесты.

Мы вышли на главную улицу Бхайравы. Она похожа на центр всех городов тераев: длинная, грубо мощенная дорога, по обеим сторонам которой расположились всевозможные магазины, двери их распахнуты настежь — заходи, покупай! Можешь поторговаться. В магазинах что побогаче стенка по ту сторону прилавка украшена зеркалами. В них отражаются витрины, смуглые, разгоряченные лица покупателей, машины и рикши, едущие по мостовой, и даже противоположная сторона улицы со своими витринами и зеркалами. Лоточники предлагают восточные сладости и кокосовые орехи, кока-колу и ярко окрашенные соки, печеный и воздушный сахар. У торговцев фруктами на прилавках — грозди бананов, лимоны всех сортов и размеров: круглые малютки-ка́гати, средней величины — *ни́мбу*, похожие на наши, и большие тяжелые — *бхо́гате*.

Уже созрели первые манго — нежные, ароматные, покрытые зеленой блестящей кожурой плоды с оранжевой мясистой сердцевиной и крупной плоской косточкой.

Горкой сложены желтые слегка овальной формы плоды *амба́*, внешне похожие на лимон, но с мягкой тонкой кожицей. Они необыкновенно дешевы. Поторгуйтесь — и на рупию можно купить два десятка золотых плодов. Европейцам они известны под названием гуава. Но, кажется, никто еще не придумал, с чем сравнить вкус этого плода, сплошь усыпанного внутри мелкими

белыми зернышками. Мне показалось, что это невероятная смесь яблока, лимона, пастилы и одеколона.

Из небольших закусочных и кафе, многие из которых, конечно, называются ресторанами, доносится специфических запах пряностей, подливок, специй, топленого масла *гхи* (на нем готовят пищу). Воздух буквально напоен этим запахом. Без него нет торговой старой части индийских городов, нет городов непальских. Нестерпимо жарко. Заходим в ресторанчик и пьем вкусный, освежающий национальный напиток — густой белый *лассй* — что-то среднее между сладкой простоквашей и взбитыми сливками. Медленно тянем его через соломинку...

Продолжаем знакомство с Бхайравой. Время от времени смачиваем водой платки и прикладываем их к мокрым от пота лицам и шеям.

На краю города попадаем в новый район — Бармáли тол. На значительном расстоянии друг от друга стоят аккуратные каменные особнячки, окруженные участками, где растут молодые деревья и разбиты цветники. Здесь живут зажиточные непальцы, в основном те, которые вернулись на родину из Бирмы.

Останавливаемся перед одним особенно привлекательным домом и любуемся его садом. На веранде появляется молодая женщина. Она с удивлением смотрит на нас. Дэниэл так восхищается вслух ее домом и садом, что польщенная хозяйка приглашает нас к себе в гости. Служанка открывает ворота, и мы проходим по бетонной дорожке к дому.

Женщина показала нам гостиную и рассказала о своей семье. По ее знаку служанка ввела в комнату детишек. Счастливая мать представила нам каждого из семи веселых смуглых ребятишек. Нам стало приятно в такой компании. Мы с удовольствием поболтали с ними и вскоре заторопились к выходу. Хозяйка на прощанье угостила нас вкусным шербетом. Сладкая вода напоминала кока-колу, напиток, призванный утолять жажду, но никогда ее не утоляющий. Шербет слаще, и, как ни странно, ощущение мучившей нас жажды прошло. Мы поблагодарили гостеприимную хозяйку, попрощались с ее ребятишками и вновь оказались в знойном городе.

Возле здания городского управления есть большой

запущенный пруд. Местные жители, наверное, так привыкли к нему, что не обращают на него никакого внимания. Мы же стоим зачарованные, не в силах оторваться от этого зрелища. Из густой травы на берегу торчат изящные фиолетовые головки цветов. Над водой склонились ветви гульмухара с красными цветами. На гладкой поверхности пруда переплелись стебли и листья лотосов, и из этого зеленого кружева поднимаются закрытые, полураскрытые и совсем распустившиеся цветки. Белые, розовые и желтые. Словно на зеленом бархате — изящные бокалы цветного богемского стекла.

Лотос. Сколько легенд и сказок связано с ним! Все люди любят цветы, но так уж повелось исстари, что у каждого народа свой любимый цветок. Вплетают его в волосы красавиц, рисуют в узорах тканей, воспевают в стихах, песнях. У русских — это ромашка и василек, у англичан и персов — роза, у французов — лилия, у австрийцев — скромный эдельвейс, у непальцев — *ла́лигура́нс* *, у индийцев — лотос.

В традиционной системе образов классической поэзии лотос занимает видное место. Так, юная красавица всегда сравнивалась с бутоном лотоса, ее глаза, губы, руки — с лепестком лотоса. Художники любят рисовать цветы лотоса и украшать ими стены храмов и дворцов. Даже богиня счастья и любви, прекрасная Лакшми, по преданию, поднялась из морской пучины на огромном цветке лотоса. Он покорил не только Индию, но и всю Южную и Юго-Восточную Азию.

Мишра, Дэниэл и я замечаем, что мы дошли до окраины города. Дальше — деревни, поля. Проходим несколько деревень. Они ничем не отличаются от деревень соседнего индийского штата Бихар. Маленькие, крытые соломой дома из глины по форме напоминают, пожалуй, среднеазиатскую юрту. Низкая дверь ведет в дом. Там темно — окон нет. На полу — циновки, на которых спят крестьяне; возле очага на полках — медная и глиняная утварь; сундук с семейным добром (если таковое есть) — вот и вся обстановка. Снаружи дом кажется маленьким, когда же входишь в него, помещение выглядит довольно просторным. Местные кре-

---

* Красивые алые цветки древовидного рододендрона (*Rhododendron arboreum*).

стьяне низкорослые и худощавые. Целыми днями они работают в поле, дети предоставлены улице. В доме остается лишь хозяйка (она хлопочет возле очага) да старики.

Дома́ не отделены друг от друга ни забором, ни изгородью. Возле них нет ни кустика, ни цветка — лишь жесткая утрамбованная земля.

На краю деревни, на току, шла молотьба. Несколько крупных волов в одном ярме тяжело бежали по кругу и обмолачивали рис. Старый погонщик привычно понукал их. Старик, как и все жители деревни, очень походил на уроженца Северной Индии: большие глаза, толстые губы, удлиненный мясистый нос — полное отсутствие тех типичных для непальца черт лица, к которым мы привыкли в Долине Катманду. Да и образ жизни, быт этих людей, их жилища, одежда, религиозные воззрения скорее североиндийские, нежели непальские. Когда мы спросили крестьян, какой язык у них родной, они с гордостью ответили — непали

Мы знали о тераях немало до приезда сюда. Климат здесь влажный, субтропический. Средняя январская температура около 15 градусов тепла. Летом жара достигает 32 градусов. На бо́льшей части тераев плодородные почвы. С древних времен местные жители выращивали рис, масличные культуры, табак, культивировали хлопчатник, сахарный тростник и джут.

В этих местах человеку не нужно отвоевывать у гор каждый клочок земли. Она щедро дарит ему свои богатства.

Когда-то здесь были непроходимые джунгли, где водились слоны, тигры и носороги. В реках обитали крокодилы. Тераи считались настоящим раем для охотников. Индийские раджи и английские наместники, непальские правители и богатые европейцы устраивали тут поистине королевскую охоту.

Теперь в поредевших лесах мало диких животных; слонов отлавливают и приручают с малолетства, тигры почти исчезли.

Ошибочно думать, что джунгли тераев — это те непроходимые тропические дебри, которые мы с детства рисуем в своем воображении: высоченные, в три обхва-

та деревья, обвитые толстыми лианами, с сочными листьями размером с подмосковный лопух, на ветках — веселые обезьяны, притаившиеся возле каждого корня страшные кобры и озаряющие своим оперением лесной полумрак разноцветные попугаи. Конечно, еще остались и такие девственные уголки лесного царства, но их мало и становится все меньше.

В основном же леса тераев негустые, недремучие. Невысокие деревья, перемежающиеся кустарником, напоминают порой прибалтийский пейзаж: скромный, неброский, приглушенных тонов. Это тоже джунгли. «Джунгли» — искаженное, санскритского происхождения слово «джангль» (у индийцев означает как раз «лес») — пришло к нам из английского языка.

Сейчас в нескольких районах тераев созданы заповедники. Бесконтрольный отстрел животных запрещен, и лишь для почетных гостей правительство Непала устраивает иногда специальную охоту.

По преданию, в этих джунглях скитались легендарный царевич Рáма и его верные спутники — супруга Сúта и брат Лáкшман, добровольно разделившие с ним изгнание. Все они — герои знаменитого древнеиндийского эпоса «Рамаяна», сюжеты которого вдохновляли многих поэтов и художников Индии, Цейлона, Непала и стран Юго-Восточной Азии. С именем Ситы связан один из городов непальских тераев — Джанакпур (буквально: «Город Джанаки»). Прекрасная Сита — образец супружеской верности во всем индуистском мире — была дочерью царя Джанаки. Непальцы очень гордятся этим.

Но больше всего гордятся событием, о котором повествует другое предание. В VI в. до нашей эры в городе Капилавасту правил царь Шуддходана. Однажды его жене, царице Майе, приснилось, что в ее бок вошел белый слон. Вскоре Майя забеременела. Когда пришло время родить, она отправилась со свитой в дом своих родителей.

Но на полпути, в местечке Лумбини, стало царице плохо, и под огромным деревом сал в великих муках родила она сына. Царевича нарекли Сиддхартха Гаутама. Вскоре Майя скончалась. Царевич мирно и счастливо жил в отцовском дворце до двадцати девяти лет, до той поры, пока, увидев однажды человеческие стра-

дания, не задумался над тем, как помочь людям избавиться от них.

Сиддхартха тайно покинул дворец и отправился странствовать. Он жил отшельником, совершал великие подвиги аскетизма, достиг просветления и открыл людям истину. Его стали называть Гаутама Шакьямуни, то есть Гаутама, мудрец из рода Шакья. Но во всем мире более известно другое его имя — Будда («Просветленный»).

Нетрудно представить, сколь притягательны районы Капилавасту и особенно Лумбини для буддистов. Пока это скромные деревушки. Там есть небольшие храмы. В Капилавасту сохраняют руины дворца Шуддходаны, а в Лумбини показывают дерево, под которым якобы царица Майя разрешилась от бремени (наверное, только правоверный буддист не выразит сомнения по поводу долговечности священного дерева, простоявшего более двух с половиной тысяч лет).

Энергичные японцы не оставили без внимания этот забытый людьми священный уголок. По грандиозному «Проекту преобразования Лумбини» здесь сооружается огромный комплекс — новый центр буддийского паломничества в стиле модерн. Разумеется, создатели его рассчитывают и на любознательных туристов.

В том, что Лумбини еще не стал Меккой для буддистов и туристов, нам пришлось убедиться на собственном опыте. Прошедшие недавно сильные дожди так размыли дорогу, что машины по ней двигаться не могли. Нам предложили отправиться туда на велосипедах:

— По ровным участкам дороги будете ехать, ну а там, где завал, потащите велосипеды на себе... — советовали нам.

Мы уже готовы были согласиться, но выяснилось: во всей Бхайраве не достать ни одного велосипеда!

Тогда мы решили пойти пешком. Но нас отговорили:

— Нет смысла идти в такую жару по разбитой дороге сорок четыре километра! Да вы же за один день не успеете, а ночевать по пути негде...

Был еще один способ добраться до Лумбини — пересечь границу Индии, сесть на поезд, проехать по железной дороге до района Лумбини, а оттуда — назад, в Непал. Конечно, Мишра может так сделать, но нам с

Дэниэлом как иностранцам полагается иметь индийскую визу. Мои спутники категорически отвергли такой вариант — закон есть закон и его надо уважать.

А я никак не могла смириться с тем, что мы не попадем в Лумбини. Друзья успокаивали меня: надо только представить себе, что Будда родился в Бхайраве, а не в Лумбини, и тогда все будет в порядке.

В самом деле, от места рождения Будды нас отделяют всего сорок четыре километра. Там те же тераи, тот же пейзаж, те же деревья, подобные самому священному, что и здесь, и еще не известно, какое из них старше. Вполне возможно, что Будда ступал и там, где мы сейчас стоим. Конечно, я могла бы написать, что мы достигли Лумбини, не принимая во внимание тех сорока четырех километров, которые мы так и не преодолели. Но истина — дороже...

Сгущались сумерки. Темнота наступила внезапно и сразу поглотила все вокруг. Лишь светились огоньки сигарет моих спутников да мелькали белые одежды местных жителей. Витрины магазинов и лавок были ярко освещены. В них курились агар-батти, насыщающие воздух ароматами розы, горького миндаля, сандалового дерева, пряностей. Существуют сотни сортов агар-батти. Одновременно они призваны отгонять москитов.

Мы стояли в саду «отеля» и смотрели на небо. Спать совсем не хотелось. Хозяин посоветовал нам в такое время особенно не разгуливать по саду: в высокой траве — змеи. Конечно, объяснял хозяин, в обязанности садовника входит вовремя косить траву и уничтожать змей, но весной их так много, что справиться с ними просто невозможно.

Мы зажгли в комнате специальную спираль, припасенную для выкуривания москитов, и улеглись спать. Если бы мы знали, что за ночь нам предстоит!..

Зажженная спираль не смогла рассеять гудящее облако москитов, которые обрушились на нас. Они забирались под одежду, лезли в глаза, в уши. Я закрыла лицо большим платком и беспрестанно двигала руками и ногами, пытаясь отогнать их. Ценой ночного бодрствования я пострадала меньше моих друзей. Мишра полночи просидел со сторожем у костра, но под утро

все-таки заснул. Ну и досталось же ему! Дэниэл, несмотря ни на что, проспал всю ночь крепким сном. Москиты искусали его так, что на него было жалко смотреть: все лицо распухло, глаза заплыли, на руках красные волдыри. Он смочил ранки одеколоном и старался не подавать виду, как ему худо.

Этим же утром мы снова двинулись в путь.

Маленький город на красных холмах

В знойный полдень мы покинули Бхайраву. Автобус мчал нас по обжигаемой солнцем равнине мимо изумрудных рисовых полей. Кое-где по обочинам дороги росли тенистые деревья пипаль (*Ficus Religiosa*). Мы направлялись в городок Бутвал. Здесь кончались тераи и начинались предгорья Гималаев. Выехать оттуда решено было в тот же день. И нам повезло. В старом джипе вместо положенных восьми пассажиров набилось уже человек двенадцать, но люди потеснились и освободили нам немного места.

Конечно, было довольно рискованно ехать по узкой горной дороге в перегруженной старой машине, но после нашествия москитов в Бхайраве нас уже ничто не могло испугать. К тому же по опыту мы знали, что отправимся лишь тогда, когда шофер увидит, что прихватить с собой он никого больше не сможет. Если бы мы потеряли то жизненное пространство на полу кузова, которое нам так любезно предложили пассажиры, вряд ли удалось бы уехать.

Мы кое-как разместились на полу. Машина тронулась и покатила вверх, в горы. Это была сравнительно недавно построенная дорога, которую непальцы сооружали с помощью индийских специалистов. Ее назвали шоссе Сиддхартхи. Служила она недолго, но уже требовала ремонта. То тут, то там попадались отряды рабочих, чинивших разбитые участки пути. Это и неудивительно: частые оползни и обвалы причиняют горным дорогам огромный ущерб.

Нас трясло и болтало в кузове, мы без конца охали, но все же успевали любоваться горным пейзажем. С одной стороны — отвесные грозные скалы, с другой — ущелье, по дну которого мчится бурная река. Мы под-

нимались все выше и выше в горы, ущелье оставалось где-то внизу. Молодая женщина, сидевшая рядом с нами, боялась смотреть вниз. Она лишь нервно вздрагивала на каждом крутом повороте. Страх понятен: дорожные аварии в Гималаях — явление нередкое. И не однажды в своих путешествиях по Непалу и Индии я видела разбитые машины на обочинах дорог...

Слабый ветерок дул в лицо, но стоило только машине остановиться, как мы начинали задыхаться от жары. Кое-где со скал стекала прозрачной струей горная вода. В иных местах струи, сливаясь, текли по неровностям горной породы, образуя как бы крохотный водопад.

Несколько часов пути, и вот мы уже подъезжаем к Тансену. Невозможно оторвать взгляд от удивительного пейзажа. Дорога петляет среди красных холмов. На них вырисовываются одинокие, причудливые деревья. Они похожи на оплывшие свечи и стоят в застывших странных позах. Очевидно, гуляющий по холмам ветер придал им такую своеобразную форму. Картина эта врезалась мне в память. Нигде больше не встречала я такого пейзажа.

Но вот за последним поворотом показался город. Он живописно раскинулся на крутом холме.

Мы приехали в Тансен, когда уже смеркалось. Вышли из джипа, размяли затекшие ноги и... остановились в полной нерешительности. Где же искать ночлег? Наши спутники отнеслись к нам с участием: наперебой стали советовать, где остановиться. Тут появился довольно решительный человек и с уверенностью сказал:

— Друзья! Я знаю, что самым лучшим для вас будет «Ашока вихáр». Там удобно, чисто, недорого. Да и отсюда это очень близко. Пойдемте, я провожу вас.

Он говорил так убедительно, что все тут же согласились с ним и сказали, что, пожалуй, «Ашока вихар» — действительно самое удобное для нас место. Мы поблагодарили наших спутников и последовали за этим решительным человеком.

«Ашока вихар» — небольшой пансионат для индийских строителей — превзошел все наши ожидания. Такого опрятного, уютного и в то же время недорогого пристанища мне не довелось видеть и в самой Индии. Очевидно, того же мнения придерживался и Дэниэл,

проехавший всю Европу и пол-Азии. После скромного, но вполне европейского и вкусного ужина он сказал:

— Вы знаете, мне нравится этот город.

Тансен считается самым маленьким городом Непала. В нем — шесть с половиной тысяч жителей, в основном — невары.

Тансен с его петляющими по холму узкими улочками, на которых, срастаясь друг с другом, стоят дома из красного кирпича, — типичный неварский город. Есть здесь несколько храмов. В одном из них — храме Нараяна — мы неожиданно встретили того старика, который утром на базаре приветствовал нас по-английски. Мы тогда удивились тому, что с нами посреди улицы здоровается совершенно незнакомый человек. Когда-то в русских деревнях было принято желать здоровья каждому встречному. В Непале такой обычай не распространен. Тем более в городе. Нас удивило еще и другое: дело в том, что приветствие, произнесенное на хорошем английском языке, принадлежало полуголому *саньяси* — «святому».

В странах индуизма, где основная масса людей глубоко религиозна, саньяси, или *садху*, — не редкость. Они предаются аскезе, совершают подвиги самоотречения, стремясь подвижничеством искупить прошлые грехи и заслужить себе лучшую судьбу в «новом рождении». Многие из них совершают паломничества к святым местам, подчас обрекая себя в пути на тяжелейшие испытания. В народе к ним относятся почтительно, боязливо и в то же время несколько иронически.

Обычно садху отличаются полнейшей отрешенностью от всего суетного. Представьте себе такую картину: посреди улицы, не обращая ни малейшего внимания на зевак, шествует голый человек, тело которого натерто пеплом. Волосы, посыпанные пеплом, похожи на отслужившую службу мочалку. На смуглом, заросшем бородой лице выделяются лихорадочно блестящие глаза. На шее у садху — священный шнур, в руках — палка, на которой висит небольшая котомка с лепешками и кувшинчиком для воды.

Однажды в Долине Катманду, в узкой пещере одной из скал, возле храма «Шеш Нараян» я увидела отшель-

Садху из далекого Мадраса возле храма в Тансене

ника. Родом он из района Лумбини. Отшельник был красив, выглядел значительно старше своих сорока трех лет. Он отказался от мирского имени и взял новое — Питри Бхакт Махатма — то есть «Великая Душа, почитающая Отца». Он дал обет молчания и безмолвствовал уже девять месяцев. Он не покидал своей обители и питался подаяниями верующих. Вход в пещеру был открыт, и увидеть его было нетрудно. Если ему

давали вопрос, он брал лежавшую рядом грифельную дощечку и писал на ней ответ. Индуисты почтительно склонялись перед ним и, сложив по обычаю ладони лодочкой, брали с медного подноса святые дары: стебельки трав, цветочные лепестки, щепотку риса. Очевидно, Великая Душа, почитающая Отца, был в глубине души рыцарем, потому что вдруг как особую милость он протянул мне маленькую красную розу. Это было щедрое даяние, и за него полагалось воздать: я бросила в специально предназначенную для денег миску несколько монет. Отшельник приветливо улыбнулся глазами, и мне даже показалось, что он хочет что-то сказать...

Старик, приветствовавший нас утром на базаре, был не в пример молчальнику разговорчив. Он охотно сообщил, что он шиваит — почитатель великого бога Шивы, и прошел уже всю Индию и весь Непал от родного Мадраса до великого храма Муктинатх. Теперь он спокоен, потому что совершил доброе дело. Шутка сказать, паломничество в Муктинатх, в самое сердце Больших Гималаев!

Выглядел он весьма импозантно: на шее — четки в виде ожерелья, дхоти и шарф драпировали тело, спутанные волосы завязаны в пучок, глаза весело блестели. Нам захотелось сфотографировать его. Шиваит согласился позировать, но потребовал за это пять рупий. Мы сказали, что садху не должен быть таким корыстным. Тогда он снизил цену до трех рупий. Мы сфотографировали его на фоне храма, дали три рупии и распрощались.

Край золотистых плодов

Наконец пришла пора проститься с гостеприимным Тансеном, с пансионатом «Ашока вихар» и его управляющим господином Прасант Кумаром. Позже, в самые трудные минуты нашего путешествия, мы с нежностью вспоминали уютный, чистый «Ашока вихар» и вкусную еду, которые предоставил нам Прасант Кумар (инженер по образованию, санскритолог по увлечению, гандист по убеждениям).

Выехали из Тансена около одиннадцати часов утра и покатили дальше на север. Нещадно палило солнце.

На автобусной остановке

Мы переехали несколько мостов, на допотопном пароме перебрались на другую сторону разлившейся реки и в районе Рамди Гхат расплатились с водителем машины. Он остался ждать пассажиров на Тансен — переправы для машин здесь не было. Мы же стали взбираться по вырубленным в скалах ступенькам к мосту, висевшему высоко над пропастью. Он был очень шаткий. Вместо перил — тонкая проволока. Под ногами ходуном ходили кое-как сбитые перекладины, в зазор между ними могла провалиться нога. Медленно перебрались мы по этому подвесному чудовищу, снова по ступенькам спустились вниз и присели в тени. Ноги у нас тряслись, не от страха, — нет! — а просто по инерции, словно под ними все еще качались перекладины танцующего моста. Если бы мы знали тогда, что из всех мостов, которые нам предстояло перейти, этот был самым основательным!..

От Рамди Гхата до Покхары мы добирались маленьким душным автобусом, стекла которого изнутри были оклеены всевозможными картинками, главным образом с полуобнаженными красотками. Впервые я увидела та-

вое в общественном транспорте Непала. Обычно здешние автобусы оклеивают материалами другого содержания: «Правилами пользования транспортом», призывами участвовать в кампании «Назад в деревню» или в сборе пожертвований на обновление какого-нибудь храма и т. д.

Автобус чихал, пыхтел, часто останавливался. Тогда Дэниэл весело кричал водителю:

— Чало, бхаи! — Давай, брат!

Нашими спутниками были в основном крестьяне и мелкие торговцы. Они весело смеялись и присоединяли свои голоса к голосу Дэниэла. Вместе они скандировали, и, как ни странно, это помогало: автобус набирал скорость.

Пассажиров вконец смутило, что их образованный соотечественник и двое европейцев вели себя не так, как пристало людям их круга: Дэниэл пел песни из индийских кинофильмов, а мы с Мишрой подпевали. «Видно, эти *сахибы* * выпили слишком много *ракси* ** или перегрелись на солнце» — наверное, думали наши спутники. Они добродушно улыбались и в такт песне кивали головами.

Девять часов езды — и мы наконец в Покхаре.

Был поздний вечер. С трудом ориентируясь в чужом городе, мы подошли к уютному пансионату для индийских строителей. Сторож сказал, что начальства нет, а сам он знать ничего не знает. Так что протекция Прасант Кумара из Тансена нам не помогла. Сторож не посмел превысить своих полномочий...

По дороге мы спрашивали у местных жителей, где можно остановиться на ночлег. Нам назвали сразу несколько отелей, но они оказались очень дорогими. Кто-то посоветовал постучаться в общежитие для военнослужащих. Мы последовали совету. Двери перед нами широко распахнули, хотя наш вид ясно говорил о том, что к вооруженным силам Непала мы не имеем ни малейшего отношения.

---

* Сахиб (*неп.*— сахаб) — господин.
** Ракси — непальская водка.

Обстановка в общежитии походная: железные кровати, пара железных стульев, тумбочка — вот, пожалуй, и все. Незанавешенные окна выходили на небольшой полигон. Я словно почувствовала, что это заведение — последнее мало-мальски удобное пристанище в нашем путешествии, и попросила себе отдельную комнату. Мои спутники расположились в соседней.

Наутро мы отправились знакомиться с Покхарой. Город тянется от перекрестка дорог, связывающих его с Тансеном и Катманду, до предгорий Главного Гималайского хребта. Дома, окруженные палисадниками, далеко отстоят друг от друга. На очень длинной улице — практически единственной магистрали — было мало людей и машин. Все это делало Покхару похожей на огромное селение, вольготно раскинувшееся возле красивого озера у подножия дивных гор.

Город Покхара расположен в долине того же названия — она считается одной из самых крупных в Непале и находится между двумя цепями гор: хребтом Махабхарат на юге и Главным Гималайским хребтом на севере. Вкрапленные между этими гигантами пятна ровной и плодородной земли словно свидетельствуют о том, что природа не столь уж несправедлива и сурова к человеку. Да, человеку трудно в горах — там холодный климат, там обвалы, оползни, и нужно отвоевывать у гор не только каждую пядь — каждую горсть земли! Но зато как щедры и прекрасны долины! Кажется, природа дала их человеку, чтобы возместить суровость гор.

Долина Покхара не столь уж велика. Она занимает всего сорок восемь квадратных километров. Долина Катманду почти в двенадцать раз больше. И уж совсем малюткой выглядит долина Покхара по сравнению со знаменитой Кашмирской долиной в соседней Индии, площадь которой составляет 4500 квадратных километров.

Я видела и долину Покхара, и долину Катманду, и Кашмирскую долину.

Все они хороши, знамениты, плодородны, прекрасны. Сказочные долины, воспетые непальцами и индийцами в стихах, песнях, а также в путевых очерках иностранцев — это чудо из чудес. И если Непал с его удивительной природой — это тонкий кружевной воротник на парчовом костюме Южной Азии, то долина Пок-

кара — маленькая бриллиантовая булавка, сияющая на этом кружеве.

По административному делению долина Покхара относится к округу Каски. В средние века на этой территории находилось несколько мелких княжеств, центром которых были хорошо укрепленные крепости (по-непальски — *кот*). На районы былого расположения этих крепостей теперь указывают названия деревень: Рупа Кот, Арва Кот, Бегнас Кот и т. д. В некоторых из них сохранились остатки крепостей.

Исторические хроники утверждают, что Притхви Нараян Шах, знаменитый завоеватель Долины Катманду, объединивший Непал под своей властью и основавший династию нынешних королей Непала, был потомком Драбьи Шаха из Каски в девятом поколении.

Ныне округ Каски населяют главным образом гурунги и в меньшем количестве магары. А в самой Покхаре, в торговой ее части, сосредоточились невары и тхакали. Невары были приглашены в этот район правителями Каски. По преданию, первыми здесь появились невары из Бхактапура. И произошло это в 1752 г. Мудрые правители решили, что предприимчивые невары помогут наладить торговлю в этих краях. Они не ошиблись. Невары энергично взялись за дело. Трудно сказать, что именно помогло превратить район в один из самых крупных торговых центров Непала: врожденная ли смекалка неваров, торговая ли жилка или удачное расположение Покхары на пересечении важных путей. Вероятно, и то, и другое, и третье.

Влияние неваров сказалось и в архитектуре города. Те же трех-четырехэтажные красные кирпичные дома с островерхими крышами, резными деревянными балкончиками и фигурными деревянными ставнями. Нижний этаж, как обычно, занят магазинами, лавочками. Некоторые из них устроены на небольших верандах домов, под навесами.

В лавках сидят, иногда прямо на полу, на плетеных циновках, поджав под себя ноги, владельцы товаров.

Непальцы любят сидеть «по-турецки», скрестив ноги. Но есть еще одна поза, чисто непальская, весьма популярная среди крестьян и простых людей, не признающих ни стульев, ни скамеек, ни табуреток. Они эту позу находят очень удобной. Я имею в виду положение,

которое европейцы принимают редко: занимаясь гимнастикой или разговаривая с ребенком... присаживаются на корточки. Для непальца сидеть на корточках привычно — так он отдыхает, расслабляется.

Вечерами вы можете наблюдать группы людей, сидящих на корточках возле домов, магазинчиков, храмов. Они спокойно курят крепкие папироски бири (их зажимают в кулаке, а не держат двумя пальцами) и ведут обстоятельные беседы...

В Индии уставший путник либо сядет «по-турецки», либо подложит под себя одну ногу, а то и просто ляжет, вытянувшись во всю длину или свернувшись калачиком у обочины дороги, на платформе вокзала, на пыльной площади многочисленных маленьких полустанков необъятной страны.

Непалец же неприметно устроится на корточках, завернется в тонкое шерстяное одеяло, повяжет на голове шарф и будет неторопливо покуривать свое излюбленное бири.

Возможно, огромные безлюдные пространства, малонаселенность, величие окружающей природы, безмолвие горных гигантов способствовали тому, что в характере у непальца такие черты, как спокойствие, неторопливость, склонность к созерцанию.

Мы проходили мимо лавок. Почти все их владельцы сидели возле них на корточках. Я смотрела и глазам своим не верила: товары здесь были намного дороже, чем в столице. Так, банка мясных консервов, которую в Катманду покупали за шесть рупий, стоила тут пятнадцать...

В ответ на наши вопросы торговцы лишь вздыхали и, тонко улыбаясь, говорили, что связи с Индией опять осложнились... Все консервированные продукты поступают в Непал из Индии.

Рис, разные крупы, яйца, птица, овощи, коренья, фрукты — все это местная продукция.

— Где же ваши знаменитые мандарины? — спрашивала я. — Говорят, что в долине Покхара растут самые крупные, тонкокожие, сладкие, сочные мандарины, почти без зерен.

— Потерпите до осени, и тогда вы сможете убедиться в этом сами, — отвечали мне.

Но был май, скоро начнутся муссоны, и тогда путь

На городском базаре

в горы будет отрезан. Осенью не придется быть в Покхаре...

Бродя по городу, мы успели убедиться, что от озера Пхева-Таль, близ которого находилось наше общежитие, до так называемого Базара нужно добираться часа два с половиной.

Есть такие понятия: «Покхара Базар», «Катманду Базар» и т. д. Знакомое нам слово «базар» означает не просто рынок или место, где происходит купля-продажа. Это центр города, его сердце, средоточие деловой активности.

Здесь бьется пульс непальского города или селения. *Базар джанчху* — «иду на базар» — это совсем не значит, что ты отправляешься на рынок, скажем, за картофелем. «Иду на базар» — надо понимать как «у меня дела в городе». Они могут быть самого разного толка: сделать покупки, приценицься к товарам, обменяться новостями, встретиться с друзьями.

Итак, чтобы добраться до Покхара Базара, мы взяли напрокат велосипеды. Как только я села на свой, он

почему-то понес меня к взлетной дорожке аэродрома, туда, где мирно паслись костлявые одногорбые черные коровы, которых во время взлета и посадки самолетов отгоняют в сторону.

— Тормози! — кричали мне Дэниэл и Мишра.

Я нажимала на тормоз, но он не срабатывал. Тогда Дэниэл, не долго думая, бросился наперерез моему норовистому велосипеду и схватил его «под уздцы». Мы перевели дух. Нет, без тормозов ехать нельзя. Другого велосипеда не было. Поэтому Мишра усадил меня на багажник своей машины и, пыхтя и отдуваясь, повез к озеру.

В этом краю озер много. Его так и называют «озерный край». Их голубые и зеленоватые чаши кажутся безмятежно спокойными. Некоторые из них окружены густыми лесами и зарослями, в которых идет своя жизнь — суровая и подчас драматичная. Путеводители предупреждают дотошных туристов: «Будьте осторожны! Здесь вы можете встретить леопарда, волка и ядовитых змей»...

В озерах и реках довольно много рыбы, в том числе *асла* (горная форель). Есть и рыбные хозяйства, где разводят мальков.

Бегнас-Таль, Рупа-Таль, Кхасте-Таль — удивительно хороши. Но особенно поражает воображение озеро Пхева-Таль, самое крупное среди озер долины. Оно лежит в шести километрах от центра города. Мы с трудом добрались до него по неровной, ухабистой дороге. Озеро велико: около трех километров в длину и до двух в ширину. Его живописные берега довольно пологи. Они покрыты лесом, кустарником, сочными лугами. Кажется, вот-вот появится охотник и начнет свою нелегкую борьбу со зверем... Но нет! Озеро обжито. То встретишь группу молодых солдат, купающихся возле берега (самый умелый из них учит плавать новичков); то вдруг увидишь вдали лодку рыбака или женщин, ждущих переправы. Они терпеливо сидят на берегу, смотрят вдаль, прикрывая ладонью глаза от солнца, и ждут лодку, которая должна появиться в голубой дали.

В водах озера отражаются величавые вершины гор: и длинная зубчатая стена Аннапурны, и островерхая пирамида Мачхапучхаре. Водная гладь кажется безмятежной, но иногда весной сильный ветер вздымает та-

кие волны, что лодкам не отойти от берега. Относительно происхождения озера Пхева-Таль существует легенда.

Когда-то давным-давно на месте озера стоял большой город. Однажды туда пришел странник. Он был голоден и попросил у жителей немного еды. Но никто не захотел помочь бедняку. Лишь одна пожилая чета накормила, приютила его. Отдохнув, странник сказал:

— Возьмите с собой все самое необходимое и скорее уходите из города.

Супруги не могли ослушаться, так убедительно звучали слова странника, и поступили, как он велел. Когда они были уже далеко от города, с высокого холма открылась страшная картина: огромные потоки воды обрушились на их родной город и целиком поглотили его...

Так бог (а странник был, конечно, богом) наказал бессердечных людей. Как похожа эта история на судьбы библейских Ноя, Лота и на много подобных легенд, родившихся в разных уголках нашей земли! Эта легенда возникла не на пустом месте. Ученые полагают, что озеро Пхева-Таль образовалось в результате землетрясения. Вполне возможно, что когда-то здесь действительно было большое поселение.

Природа поработала тут активно. На территории городского колледжа лежит огромная каменная глыба, которую называют «Скалой Бхимсена». Легендарный герой индийского эпоса Бхимсен, равный по силе Гераклу, Гильгамешу, Илье Муромцу и другим богатырям, в гневе хотел бросить эту скалу на землю, решив таким образом раз и навсегда покончить с грешным и неисправимым человечеством. Но вмешался бог и остановил руку Бхимсена. Так утверждают верующие. Геологи же полагают, что гигантская глыба — след одного из катаклизмов в Гималаях, происшедших еще в ледниковый период.

В окрестностях Покхары можно увидеть много интересного. В шести километрах к северу от города расположена пещера Махендры. Это длинный туннель, поросший сталактитами и оглашаемый криками летучих мышей. Их так много, что пещеру называют еще «Чамеро Одар» — «Жилище летучих мышей».

На берегу озера Кхасте Таль в небольшой деревне Аргхаун Арчале родился в 1884 г. Лекх Натх Паудьял,

знаменитый непальский поэт. Его чтут в стране и по сей день — портреты поэта, лицо которого чем-то напоминает Льва Толстого и Рабиндраната Тагора, часто украшают стены библиотек, классных комнат, а также изображены на почтовых марках Непала.

В двух километрах от аэропорта находится водопад Пхадке. Его называют также «Водопад Дэвин».

Вода, вытекающая из озера Пхева-Таль, устремляется к югу, течет по равнине километра два, а затем низвергается с острых скал, образуя каскад серебристо-жемчужных струй, которые в знойном влажном воздухе искрятся, сверкают, переливаются разноцветными танцующими радугами. Этот водопад знаменит не только своей красотой. Он получил известность благодаря трагическому случаю. Однажды недалеко от него купалась вместе со своим другом некая мисс Дэвин. Одно неосторожное движение — мисс Дэвин оступилась и упала. Неудержимый поток понес ее к острым скалам, к обрыву, увлекая за собой все дальше... вниз.

Так водопад Пхадке получил свое второе название, а никому не известная европейская девушка — известность, которая теперь, разумеется, ей уже совершенно не нужна.

Что касается самого озера Пхева-Таль, то берега его осваиваются весьма интенсивно: здесь разместились и храм богини Варахи, популярный центр паломничества индуистов, и летняя резиденция короля, и небольшие гостиницы, ресторанчики, и, наконец, знаменитый, широко рекламируемый в проспектах отель с пышным английским названием «Fish Tail Lodge», которое звучит по-русски совсем непоэтично и довольно непонятно: «Жилище рыбьего хвоста», или «Жилище рыбохвостой». Отель назван так в честь уже упоминавшейся вершины Мачхапучхаре, что в переводе с языка непали означает «рыбохвостая». Два выступа вершины действительно напоминают рыбий хвост.

«Жилище рыбьего хвоста» принадлежит одной из влиятельнейших особ в Непале, а управляет им доверенное лицо.

Отель расположен чрезвычайно живописно, на уютном полуостровке. Добраться до него можно лишь на лодке. Встречаются и такие любители острых ощущений, которые отправляются туда вплавь. Но самой ста-

сильной переправой остается маленький плот-паром. На нем размещаются человек шесть.

Именно так мы подошли к полуострову. Полуголый мальчик перебирал руками натянутую между двумя берегами веревку, заставляя плот двигаться. Мальчик был худенький, пот темными струйками стекал ему на живот. Мы втроем взялись помочь ему и скоро оказались на берегу, возле отеля — невысокого одноэтажного сооружения из дерева и металла, построенного в форме многогранника. Каждая грань — наружная стена блока, вмещающего жилую и ванную комнаты с туалетом. Рядом, в отдельном домике, разместился ресторан с видом на озеро.

Самым примечательным в знаменитом отеле, на наш взгляд, оказались цены на номера. Проживание в «Жилище рыбохвостой» стоило постояльцу сто рупий в сутки. Мы вспомнили, что номер в хорошем столичном отеле со всеми удобствами обходится от двадцати до сорока рупий.

— Зато в тех отелях нельзя свалиться с плота в воду, потому что там нет озера, — резонно заметил Мишра.

Довод показался нам весьма убедительным, и мы с Дэниэлом согласились, что такое удовольствие, разумеется, стоит денег.

Трудно сказать, почему некогда знаменитый отель стал неуютным и запущенным.

— Обедать будем здесь? — спросил Дэниэл, наш казначей.

Посоветовавшись, мы решили, что если вчерашний скромный ужин в простеньком местном трактире (*бхатти*) обошелся нам в тридцать пять рупий, то, пообедав в этом самом дорогом (но не самом лучшем, как позднее выяснилось) ресторане Непала, мы окажемся совсем без денег, и нам придется отказаться от дальнейшего путешествия.

— Давайте лучше искупаемся, — предложил Мишра. — Это обойдется дешевле.

Так мы и сделали.

Вспомнилось, что ирландская путешественница Д. Мэрфи восхищалась Покхарой. В своей книге она писала, что Покхару можно превратить в новый Кашмир. А король Махендра, говоря о грандиозных перспек-

тивах развития туризма в долине Покхара, мечтал сде-лать «озерный край» азиатской Швейцарией.

Рай... Кашмир... Швейцария... Однако Покхара — это Покхара. Облик ее неповторим. Особенность Покха-ры не только в ее климате (долина занимает первое место в Непале по количеству ежегодных осадков и второе по максимально высокой среднегодовой темпе-ратуре). Своеобразие и слава Покхары не только в зна-менитых мандаринах. Неповторимость долине придают удивительной красоты пейзажи: маленькие деревушки, сам город Покхара, зеленые холмы, осенью сплош. укрытые нежным покрывалом цветущих мандариновых деревьев, зеркальные озера, в которых отражаются снежные вершины, горы и, наконец, контраст между плоской равниной с живописными водоемами и резко вырастающими цепями горных гигантов.

Если встать лицом к северу, перед вами будут вер-шины — Аннапурна 1, 2, 3, 4, 5-я, Ламджунг Химал, красавица Мачхапучхаре и ряд других, среди них не-сколько восьмитысячников. Кажется, до них рукой по-дать, стоит лишь покинуть пределы Покхара Базара, и ты уже у подножий этих великанов. Но близость и до-ступность гор иллюзорна. Не всем альпинистам удается подняться на их вершины. Даже подступы к их основа-ниям найти очень сложно. Здесь принято считать, что одним только богам да шерпам ведомы эти пути...

Приезжавшие в долину Покхара швейцарцы говори-ли, что стоило им слегка прикрыть глаза, и впечатление было такое, словно они у себя дома, в родных Альпах. Но Гималаи — не Альпы и не Кавказ... Хотя порой на некоторых участках нашего пути я ловила себя на мыс-ли, что водопады напоминают мне те, что я видела воз-ле озера Рица, а ущелья кажутся похожими на тебер-динские, домбайские.

Такие удивительные по своей схожести картины природы мне довелось наблюдать не раз. На самой гра-нице с Индией я видела в джунглях лужайки с расте-ниями типа вереска и живо представляла себе Прибал-тику. Что же это такое? Тоска по родному и близкому или желание в новом находить знакомые черты?

И пусть Покхара чем-то напоминает знакомые края, все же она неповторима. Панорама, которая предстает перед глазами, незабываема. Она уникальна даже и

Непале — я не оговорилась — даже в Непале, удивительные пейзажи которого поражают воображение.

Первые встречи в горах

В Покхаре мы пробыли два дня, а затем отправились на север, в горы.

Город мы покидали на такси, старой, разболтанной машине, которую нанял Дэниэл. Погрузили в нее наше походное снаряжение и, проехав несколько километров от общежития, оказались на окраине. Здесь кончалась долина Покхара. Таким образом, мы уже выехали не только за пределы города, но и долины. Машина остановилась — дальше дороги не было. Впереди возвышались горы.

То, что мы добрались до них на машине, помогло нам сэкономить силы и время для предстоящего тяжелого перехода. Теперь передвигаться придется только пешком.

Вытащив из машины рюкзаки, спальные мешки, фляги и зонт, мы расплатились с шофером и... пошли. Кроме личных вещей, мои спутники несли в рюкзаках продукты, миски и даже громадную черную сковородку местного производства, которую Умакант Мишра приобрел для предстоящего похода в Покхаре.

Мой груз был несколько легче. Когда мои друзья взвалили на себя (правда, с моей помощью) свои рюкзаки, а на них сверху еще и спальные мешки, я подумала, что они похожи на самых лучших шерпов-носильщиков.

Но уже через несколько часов пути мне стало совсем не до шуток. Спина с каждым шагом все больше и больше сгибалась под тяжестью рюкзака, ноги тряслись от усталости и напряжения. В это время мы шли по пересохшему каменистому руслу реки — одного из притоков Марди. Под ногами — огромные круглые камни вперемешку с острыми обломками пород, еще не обработанными бурными потоками воды.

Балансируя, мы перебираемся через маленькие ручейки — все, что осталось от стремительной реки (ручьи в период муссонных дождей то сливаются, то расходятся веером, то пропадают вовсе).

Очень трудно передвигаться по дну реки: ноги все время скользят по круглым камням, а острые больно ранят.

— Хорошо, что у нас есть запасная обувь, — радуется Умакант Мишра, а сам с сомнением посматривает на свои крепкие черные бутсы.

Он предусмотрительно прихватил с собой кеды. Мы с Дэниэлом переглядываемся. Если учесть толщину подметок у бутсов Мишры и кедов — моих и Дэниэла, то обновить новую пару обуви, по-видимому, придется не Мишре.

Откуда ни возьмись, возле нас появляются два человека с деревянными музыкальными инструментами — *са́ранги* (длинный гриф с округлой грушей на одном конце). Инструмент похож на кавказский саз. *Гаине* (бродячие музыканты) лениво водили смычками по струнам, извлекая какие-то жалобные звуки.

Гаине принадлежат к касте, которая с древности находилась на одной из нижних ступеней общества.

Кастовая система в Непале носит черты традиционной кастовой иерархии, так строго и четко разработанной еще в древней Индии. Да это не случайно: близкое соседство, долгие связи, общность индуистских догматов...

Традиционная структура индуистского общества выглядела в Непале так же, как и в Индии: 1) брахманы (жрецы); 2) кшатрии (военное сословие); махараджи, раджи, принцы и т. д. принадлежали к этой варне (касте); в Непале они именуются чхетри; 3) вайшьи (торговцы, ремесленники, купцы); 4) шудры (мелкий люд, прислуга).

Четыре основных класса. Каждый из них дробился на подклассы, особенно вайшьи и шудры. Формировались они по профессиональному признаку, а две последние социальные группы составляли активно действующих в производстве людей. Ткачи, портные, ювелиры, шорники, кузнецы, булочники, *дхоби* — стиральщики (слово «прачки» здесь не подходит, потому что издавна в Непале это была мужская профессия) и тысячи представителей других ремесел принадлежали к классу вайшья. Подметальщики, забойщики скота, люди «нечистых» занятий были шудрами.

Каждой профессии отводилось свое место на шкале

варн. Так, столяры, плотники и кузнецы были выше других вайшьев, а дхоби и ювелиры стояли где-то далеко внизу.

В человеке ценились не его личные качества и не богатство, а принадлежность к высшей касте. Нищий брахман (а бывали и нищие брахманы, как в свое время беспоместные помещики или обанкротившиеся банкиры) считал себя осквернённым после, пусть даже случайного, общения с человеком низшей касты.

В Непале кастовая система, в целом сходная с индийской, имела ряд особенностей. Так, в иерархию каст, традиционно профессиональных, вписались касты, имеющие не профессиональную, а сугубо этническую основу. На вопрос о том, к какой касте он принадлежит, один непалец ответит, что он брахман, другой скажет, что он чхетри, третий назовется гурунгом, магаром или раи. Но и гурунги, и магары, и ран — это уже этнические группы, а не объединения по роду деятельности.

К тому же межкастовые отношения в Непале выглядят более мягкими и гибкими, нежели в Индии.

Вернемся, однако, к бродячим музыкантам. Два гаине не отставали.

— Неужели они пойдут с нами до Джомсома? — воскликнул Дэниэл.

— Если мы не дадим им «бакшиш», то, по всей вероятности, они так и сделают, — ответил Мишра.

— Путь у нас неблизкий, дорога трудная. Спели бы вы, братцы, что-нибудь веселенькое, — обратился Дэниэл к музыкантам.

Они посовещались между собой и тонкими, но сильными голосами затянули какую-то мелодию. Исполнив две песни, гаине выжидательно посмотрели на нас, всем своим видом показывая, что концерт окончен, а за билеты еще не заплачено. Мы дали им несколько рупий. Поднеся к лицу сложенные лодочкой ладони в знак благодарности, они исчезли так же внезапно, как и появились.

Видно, эти трубадуры берегли свои голоса...

И тут вспомнился мне другой гаине. Однажды я проводила экскурсию для работников нашего посольства

по Долине Катманду. Во время остановки на отдых мы обратили внимание на одиноко стоящего в стороне гаине. Казалось, он так же, как и мы, любовался панорамой гор. Я подошла к нему и попросила спеть. Гаине охотно согласился. Он быстро настроил саранги и запел простую, но запоминающуюся мелодию. Он пел о несчастной любви. Пел долго и страстно. Песня захватила нас. Голос у певца был красивый, сильный. Закрыв глаза, он весь отдался пению. Песня была так длинна, что я устала от перевода. И хотя слова песни были теперь непонятны моим товарищам, но ритм, мелодия, голос и манера исполнения, абсолютно чуждые русскому слуху, заворожили всех. Когда же он наконец кончил, я дала ему три рупии — сумма пустяковая, но в Непале для бедного человека она значит много. Как он обрадовался этим деньгам, как засияли его глаза! Я еще долго потом жалела, что так скромно отблагодарила его за чудесное пение.

После того как в излучине реки исчезли два гаине, мы некоторое время шли молча. Вдруг до нашего слуха донеслось отдаленное цоканье копыт, и мы увидели трех всадников, по виду европейцев. Когда они поравнялись с нами, мы узнали в них англичан, которых заметили за ужином в ресторане отеля «Снежный вид» в Покхаре. Они ели там рыбу, выловленную в озере Пхева-Таль, и запивали ее добрым голландским пивом. Изучая карту Покхары, говорили, что хорошо бы взять напрокат лошадей, чтобы осмотреть окрестности. Единственная в этой компании женщина была на редкость высокой и костлявой.

— Да это же вчерашняя высокая дама, — сказала я на непали (по-непальски *агли* — «высокая»).

— *Дхерей агли.* (Да, она слишком высокая), — подтвердил Умакант Мишра.

— *О, йес, вери агли,* — проговорил Дэниэл по-английски.

Мишра и Дэниэл некоторое время недоуменно смотрели друг на друга и вдруг весело расхохотались.

— Странное совпадение! И непальское и английское слово «агли» удивительно подходят этой даме, — говорили они, дружно смеясь.

Дело в том, что по-английски *ugly* — значит «ужасный», «безобразный»...

В седле некрасивая дама держалась неплохо. А после того, как Дэниэл сообщил нам, что прокат одной лошади стоит в Покхаре триста рупий, мы ахнули и пришли к выводу, что состоятельная дама может кое-кому показаться даже интересной.

Всадники спросили, куда мы держим путь. Узнав, что идем в горы, они заявили, что это не для них — уж очень утомительное путешествие. Если б можно было добраться туда верхом, другое дело. Они и так слишком далеко отъехали от города и устали. Мы вежливо раскланялись и направились в разные стороны.

Дорога пошла круто вверх. Шесть часов трудного пути. В знойный полдень поднялись мы наконец по отвесу на семьсот метров, увидели *чаутара* («приют») и пошли к нему. Часто на дорогах, горных и вьючных тропах, окраинах деревень устраиваются эти «приюты». Да и не приют это вовсе, а величественное дерево (пипаль или бар) с густой кроной, которая дает много тени.

Под деревом выкладывают четырехугольную каменную высокую платформу. Вскоре она прорастает травой и становится «мягкой». Взобравшись на нее, можно отдохнуть — посидеть в тени и даже выспаться. Эти «приюты» весьма удобны еще и потому, что в Непале так мало современных дорог и способ транспортировки товаров довольно примитивный — важной тягловой силой остается, к сожалению, человек. Носильщикам, сборщикам дров, торговцам с нехитрым товаром, женщинам с тяжелыми корзинами, возвращающимся с базара, крестьянам, переносящим на себе плоды со своих полей, приходится преодолевать большие расстояния. Так что в пути «приюты» эти им просто необходимы.

Спешат они из деревни в город, в другую деревню, из города в деревню. Шагают через холмы, горы, равнины. Идут своеобразной походкой: женщины мелкими легкими шажками, часто перебирая тонкими, крепкими, дочерна загорелыми босыми ногами. Мужчины двигаются тоже легко и стремительно, почти бегом, но шаг их не размашист. Крепкие, жилистые ноги способны выдержать большие нагрузки. Не меньшие нагрузки

приходятся на спины и головы, потому что самая популярная емкость для переноски грузов — это *доко* (большая конусовидная, плетенная из бамбука корзина). Она закрывает всю спину носильщика и крепится с помощью толстой бечевы или *намло* (ремня) на голове, чуть выше или прямо на лбу. Доко используют все жители горного Непала, кроме неваров. Эти чаще пользуются *кхарпаном*, который чем-то напоминает коромысло. Только вместо ведер к нему подвешиваются бамбуковые корзины или джутовые мешки.

Ремнем на лбу крепят не только доко, но и груз без тары, например вязанку дров.

Так вот и шагает непальский путник, пока не наткнется на чаутара. Подойдет к нему, прислонится спиной, так, чтобы доко встало на платформу и... многокилограммового груза как не бывало. Постоит в тени огромного дерева, раскурит бири, поговорит со встречным (если бог пошлет его) и, чуть нагнувшись, снимет груз с платформы (усилий для этого дополнительных не надо, ведь намло остается на лбу) и снова в путь.

Так и мы, увидев на вершине холма чаутара, бросились в его спасительную прохладу. Поставили рюкзаки на платформу и вздохнули полной грудью. Отсюда виден был путь, который мы только что прошли.

— Для начала недурно, а? — сказал Дэниэл, широко раскрыв голубые глаза. Он смотрел на раскинувшуюся перед ним панораму и, жмурясь от удовольствия, улыбался. Потом вдруг прикрыл глаза и, к нашему с Мишрой изумлению, задремал стоя...

Умакант Мишра снял черную шляпу, вытер белоснежным платком блестевшие капельки пота со лба и круглых, румяных, словно яблоки, щек и попросил воды. Я открыла флягу (мы предусмотрительно запаслись кипяченой водой в Покхаре), и Мишра сделал несколько глотков. С нежностью поглядывая на дремлющего Дэниэла, он сказал по-русски:

— Уморился, бедняга.

Мишра с отличием окончил один из крупнейших институтов в Киеве. Иной раз, когда ему хотелось поговорить по душам, сказать что-то сокровенное, он переходил на русский. Говорит хорошо, без акцента и оши-

бок не только по-русски, но и по-украински. Знает немецкий, английский и хинди.

Наконец Дэниэл очнулся от дремоты. Мы помогли друг другу просунуть руки в лямки рюкзаков и тронулись дальше.

Снова шли по пересохшему каменистому руслу реки, потом долго поднимались вверх по поросшему колючим кустарником склону, двигались по высоким, стоящим цепочкой холмам. Навстречу нам вышли двое: один, по виду шерп, нес походное снаряжение и вел за руку другого — высокого бородатого парня с длинными до плеч, спутанными волосами. Молодой человек еле держался на ногах. Глаза его были полузакрыты, казалось, вот-вот упадет. Похоже было, что это слепого ведет поводырь. Мы радостно приветствовали этих людей (ведь на тропе встречи так редки и всегда приятны). Бородач промычал что-то в ответ, не в силах говорить. За него ответил поводырь:

— Это хиппи. Он заболел и вот возвращается с полпути. Его товарищи уговорили меня довести парня до Покхары. Там у них лагерь...

Мы пожелали им счастливого пути. Когда они отошли уже на значительное расстояние, Дэниэл сказал:

— Плохи у них дела. У парня, видимо, гепатит — инфекционная желтуха. Это очень тяжелая, изнуряющая и опасная болезнь. Ему бы сейчас в чистую постель да принять лекарства. Нужна специальная диета, чистая кипяченая вода, а он вынужден еще долго брести по трудному пути до своего лагеря.

В последние годы в Непале можно было встретить большое количество хиппи, в основном европейцев и американцев. Но иногда среди них попадались и выходцы из Азии, например индийцы. Сначала хиппи было мало, но постепенно их стало так много, что перед властями встал вопрос: как с ними быть?

Что влекло их в столь далекие края? Желание отдохнуть от западной цивилизации? Жажда восточной экзотики?.. Хиппи в поисках «другой жизни» отправлялись в Непал. Оседали главным образом в Долине Катманду с ее мягким, нежарким климатом. Летом здесь можно ночевать под открытым небом, а на зиму

снять за дешевую плату домик или просто лачугу на всю «фратрию», а то и просто самим построить шалаш, разбить палатку. Хиппи опрощались, старались быть непритязательными. Они питались *даль-бхат-таркáри* — отварными овощами с рисом, приправленными изрядным количеством острых подливок, перцем и разными специями. Даль-бхат-таркари — излюбленное блюдо непальцев, их основная еда. Вас угостят ею в каждом непальском доме, в любой маленькой бхатти. Естественно, стоит даль-бхат-таркари недорого, как и *дахú* (молочное блюдо типа простокваши), и *чапáти* (мучные лепешки, по форме напоминающие блины и заменяющие непальцам хлеб).

Дешевизна местных блюд, овощей и фруктов вполне устраивала хиппи. Они и поэтому так стремились сюда. К тому же именно в Непале им было относительно просто и дешево доставать гашиш, марихуану, опиум и другие наркотики. Последнее обстоятельство окончательно превращало горную страну в некий рай для хиппи.

Сколько раз приходилось мне видеть хиппи и в центре Катманду и на его окраинах. Длинные распущенные волосы — у одних всклокоченные, у других спутанные, как пакля, — торчали в разные стороны. Некоторые мужчины заплетали их в косицы. Мне даже казалось, что они, подобно индуистским *сáдху* (отшельникам), посыпают себе голову пеплом. Брюки тоже грязные, засаленные, невероятных фасонов. Тут и шорты с бахромой и какое-то подобие шаровар, протертые джинсы и индийские дхоти. Пенджабские муслиновые и тибетские шелковые рубахи, афганские дубленые полупальто, шерпские куртки и безрукавки из шерсти яков, чоло, индийские ситцевые сари — все это в невероятных смешениях и сочетаниях было накинуто, накручено, намотано на хиппи, независимо от того, является ли одежда сугубо мужской или женской.

Не в правилах хиппи было следить за своей внешностью, поэтому все это фантастическое разностилье и пестроцветье выглядело невероятно грязным и засаленным. Многие из них обходились совсем без одежды. Поначалу это обстоятельство забавляло местных жителей, потом они привыкли и перестали обращать на них внимание.

История хиппи в Непале знала эпизоды странные, нелепые, подчас трагические. Страна привлекла к себе хиппи, а их жизнь в Непале — кинематографистов. Так появился нашумевший в свое время французский фильм «Дорога в Катманду» о печальной судьбе молодых французов-хиппи. Так родился получивший в странах Азии широкую известность фильм знаменитого индийского актера и режиссера Дэв Ананда под названием «Хари Рама, Хари Кришна».

Режиссер пригласил меня побывать на съемках этого фильма. В тот день они шли на старой Дворцовой площади Бхактапура, у нижней платформы одного из храмов. Верхние платформы и все близлежащие «высоты» были заняты любопытными. В Непале демонстрируются в основном индийские фильмы, так как кинопроизводство в стране развито слабо. Ко времени моего пребывания в Непале было создано всего четыре национальных фильма. Поэтому съемки новой картины под руководством любимца публики Дэв Ананда оказались для горожан настоящим кино.

Дэв Ананд рассказал мне содержание своего нового фильма — грустную историю о том, как сестра и брат стали хиппи и как печально кончилось их пребывание в этой среде.

В роли сестры впервые снималась восемнадцатилетняя красавица из Бомбея Зиннат, «мисс Азия» того года. В роли брата — сам Дэв Ананд.

В этот день снимали сцену ссоры. Высокая, стройная Зиннат в расклешенной миди-юбке, яркой блузке и изящных сапожках тщетно пыталась разнять ссорящихся брата и возлюбленного. Оба героя тоже были одеты элегантно и дорого. Дубль повторялся много раз. В стороне стояла группа хиппи. Они ждали начала массовой сцены, в которой сами участвовали. Хиппи были в своих одеждах, без грима. Может быть, лишь кое-где их живописным нарядам костюмеры придали более, как им казалось, естественный вид.

Одна девушка-француженка была настроена весьма агрессивно. Прямо посреди съемочной площадки она устроила скандал. Путая английские слова, она кричала, что за такую мизерную плату никто не имеет права мучить их целый день под лучами палящего солнца (деньги, правда, платили не такие уж маленькие). Ре-

жиссер очень спокойно объяснил «бунтовщице», что участие в съемках — дело добровольное. К тому же о том, сколько им заплатят, хиппи знали заранее и согласились сниматься с большой охотой. Хотя они и привыкли бездельничать, им редко выпадала такая возможность получить за это еще и деньги. Девушка долго топала ногами, кричала о «негуманном» обращении с хиппи и даже картинно швырнула деньги к ногам Дэв Ананда. Симпатии всех присутствующих, конечно, были на стороне режиссера.

Я так подробно рассказываю об этом эпизоде потому, что он как-то характеризует хиппи. Под влиянием тяжелых условий быта, на которые они сами себя обрекли, хиппи часто становились раздражительными, озлобленными, агрессивными. Сказывалось также и губительное действие наркотиков. От их «теории» о необходимости слияния с природой, идиллии всеобщей гармонии, к которой они, казалось бы, стремились, не оставалось и следа.

За нарушение общественного порядка, мелкие кражи и другие проступки хиппи попадали под арест. Местные жители смотрели на этих «чудаков» сначала с любопытством, потом с равнодушием, а порой с жалостью и состраданием. Правда, иногда происходило и такое, о чем мне с негодованием рассказала Ринджи, моя подруга по Трибхуванскому университету. Это произошло в один из буддийских праздников. Ринджи, верная обычаям своей семьи, с утра отправилась к храму Сваямбхунатх. Подходя к ступе, она издалека увидела большую процессию женщин. Они несли ритуальные приношения богам и пели религиозные гимны. Навстречу процессии вышла молоденькая девушка-хиппи. Она, очевидно, совершала возле храма какой-то обряд, может быть, понятный только ей самой. Закончив его, она запела и стала пританцовывать. Возможно, девушка была в трансе. Но какое дело до этого было женщинам? Для них действия девушки были оскорбительны. И забыв о том, что они находятся возле святого места, женщины накинулись на девушку с кулаками. Ринджи бросилась искать полицейских, но не нашла их поблизости и вернулась к месту происшествия. Там уже собралась толпа. Женщины избивали двух парней, которые пришли на помощь своей подруге. Возле деру-

щихся стояла «группа иностранных наблюдателей». Они спокойно снимали происходящее на кинопленку.

Приток хиппи в Непал все увеличивался. Когда проблемы, связанные с их пребыванием в стране, стали почти неразрешимыми, правительство решило принять срочные меры. В октябре 1970 г. был издан указ о выдворении «закоренелых» хиппи из Непала. Колонии их стали постепенно таять. Остались лишь работающие «под хиппи» одиночки, ушедшие, так сказать, в подполье (у них был на всякий случай кругленький счет в банке), да хиппи-работяги, которых и называть-то хиппи нельзя было. С последними мы как-то встретились на озере Пхева-Таль в Покхаре, в том лагере, куда брел попавшийся нам на пути больной парень.

Их лагерь был разбит на зеленом лугу у пустынного берега озера. Несколько палаток (одна в стиле индейского вигвама) и большой автобус, оборудованный по последнему слову техники. Кроме обычных кресел он имел восемнадцать спальных полок, расположенных во втором ярусе. Это был удобный спальный автобус. Не менее удобными оказались «вигвам» и палатки, в которых размещались портативные плитки и холодильники.

Мы издали попросили разрешения приблизиться к лагерю. Его обитатели встретили нас равнодушно.

День был по-весеннему теплый. Небо сияло лазурью. Сквозь густую крону священного дерева пипаль резко прорывались золотые лучи солнца.

Лагерь жил размеренной, неторопливой жизнью. Часть его обитателей была на так называемом треке, то есть в длительном путешествии. Оставшиеся в лагере занимались своими делами: одни бродили по окрестностям Покхары, другие делали покупки в Покхара Базаре. Два полуобнаженных парня возились возле костра. Остальные сидели, лежали (группами и поодиночке) на территории лагеря, неподалеку от «вигвама».

«Вожак» сидел в позе йога, находящегося в медитации *, неподалеку от костра. Задумчивые глаза устремились в направлении заснеженных Гималаев. Мы представились, и он любезно согласился побеседовать с нами. Зовут его Лу (Луис), ему 34 года. По образованию архитектор. Несколько лет назад он и его друзья

---

* Медитация — созерцание.

организовали в США, в Вермонте, коммуну, которую назвали «Хог фарм». Там разводили свиней и других животных, обрабатывали поля, огороды и постепенно почти полностью перешли на натуральное хозяйство.

Главное — в коммуне полностью отсутствовала частная собственность. Члены ее отказались от личного имущества, и любая вещь, даже одежда, принадлежала не только ее исконному владельцу, а всем членам коммуны.

Как-то раз в Катманду я попала в дом, куда пригласили группу таких же странствующих «коммунаров». Они показали нам любительский фильм о своем путешествии. Это была довольно любопытная картина. Затем хиппи пытались навязать хозяевам дискуссию. Они высказали свое кредо относительно свободы личных отношений и коллективной собственности на все вещи, принадлежащие коммуне. Оратор говорил с азартом. Пассивное неприятие его теорий присутствующими возмущало его. Он выкрикнул:

— Мы считаем, что можем брать друг у друга любую вещь: костюм, ботинки, часы. Мы делим все. Это удобно и выгодно.

— А как насчет дележа зубной щетки? — почему-то вдруг спросила я.

Хиппи некоторое время сердито смотрел на меня. Присутствующие оживились, начали посмеиваться. Оратор, так и не найдя ответа на мой невинный вопрос, помолчал, затем стал что-то говорить, но скоро кончил.

Вспомнив этот эпизод, я не стала задавать Лу свой злополучный вопрос о зубной щетке.

— А как у вас относительно семейных отношений? — поинтересовался Дэниэл.

— Мы все как бы одна семья, поэтому семьи в коммуну не принимаются. Семья в семье — это уж слишком. Каждый член нашей коммуны может сходиться с любым другим ее членом. Пары образуются, распадаются, создаются новые. Вы можете называть их брачными, но эти люди не оформляют своих отношений. Они свободны в своем выборе сегодня, завтра, каждый день.

— Стало быть, у вас коллективная собственность распространяется и на всех мужчин и женщин — членов коммуны? — не унимался Дэниэл.

— Да, это так, — согласился Лу.

— Вы не отягощаете себя бременем семейных забот. Ну, а как же дети, которые, наверное, все-таки появляются у вас? Кто занимается их воспитанием?

Лу несколько замешкался с ответом. Необыкновенно живые и умные глаза этого «вожака» и «идеолога» вдруг погрустнели:

— Кто-нибудь это делает, — ответил он наконец.

В это время из «вигвама» вышла маленькая девочка и направилась в нашу сторону.

Девочке было года два с половиной. Хорошенькое чумазое личико, крепкие босые ножки... Вся ее одежда состояла из коротенькой по пояс распашонки. Девчушка прильнула к Лу.

— Кира, моя дочь, — представил он ее.

Нам почему-то показалось, что спрашивать о матери ребенка было бы бестактно...

Людей, подобных Лу и его друзьям, здесь, как я уже говорила, тоже называют хиппи. Однако, как видно, существуют разные хиппи. Одни живут, не ударяя палец о палец, в надежде «слиться» с природой. Другие активно «сотрудничают» с ней, подобно нашим знакомцам из коммуны «Хог фарм». Но и те, и другие не могут надолго сохранить такое положение. Бездельники часто оседают на дне тюрем и притонов. «Коммунары» же из обители свободной любви и коллективной собственности на ботинки, рубашки и полотенца возвращаются в лоно традиционной семьи.

Там, где живут гурунги

Мы подошли к деревне Нау-Данра («Девять вершин») в час, когда солнце клонилось к закату. Крестьяне, закончив работу в поле, возвращались домой. Женщины уже приготовили для своих семей вареный рис, отварили овощи, испекли чапати, заварили свежий чай. В ожидании покупателей владельцы лавок сидели у дверей.

Мы долго шли вдоль длинной (и единственной) улицы деревни. Наконец постучались в дверь одного дома. Его хозяин согласился принять нас на ночлег. Это был двухэтажный дом с побеленными стенами и двухскатной крышей, небольшой верандой, выходившей на юг,—

типичный дом гурунга. Высоко в горах они строят обычно двухэтажные дома. Кто живет ниже, предпочитают селиться в одноэтажных домах, крытых камышом. И в горах и у подножий гурунги всегда строят веранды с южной стороны. Летом в пору муссонов они хорошо проветриваются. Зимой в ясные солнечные дни, когда воздух сух и свеж, на веранде тепло.

Первый этаж дома наших хозяев, как обычно, делился на две части. В одной — помещение для скота, в другой — хорошо отгороженной, почти пустой, очень чистой — у стены располагался очаг. Глиняный пол в доме был хорошо утрамбован и чист. Вдоль стены у низкого окна и напротив него лежал невысокий глиняный валик, служивший скамьей. На нем лежали *гундри* — мягкие циновки, плетенные из рисовой и кукурузной соломы.

Над очагом и вдоль глухой стены висели деревянные полки с посудой местного производства, главным образом металлической и медной. Тазы, миски, кружки, сковородки и горшки всех размеров и фасонов в строгом порядке разместились на полках. В том, как они были расставлены, чувствовалась рука рачительного хозяина и чуткого художника: кувшины нос к носу, сковородки ручка к ручке; начищенные до блеска тазы и миски так и сияли. Как бы играло на них солнце, если бы его лучи проникали в узкое, низкое окно! В этом посудном царстве все веселило глаз и радовало душу. Порядок и чистота в холодном помещении, лишенном атрибутов западной цивилизации, придавали дому своеобразную красоту. Аккуратность, тщательность во всем, особенно в убранстве кухни, вообще характерны для жителей этих районов. Даже в самых бедных домах и у гурунгов, и у тхакали видели мы подобную строгость в размещении вещей, в ведении хозяйства.

Мы оставили свои вещи в доме Биджаи (так звали нашего хозяина) и, договорившись с ним о том, что нас покормят ужином, отправились знакомиться с окрестностями.

Нау-Данра примостилась в седле между двумя вершинами гор. Правда, если посчитать все вершины, открывающиеся взору, то их окажется гораздо больше.

Паундур на западе и Каски-Данра на востоке окаймляют это седло, которое лежит на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря.

Около полутора часов штурмовали мы этот подъем. Местные жители проходят то же расстояние гораздо быстрее. Но как же бывает вознагражден тот, кто поднимется на вершину! Какой чудесный вид открылся перед нами!

Дорога влево от деревни вела к поросшему травой и редким кустарником полю. Собственно говоря, его и полем-то нельзя было назвать — такой неровной, бугристой, холмистой и усеянной большими валунами лежала эта земля. На самой верхней ее точке стояла одиноко сосна, а возле нее — местный деревенский храм — *деваль*. Это не было настоящее храмовое сооружение типа пагоды или ступы. Просто лежал огромный валун с высеченным на нем изображением божества. Оно было усыпано красным порошком и рисом, украшено маленькими гирляндами цветов, полито молоком. Огромными глазницами оно глядело на окрестный мир. И в самом деле, тут было на что посмотреть.

Глубоко внизу синели чаши озер, там же лежало и озеро Пхева-Таль. По склонам гор, на седле которых раскинулась деревня «Девять вершин», зеленели террасы, поля. На них были посеяны и посажены разные культуры, и поэтому поля были всевозможных оттенков: от темно-зеленого, изумрудного, зеленовато-голубого до цвета зелени молодого салата.

До самого горизонта, насколько хватало глаз, протянулись цепью заснеженные вершины Больших Гималаев. Казалось, совсем рядом выстроились в ряд сразу несколько вершин Аннапурны. А напротив упиралась острием в небо «Рыбохвостая» — Мачхапучхаре. И мы не могли не радоваться новой встрече с ней, ведь мы уже так далеко и с такой стороны зашли в Большие Гималаи, что «Рыбохвостая» повернулась теперь к нам своей другой стороной. Только тогда мы воочию убедились, насколько прекрасна красавица Мачхапучхаре. Если из Покхары она казалась нам похожей на огромную пирамиду, то из Нау-Данры что-то новое виделось во всем ее облике: вершина раздваивалась наверху, словно хвост гигантской рыбы.

А божество в деревенском храме все глядело на мир

своими большими глазами, и мы вдруг поняли, что оно смотрит на Мачхапучхаре. Ведь по местным поверьям, на ее вершине — жилище богов, не всех, конечно, а самых почитаемых в Каски.

Видимо, первые жители этой деревни обладали чувством прекрасного, если выбрали для своего поселения именно это место. Но надо учесть: вокруг лежали плодородные земли, неподалеку пролегал караванный путь. И все же нам трудно было отказаться от мысли об особом эстетическом восприятии мира жителями Нау-Данры.

Мы очень устали после целого дня пути и тяжелого подъема. Даль-бхат-таркари, приготовленный хозяйкой, нам очень понравился. Мужчины распили даже бутылку ракси. Мы хотели было расположиться на ночлег здесь же, у очага, но хозяева предложили подняться на второй этаж. То, что мы там увидели после более чем скромной и лишенной мебели кухни-столовой, не могло не произвести на нас впечатление. На стенах висели фотографии Биджаи в военной форме — он служил в гуркхских частях британской армии. Бывал в Сингапуре.

Кроме портретов хозяина и фотографий его родных стены были украшены яркими глянцевитыми картинками индийского «лубка» — красочные изображения сцен из «Рамаяны» и «Махабхараты», где все одинаково прекрасны, а лица мужчин удивительно похожи на женские. Радостные, наивные картинки...

На полках стояли бронзовые фигурки божеств. Рядом с ними выстроились в ряд настоящие пивные кружки, которые, видимо, привез наш хозяин из своих заморских походов во время службы в частях британской армии.

Но больше всего поразил меня... письменный стол. Это был прочный письменный стол на четырех ножках, с выдвижными ящиками.

Непонятно, откуда он здесь взялся, ведь в Нау-Данре, где подобный род мебели никому не знаком и не нужен, вряд ли кто-нибудь смог бы его смастерить. Школьники обойдутся и без него. Еще труднее вообразить, как этот стол доставили в деревню из Покхары. Ведь дороги сюда нет. Может быть, вертолетом?

На письменном столе лежали пачка соленого печенья «Монако» и книга Томаса Вулфа «Домой возврата нет»... Ничего не скажешь — название неутешительное...

На полу в спальных мешках похрапывали двое. Хозяин сказал, что они американцы.

Мне предоставили единственную в комнате кровать, а Мишра и Дэниэл устроились на полу.

Как я уже говорила, наш хозяин гурунг. С давних времен гурунги известны как гордые, суровые и воинственные люди. Недаром они составляли костяк армии Притхви Нараян Шаха, правителя Горкхи, завоевавшего Долину Катманду. Позднее, после подписания непало-английского договора в XIX в. именно гурунги составляли основной контингент полков гуркхов в британской армии.

Сейчас их насчитывается около 180 тысяч человек. Они локализуются главным образом в трех районах страны: на западе — в дистриктах Каски и Горкха, на крайнем западе в зоне Бхери и на востоке в зоне Сагарматха.

Конечно, гурунги могут встретиться где угодно: и в Катманду, и в Индии, и даже в Англии, но именно три названных района являются основными очагами гурунгских поселений.

Точно неизвестно, как гурунги попали в Непал. Предполагают, что они выходцы из Тибета. Это похоже на правду, ведь у гурунгов монголоидные черты лица, хотя частенько наряду с толстыми губами и плоскими широкими носами встречаются более тонкие индоевропейские носы, более узкие губы и большие глаза с почти незаметным эпикантусом.

Своей воинственности гурунги в повседневной жизни почти не проявляют. Напротив, они весьма добродушны, любят шутку, смех, веселье. И это несмотря на тяжелые жизненные условия! Ведь только пять процентов гурунгов «оторваны от земли», то есть находятся на государственной службе, занимаются торговлей, бизнесом или служат в армии.

Остальные верны сельскому хозяйству. Крестьяне-гурунги возделывают землю в тяжелых условиях высо-

ко в горах, где нет ни тракторов, ни комбайнов, ни даже простых сельскохозяйственных машин. Конечно, им приходится нелегко.

Хáло (деревянный плуг) да *кодáло* (мотыга) — вот основные орудия труда большинства непальских крестьян.

Гурунги выращивают главным образом просо, кукурузу, рис, а также овес, бобовые культуры и даже пшеницу. При отсутствии удобрений, низкой технике обработки земли урожаи, естественно, невелики.

Девяносто три процента населения Непала занято в сельском хозяйстве, но лишь тринадцать процентов всей площади страны используются под сельскохозяйственные культуры. Это составляет половину той площади, которая могла бы обрабатываться. Остальная земля — целина: не хватает крестьянских рук, орудий труда, чтобы поднять ее.

Из тех тринадцати процентов площади, которая обрабатывается, только двадцать процентов земель дают по два урожая в год (хотя климат и почва позволяют собирать двойной урожай почти повсеместно).

Гурунги же, несмотря на довольно сложные условия труда, умудряются собирать урожай и летом, и зимой. Не только военной доблестью, но и трудолюбием славятся гурунги. Они зарекомендовали себя прекрасными ремесленниками, изделия которых популярны среди населения Непала и пользуются спросом у иностранных туристов.

Как правило, каждая деревня специализируется на производстве какого-нибудь изделия: в одной делают всевозможную глиняную посуду, в другой — деревянную, в третьей—занятные фигурки, пепельницы и прочие серебряные и медные сувениры. Многие жители гурунгских деревень заняты производством изделий из шерсти. Удивительно красиво ткут гурунгские женщины шерстяные покрывала, накидки, шарфы. Какие оригинальные вывязывают они *бакху* (жилеты)! Гурунгские ткачихи и вязальщицы любят работать с некрашеной шерстью. Поэтому их изделия всегда легко узнать: традиционные сочетания белого, коричневого и черного цветов в бесконечных переплетениях и комбинациях создают строгую, но насыщенную гамму. Мужчины-гурунги часто носят шерстяные жилеты именно таких

расцветок и надевают их поверх даура-суруваль. На голове у них непали топи.

Если мужская одежда гурунгов почти не отличается от общенепальской, то костюмы гурунгских женщин весьма своеобразны. Прежде всего они носят не сари, а *фарию* (*пхарию*) — особую юбку из пестрой ткани и блузку чоло. Поскольку в их краях климат нежаркий, женщины предпочитают теплые чоло из бархата самых разных цветов — чаще всего ярко-синего и лилового.

Голову женщины повязывают пестрыми платками концами назад, как это делают цыганки. Они очень любят разные украшения. Даже в будний день гурунгская женщина обязательно наденет длинные нити бус, тяжелые серьги (нередко они украшают не только мочку, но и продеты в раковину уха). Огромные перстни сверкают на пальцах, непременные браслеты на руках и ногах. В праздничные дни женщины надевают особенно много золотых украшений.

В благополучных семьях большое количество украшений у жены — свидетельство не только любви и заботы мужа, но и богатства дома, его хозяина.

Так что в праздничные дни гурунгская женщина (как, впрочем, все женщины Непала) — красивая реклама достатка семьи.

А праздники здесь нередки. Гурунги умеют повеселиться, любят песни и танцы. Поют дома, когда прядут шерсть, и в поле, когда сажают рис, в лесу, когда собирают дрова и хворост, и, уж конечно, когда просто сходятся, чтобы повеселиться и отдохнуть. Песня здесь до сих пор, как и в древние времена, спутница труда. Каждый вид работ сопровождается своей особой песней. Есть песни спокойные и протяжные, как длинные цепи величественных гор. Есть веселые, ритмичные, как звенящие водопады в горах. Но если во время работы только поют, то в праздничные дни под песни танцуют.

Люди собираются на улице, становятся в круг. Вперед выходит группа танцоров. Музыканты ударяют в барабаны и цимбалы, певцы запевают, а танцоры языком жестов рассказывают, о чем поется в песне. Это по сути маленькие представления со своим либретто, приуроченные ко времени года.

Вот *сорóнте* или *сорáтхи*. Его исполняют в период

уборки риса. Это поэтичный рассказ о любви короля по имени Джая Сингх и королевы Раджмати. Сороно очень красив и лиричен. Этот танец-песня гурунгов вошел в сокровищницу классических танцев Непала.

Другой древний музыкальный рассказ — *Сати Гхату*. Он о короле Сике и его возлюбленной супруге. У Сати Гхату короткая жизнь. Его исполняют лишь в непальский месяц *байсакх.* (*байшакх*).

В самом начале весеннего праздника гурунги воздают молитву своим обожествляемым музыкальным инструментам, а потом торжественно... выбрасывают их в реку — источник жизни. Реки — божественные колыбели, олицетворение некоторых богинь. Покровительница искусств богиня Сарасвати тоже отождествляется с рекой. Может быть, бросая в воду музыкальные инструменты, гурунги совершают жертвоприношение богине?

Танцы гурунгов имеют свой неповторимый рисунок. Местные жители утверждают, что, когда танцующие мерно движутся длинной цепочкой, ритмично сгибаясь и распрямляясь, они в танце как бы повторяют рисунок бесконечных извилистых цепей Аннапурны и Дхаулагири.

Гурунги, особенно молодежь, любят собираться в *роди-гхар* — своего рода клубы, скромные помещения, где по вечерам танцуют и поют. Здесь приняты песенные состязания. Юноши устраиваются напротив девушек и поют веселую, шуточную песню. Слова в ней обычно смешные и остроумные. Девушки не теряются и достойно отвечают своим кавалерам. Такой «дуэт» чем-то напоминает русские частушки. Песня может быть очень длинной, но исполнители неутомимы. Веселье продолжается до поздней ночи.

А наутро их снова ждет нелегкая работа...

У гурунгов много свадебных песен и танцев. Как и всюду в Непале, о предстоящем бракосочетании сначала договариваются родители. Детей обручают еще в раннем возрасте и женят, когда они вырастают. По случаю бракосочетания устраиваются большие торжества. И как бы ни была бедна семья невесты, она готова выложить все и дойти до разорения, лишь бы не ударить лицом в грязь.

В отличие от высоких каст — брахманов и чхетри — гурунги не считают развод ни позорным, ни невозмож-

ным событием. Если супруги хотят расстаться, они делают это без долгих препирательств. В виде компенсации лицо, требующее развода, выплачивает «потерпевшему» небольшую сумму денег в размере от сорока до восьмидесяти рупий. Эта плата не идет ни в какое сравнение с деньгами, потраченными на свадьбу.

После развода бывшие муж и жена опять считаются холостяком и девицей и могут вновь устраивать свою судьбу и искать счастья у нового семейного очага.

Когда мы покидали Нау-Данру, навстречу нам двигалась свадебная процессия. Довольно большая группа мужчин несла на шестах корзину. В ней под большим зонтом восседал молодой человек в очках. На нем был даура-суруваль, поверх которого надет черный пиджак, на голове непали топи. На шее юноши висела длинная, до самого живота, гирлянда из желтых и красных цветов. Это был жених. Он направлялся к дому невесты.

Мы посторонились, пропустили свадебную процессию и пошли дальше. Шагали по узким тропам, продирались сквозь колючие заросли гималайской ежевики, останавливались у текущих в скалах родничков, чтобы освежиться, скидывали свои рюкзаки у редких чаутара и то спускались, то поднимались по крутым склонам.

Так продолжалось много часов, и казалось, так будет еще очень-очень долго...

От Нау-Данры до Татопани

Гроза надвигалась с бешеной скоростью. Вот уже туча повисла у нас над головами, и тут же закапали первые крупные капли дождя. Затем начался ливень. Рюкзаки на спинах намокли, стали невыносимо тяжелыми. Теперь мы мечтали только о том, чтобы где-нибудь укрыться.

Где-то на высоте около двух тысяч метров виднелась крупная экспериментальная ферма «Илам багича» («Иламский сад»), чудесный уголок в суровых Гималаях. Такое название дал англичанин, который основал ее несколько лет назад.

Однако до фермы еще предстояло дойти. Хотя надо

было подниматься в гору, мы старались двигаться как можно быстрее. В невысоком заборе, которым огорожена ферма, обнаружили нечто вроде входа — тайный лаз. Через него мы и вошли на территорию «Иламского сада».

То, что мы увидели здесь, поразило нас. Кругом тщательно возделанные плантации: длинные гряды овощей, ягодные теплицы и пышный фруктовый сад.

Служащие фермы приняли нас радушно. Как выяснилось, они уже не раз давали приют путешественникам. Нам быстро приготовили яичницу, чай, а затем проводили в одну из двух или трех классных комнат небольшой школы для детей служащих. Дождь стучал по крыше.

По непальскому календарю май — начало лета. Здесь, в горах, климат меняется с высотой. На уровне от 900 до 2400 метров летом льют проливные дожди. Зимы бывают холодные, иногда с заморозками. Летом, когда нет дождя, на солнце жарко. Чем выше, тем короче лето и длиннее зима.

Уставшие, промокшие, сидели мы в тесной, забитой матрацами комнате. Дождь лил как из ведра. Устроившись на матрацах, мы зажгли свечу и стали вспоминать недавние встречи, последние события. В тот день видели садху. Кроме набедренной повязки, на нем ничего не было. Крепкое загорелое тело. Мускулистые босые ноги. В руках палка с привязанной тряпкой, а в ней — несколько лепешек и тяжелый латунный кувшинчик для воды. Садху — брахман из индийского штата Мадхья-Прадеш. Он уже совершил великое паломничество в Муктинатх и теперь с сознанием исполненного долга и ощущением того, что одна из главных целей жизни достигнута, возвращался в свою обитель. Садху был разговорчив и общителен. Я спросила о его возрасте. Точной даты своего рождения он не знал.

— Лет сорок — сорок четыре, — был ответ. Видимо, этот вопрос не занимал его.

Дэниэл припомнил забавный случай. Однажды он беседовал с высокопоставленным индийским чиновником. Говорили на урду (Дэниэл прекрасно владел этим языком). Беседа длилась минут тридцать. Чиновник спросил Дэниэла, где тот работает и чем занимается. Дэниэл ответил, что он — лингвист и преподает урду.

— Вы, оказывается, знаете урду! — удивленно воскликнул индиец, даже не заметив, что разговор все время шел именно на этом языке.

Усталость скоро дала себя знать, и мы уснули крепким сном...

Когда проснулись, было свежее, прозрачное утро.

На ферме нас ждал сюрприз. На общей кухне, где мы питались, нам предложили отведать *бхуин-айселу* — «земляную ягоду».

— Сколько стоит? — спросили мы. — Пять сука *,— был ответ.

Мы выложили рупию и двадцать пять пайс, и нам принесли две тарелки «земляных ягод». Мы обомлели: это была спелая, сочная, крупная клубника. Последний раз Умакант ел ее в Киеве, Дэниэл в Лондоне, а я в Москве. В Катманду мы клубники не видели. И вдруг в Западном Непале, в сердце Гималаев — отборная клубника. Велики были наше удивление и радость.

Полной грудью вдыхали мы запах свежей земли, аромат фруктовых садов, идя по улицам поселка. Видели прекрасно оборудованную спортплощадку, почти готовое здание клуба, добротные каменные дома с отдельными квартирами для рабочих. Заметив нас из окна, хозяин одной из них пригласил зайти в гости. Мы с удовольствием воспользовались приглашением. Уж очень хотелось увидеть здесь, в глуши Гималайских гор, то, чего не встретишь даже в столице: многоквартирный жилой дом европейского образца.

Таких жилых домов, рассчитанных на людей среднего достатка, нет и в других городах Непала. Дом — собственность хозяина. Пусть он плох, пусть проваливается крыша, нет воды и дымохода, как, например, у гурунгов. Зато — это свой дом, полученный в наследство от деда, прадеда или построенный на свои собственные сбережения.

Вот почему мы с таким интересом пошли в гости к хозяину квартиры, который рассказал нам, что родом он из Бирганджа, по специальности техник. В тот день он отдыхал. Жена с сыном уехали погостить к родителям. Хозяин провел нас в трехкомнатную квартиру. Она была обставлена хорошей мебелью. На кухне — га-

---

* 1 сука́ составляет 25 пайс.

зовая плита (газ привозят сюда в баллонах.) Есть и водопровод с фильтрованной водой.

Рам Прасад Кафле, хозяин квартиры, познакомившись с нами поближе, сказал, что его двоюродный брат учится в Москве в медицинском институте.

Вскоре мы распрощались с ним. Недалеко от его дома возводили новые здания, и мы направились туда.

Окончательно проникнутые симпатией к экспериментальной ферме «Илам багича», прощаемся с ней и снова пускаемся в путь.

Мы миновали деревню Лумле, лежащую чуть ниже «Иламского сада». Прошли мимо домов. Возле каждого как символическая ограда — кусок каменной стены крупной кладки. Стены эти увенчаны цветущими кактусами и увиты настурциями. Здесь нет пышной «принцессы ночи», но зато скромных желтых, белых и розовых цветков кактусов, мелких и изящных, предостаточно.

Почти все жители в поле. Лишь изредка мелькнет чумазое личико малыша, играющего у дороги, да сверкнет озорными, веселыми глазами молоденькая девушка, хлопочущая по хозяйству.

Но вот деревня кончилась. Деревенская улица постепенно переходит в узкую, извилистую тропу. Спускаемся гуськом — впереди Дэниэл, за ним Умакант, потом я. Спуск — не подъем. Но постоянно согнутые и пружинящие, как у горнолыжника, колени устают от напряжения и начинают предательски дрожать. Стóит чуть прибавить скорость, и ты побежишь все быстрее и быстрее, уже не в силах остановиться до самого конца крутого спуска. Когда же кончится этот проклятый спуск?!

— Наверное, так выглядит дорога в преисподнюю,— ворчала я.

Дэниэл улыбался. Умакант немного отстал; он собирал ягоды с колючих кустов, сплошь покрывавших склон. Если будешь лететь вниз, за такой куст не ухватишься.

Мы остановились, чтобы хоть немного отдышаться. Оказывается, и при спуске дыхание прерывается. Тут нас догнал Умакант. Губы у него были красные от сока

ягод. Он протягивал нам полную ладонь ягод. Попробуем. На вкус они кисловатые и чем-то напоминают ежевику.

— Как называются эти ягоды, Умакант? — спрашиваю я.

— Ягоды, — говорит он.

— Понятно, что ягоды. Но должно же у них быть свое название?

Умакант Мишра пожимает плечами:

— Да нет! Просто ягоды.

Вот всегда так, думала я. Когда у непальца спросишь название дерева, цветка, кустарника, он скажет просто: «это дерево» или «это цветок» и т. д. Если это не священное дерево пипаль или бодхи, не прекрасный куст жасмина, лальпате и рододендрона и не любимые непальцами розы, бархотки и хризантемы, то название для них общее.

Зато как много знают о каждой травинке непальские ботаники! Например, Ананда Упадхъяй. Милый, добрый, внимательный Ананда! Теперь он уже получил диплом Трибхуванского университета. Ананда — ботаник. Еще до поступления в университет он несколько лет проработал и в ботаническом саду, и на государственных плантациях.

... Наконец спуск кончился. Последний участок его был настолько крут, что люди вырубили на тропе ступеньки. Внизу змеилась река Моди. Через нее перекинут узкий висячий мост. Дул ветер. Мост раскачивался у нас под ногами. Внезапный ветер сорвал с рюкзака Дэниэла полотенце (тот вздумал его таким образом просушить). Оно некоторое время еще кружилось в воздухе и, наконец, медленно опустилось на воду. Мы видели, как река подхватила его, завертела и быстро умчала.

Мы спустились с моста и оказались в деревне Биретанте.

Здесь прочные каменные дома с каменными заборами, мощеные улицы, несколько традиционных лавок в первых этажах домов. В них такие товары, каких нет и в Покхаре: дорогие американские сигареты, всевозможные соки, голландское пиво разных сортов.

— Чудеса экспорта-импорта!..— вздыхали мои спутники, поглядывая на деревенские прилавки.

А чудеса объяснялись, по-видимому, тем, что Биретанте расположена на месте пересечения караванных путей. Поэтому во дворах некоторых домов стояли яки и низкорослые гималайские лошадки. А их погонщики-тибетцы отдыхали после очередного долгого прогона.

Голод давал себя знать. В одном из домов нас накормили даль-бхат-таркари и напоили чаем. Простившись с хозяевами, мы вышли на улицу и устроились на каменном барьере, чтобы немного отдохнуть. И вот тут-то вдруг выяснилось, что у нас осталось всего семьдесят рупий.

Как могло такое произойти? Винить себя в расточительности было нельзя. Ведь вот уже который день мы питались вареным рисом и яйцами вкрутую (клубнику в «Илам багича» отведали за довольно низкую плату) и которую ночь спали на полу, в своих спальных мешках.

Мы долго советовались, что делать дальше.

— Может, вернуться? — предложил Дэниэл.

— Нет, — решительно возразила я. — С полдороги?! Не дойдя до цели?! Нет уж! Раз пошли, дойдем до конца. Любой ценой.

Дэниэл широко улыбался. И тут я поняла, что он просто устроил мне испытание.

— Что ж! Идти так идти! — радостно воскликнул он. — Но где взять деньги?

Умакант Мишра внимательно слушал нас и сосредоточенно молчал. Затем он решительно поднялся и пошел в дом, где нас только что накормили. Мы с Дэниэлом недоуменно переглянулись.

Минут через пятнадцать появился Умакант и вручил Дэниэлу сто рупий. Оказывается, он заложил свои новые часы... Выручил! Теперь можно было продолжить наш путь.

Пошел дождь. Но задерживаться в Биретанте не хотелось. Мы уходили в полосу дождя и тумана, чтобы до наступления темноты достичь ближайшего населенного пункта.

Четыре с половиной часа пути по извилистой и скользкой тропе (правда, без особых подъемов и спусков) — и вот мы уже возле деревушки Тиркхедхунге («Острокаменная»). Было очень сыро, холодно и темно. Постучали в ближайший дом. Осторожно ступая, ста-

раясь не разбудить спящих на полу людей, хозяйка провела нас по скрипучей шаткой лестнице на второй этаж. Дощатая перегородка отделяла чердак с хламом и мешками зерна от того, что называлось «комнатой», в которой «окна» были без рам и стекол. По «комнате» гулял ветер. Возле двух «окон» стояли три ящика, покрытые матрацами, — «кровати». Мне отвели одну (за нее надо было платить), а Умакант и Дэниэл, твердо решив экономить, устроились на полу. Это бесплатно.

Хозяйка заверила нас, что клопов, блох и тараканов не водится, и мы благополучно заснули. Однако долго спать не пришлось. Шел дождь. В оконный проем, хотя и завесили его плащами, врывался холодный ветер. Измучившись и продрогнув на своей «кровати», я подумала, что мои друзья, спящие на полу, выиграли не только деньги, но и спокойный сон. Я перебралась со своим спальным мешком на пол. Действительно, дуло здесь не так сильно. Снова задремала. Но среди ночи вдруг проснулась: что-то цепкое и противное теребило мои волосы. Я громко вскрикнула. Дэниэл и Умакант стали успокаивать меня:

— Видишь, хозяйка сказала правду. Клопов нет, блох нет, тараканов нет. Есть мыши. Но ведь мы же не спрашивали ее о них. Постарайся, пожалуйста, заснуть. Бедная маленькая мышка ничего плохого тебе не сделает.

Вскоре мои друзья снова уснули. Я глубже забралась в спальный мешок и, решив — «будь что будет!», тоже уснула...

В половине шестого утра нас разбудила хозяйская девочка. Она принесла неизменный утренний чай с молоком.

Ну зачем же в такую рань чай с молоком! Дали бы лучше выспаться...

Умакант и Дэниэл поднялись и, стараясь не будить меня, начали укладывать вещи. Пока Дэниэл брился (Мишра в походе отращивал бороду), я дремала.

Вскоре подали обычный завтрак — крутые яйца — и волей-неволей мне пришлось встать.

Я пошла к ручью умываться. Было прохладное и ясное утро. Солнце освещало снежные макушки гор. И, глядя на них, я забыла волнения этой ужасной ночи, забыла, что все тело искусано, ноги болят, а кеды

порваны. И снова готова была идти дальше. В восемь часов утра мы покинули деревню Тиркхедхунге.

Теперь наш путь лежал в Уллери. По дороге мы обсуждали неприятности минувшей ночи. Тропа шла вверх по крутому склону горы. И тут с рюкзака Дэниэла вновь слетело полотенце, желтое полотенце Умаканта, которое он пристроил сушить на спине друга.

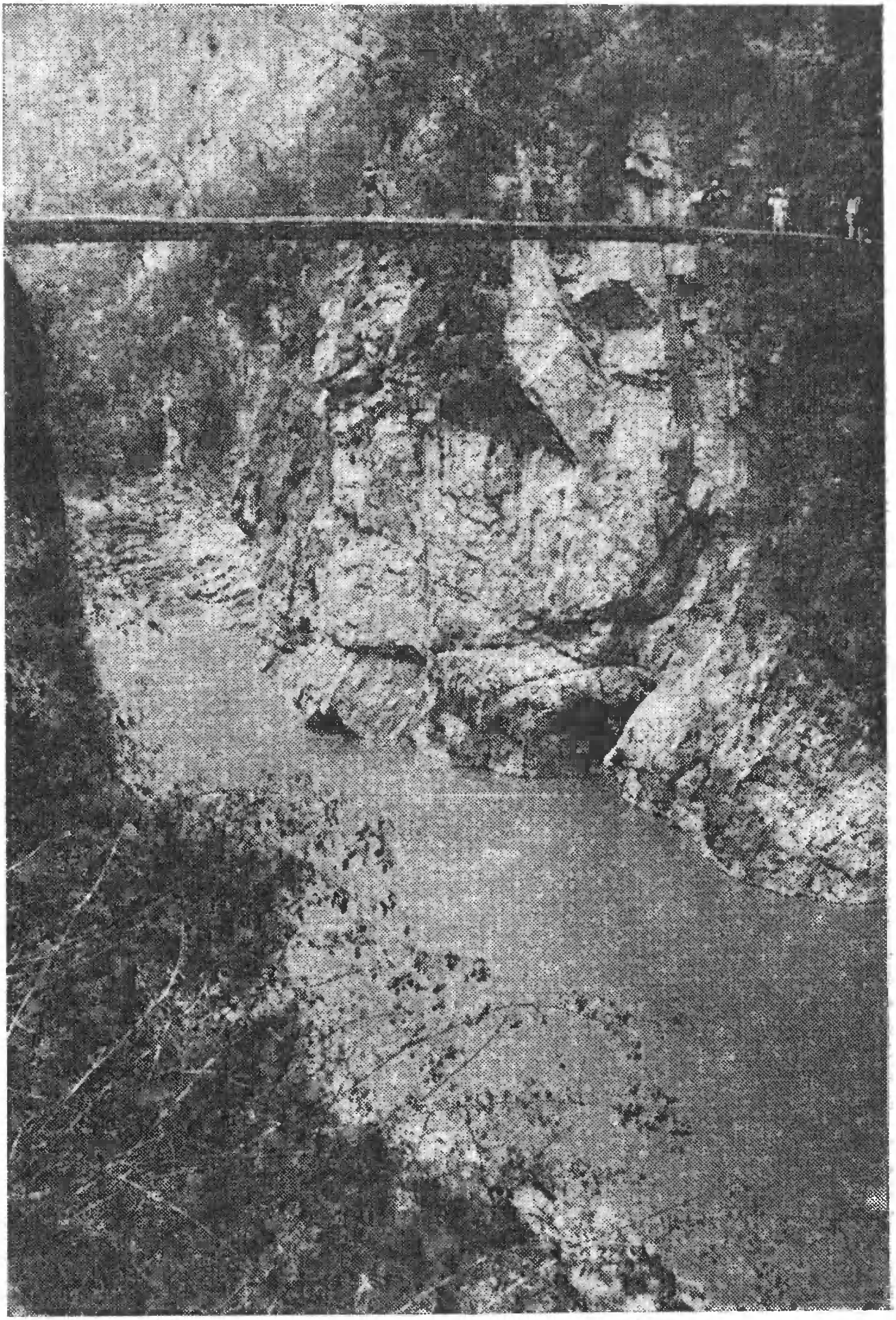
Я достала вторую половину своего запасного полотенца (первую вручила Дэниэлу в Биретанте) и отдала Умаканту.

Небо затянуло тучами. Подниматься в гору по крутой тропе было трудно. Два часа непрерывного подъема — и мы в Уллери. Это небольшая деревенька, живописно раскинувшаяся на вершине горы. Живут здесь в основном магары, еще одна народность Непала, близкая к гурунгам. Спускаемся чуть ниже Уллери. Тропа начинает петлять. То карабкаемся по скалам, то ныряем в густой лес, то переходим по шатким доскам мостов, перекинутых через стремительные горные реки, пересохшие старые русла и мутные стоячие воды, образовавшиеся вследствие затяжных весенних ливней.

Послышался отдаленный шум. Он все нарастал. И вот перед нами водопад: несколькими потоками срывается вниз со скалы лесной ручей. Воды его тонкой, прозрачной пленкой покрывают поросшую мхом скалу... А вокруг — величественные дубы, пихтовые деревья, магнолии. Стволы деревьев оплетены мхом и хрупкими орхидеями. Красивое, но страшное зрелище.

Здесь, у подножия водопада, между стволами деревьев на высоте поднятой руки натянута веревка с цветными лоскутками и флажками. Люди обожествляют горы, деревья, воду. И чем дальше мы идем, тем чаще встречаем такие отметки. Элементы этих древних верований сохранились у части гурунгов, магаров, тхакали.

Идем по дороге. Это, конечно, не дорога, а вьючная тропа. Ливни размыли глинистую почву, и мы то вязнем по колено в грязи на подъемах, то скользим и падаем на спусках. Приходится страховать друг друга, но если кто-то поскользнется, он увлечет за собой остальных. Все это очень мешает нам любоваться чудесным лесом, а не восхищаться им просто невозможно. В лесу сосед-



Мост в горах Западного Непала

ствуют растения субтропического пояса и умеренной зоны. Зеленеют сочные листья ольхи и дуба. Тонкий дурманящий аромат источают восковые чашечки магнолий. Цветут причудливые изящные орхидеи, пышные рододендроны. Среди них алеют кусты лали-гуранса. Все вокруг сказочно красиво.

Мы поднимаемся на гору в Гхорапани. Это одна из самых высоких точек нашего маршрута. Она находится на высоте примерно трех с половиной тысяч метров. Не так давно здесь появилась ферма «Будхджая». Ее основал майор в отставке Тек Бахадур Будхджая Пун. Пока на этом месте построено лишь несколько небольших крестьянских домов и времянок. Местные жители разводят виноградники и выращивают мандарины.

Нас пригласили в одноэтажный дом с одним помещением. На стене — полки с кухонной утварью. Возле угасающего очага сидел, закутавшись в рваное шерстяное одеяло, старик. Тут же расположились две лохматые собаки и три облезлые тощие кошки. Срываясь с насеста, по дому суетливо бегали куры. Потеснив собак и кошек, с разрешения старика устраиваемся возле очага. Очень холодно, и мы никак не можем согреться. На улице совсем темно, хотя часы показывают лишь четверть девятого. Пожилая хозяйка говорит, что дверь будет открыта до десяти часов вечера, потому что сюда будут «приходить люди». Мы поняли, что попали в непальский «ночлежный дом».

Ночь прошла спокойно. Правда, с непривычки ныли суставы и ломило кости: уж очень жестко было спать на неровном глиняном полу без циновок. На беду все тело мое покрылось какими-то красными пятнами, похожими на укусы. Руки и ноги чесались. Они распухли и отекли.

Друзья проводили меня в больницу, единственную на всем маршруте. Она находилась в деревне Сикха. Это был небольшой сарай. Лишь сильный запах йода напоминал о том, что это помещение имеет отношение к медицине. Лекарь, осматривая меня, сочувственно щелкал языком. За несколько рупий он снабдил меня таблетками от аллергии, завернув их в старую газету, и пузырьком с густой красной, похожей на кровь, жидкостью. Дэниэл окрестил эту жидкость «красной штуковиной». Я усердно мазалась ею и, должно быть, похо-

дила на изваяние священной обезьяны Хануман возле Хануман Дхоки в Катманду (обезьяну постоянно покрывают киноварью — символ почитания святыни).

В Сикхе мы побывали в школе — старом деревянном здании с открытыми галереями, выходящими во внутренний двор. Шли занятия. В классах сидели старшие ученики. Во дворе на лужайке занимались малыши. Ребята с любопытством разглядывали нас, а когда учителя им разрешили, они с восторгом сфотографировались вместе с нами.

Из Сикхи дорога пошла вниз. В конце деревни нам встретилась бойкая девушка Комла. В знак особого расположения она предложила мне «стать ее сестрой». Во время обряда, который, кстати, весьма популярен в Непале, основным считается момент, когда «роднящиеся» ставят друг другу тику на лоб. Комла ждала и, лукаво улыбаясь, повторяла:

— Сайли бханун? («Назвать тебя сестрой?»)

Я уже хотела согласиться, но тут раздались голоса Умаканта и Дэниэла, ушедших далеко вперед. Я сказала Комле, что не успею теперь стать ее сестрой, потому что меня ждут товарищи.

— Ну, ладно, — вздохнула она. — Может, в другой раз когда-нибудь... Ведь вы же сюда еще вернетесь?..

Мы тепло простились, и я побежала скорее догонять друзей. Вьючная тропа вилась по горбу перевала. По обе стороны от нее стояли лиственные деревья. Из-под ног с обрыва летели мелкие камни. Неожиданно раздался треск, и что-то тяжелое рухнуло возле деревьев в чащобу кустарника. Я вздрогнула... С дерева свалилась обезьяна...

Мы идем по краю пропасти. Над нами нависает острая скала. Приходится почти ползти, вжимаясь всем телом в стену, и рассчитывать каждый шаг. Одно неверное движение и можно сорваться.

Кеды мои совсем развалились. Я с трудом ковыляю сзади.

— Брось ты их совсем! — Умакант достает из рюкзака свои новые кеды.

— А как же ты? — вырвалось у меня.

— Ничего. Авось мои ботинки выдержат!..

Выручил! Снова выручил Умакант! Я надела его кеды. Они были велики, но по крайней мере в них не

хлюпала грязь Гималаев. Мои кеды остались на тропе вместе с другой такой же рваной обувью. Ее много на всем пути от Покхары до Татопани. Да и дальше валяются на вьючных тропах своеобразными вехами старые кеды, бутсы и башмаки.

Кончался наш переход к долине реки Кали-Гандаки. Спустившись глубоко вниз, мы оказались в бассейне этой большой реки. Первым крупным пунктом на новом участке было селение Татопани.

Земля Тхак

Селение Татопани расположилось у реки. Но если из Биретанте открывался вид на соседние деревни, на горы, холмы и леса, то здесь, в Татопани, я почувствовала себя словно зажатой в ловушке. Со всех сторон — каменные утесы и скалы. Вдали — вздымающиеся к небу снежные великаны. Татопани довольно большая деревня. В ней домов пятьдесят. Для здешних мест это много. Дома прочные, двухэтажные. В некоторых на первом этаже разместились лавки. В двух домах через открытую дверь видим сидящих за швейными машинами мужчин. Местные портные. Они обшивают всю деревню и даже шьют кое-что на продажу караванщикам.

Самое примечательное в селении — горячий серный источник. Мы пошли к реке — она за домами. Неширокая, холодная, стремительная. На берегу лежали крупные камни и большие, выше человеческого роста, валуны. Кое-где вдоль реки рос мелкий кустарник. Между валунами и кустарником увидели ямы диаметром около полутора метров, наполненные горячей целебной водой с характерным тяжелым запахом.

Мы постирали в реке свою одежду, просушили ее на валунах. И вдруг нестерпимо захотелось вымыть голову, благо под рукой горячая вода, да к тому же еще целебная. Достали кувшин, я надела купальник. И вот тут-то спутники ахнули: все тело у меня было покрыто страшными волдырями. Друзья искренне сочувствовали мне.

Только теперь они представили себе муки, которые я испытывала, и были так потрясены, что почти не обратили внимания на то, что происходило рядом.

А между тем к естественной «ванне» подошли несколько женщин весьма почтенного возраста. Не глядя на нас, они, кряхтя, разделись и погрузились по шеи в яму. Женщины сразу же перестали охать и вздыхать и как-то даже повеселели.

Местные жители давно заметили чудодейственную силу подземного источника. Они считали его волшебным даром богов. «Татопани» («Горячая вода») назвали они свою деревню.

Здешние жители, особенно пожилые женщины, приходят сюда на омовения как на ежедневную молитву.

В том, что женщины спокойно разделись в присутствии посторонних мужчин, нет ничего удивительного. Непальской женщине мораль не запрещает обнажать тело, когда это необходимо. Например, во время умывания у колонки в городе, у источника или у колодца в деревне, кормления грудью ребенка, переодевания возле дома.

Я смотрела на эту картину и вспомнила совсем другую. Это было в Патане. Как-то я бродила по старым узким улочкам города. Возле одного дома у порога стояли две девушки. Одна, обнаженная по пояс, мыла голову, другая латунным кувшинчиком набирала воду из огромного таза и лила подруге на волосы. Солнце блестело на стенках кувшинчика и таза, играло стеклянными браслетами, освещало обнаженную спину девушки, бронзовую, в капельках воды. Когда я проходила мимо, она неожиданно обернулась, и я замерла от восхищения: лицо, тело девушки напоминали ожившую фреску древних храмов с изображениями богинь и *апсар* — прекрасных небесных танцовщиц.

Моросил мелкий дождь, когда мы покидали Татопани. Навстречу нам шли два крестьянина. Мы поинтересовались дорогой на Дану. Крестьяне заулыбались и заверили, что она хорошая.

— *Укáло чхайнá, орáло поний чхайнá, рáмро чха,* — говорили они.

Значит, впереди нас не ждут ни крутые подъемы, ни головокружительные спуски, словом, не дорога, а сплошное удовольствие.

Когда же мы с трудом совершили очередной тяжелый подъем и, осторожно цепляясь за скалы, спустились

вниз, каждую минуту рискуя сломать себе шею, а, преодолев спуск, очутились перед новым, еще более крутым подъемом, то твердо решили никогда больше не спрашивать местных жителей, какова дорога.

Для них, горцев, хороших ходоков, такой путь кажется простым и удобным.

Деревня Дана расположена немного выше Татопани, на высоте тысячи четырехсот метров. Это небольшой административный пункт с почтой, конторой сборщика налогов, школой, а также контрольно-пропускным постом, третьим на нашем пути. Первые два — в Нау-Данре и в Биретанте. Еще в Нау-Данре, когда часовые проверяли наши документы, выданные нам с Дэниэлом иммиграционным департаментом и дающие право путешествовать по этим районам Непала, они с удивлением взглянули на меня и воскликнули:

— О, вы первый русский человек, который здесь побывал!..

В Дане — субтропический микроклимат. Здесь в огромных садах и на огородах выращивают бананы, мандарины, разные овощи, которые не встретишь в Татопани и уж тем более к северу от Даны.

Почти сразу за Даной начинается удивительный и чрезвычайно быстрый переход от субтропического оазиса к альпийской зоне. Пейзаж меняется резко и четко. Он характерен и для небольшой деревни Гхаса, похожей на крепость с громадными воротами. Гхаса лежит также в зоне долины Кали-Гандаки, но уже на высоте около двух тысяч метров. За пределами Гхасы как бы новый мир. Стало гораздо холоднее, а вокруг вместо пышных субтропических садов Даны вздымались голые скалы, росли сосны и вереск. В этих местах рис не растет. Его сюда привозят. Местные жители сеют ячмень. Об этом рассказал нам во время завтрака хозяин дома, где мы остановились, тхакали по национальности. Вскоре появились двое нелюдимых, мрачных молодых людей с носильщиком-тибетцем. Тибетец оказался веселым и разговорчивым. Дэниэл, узнав, что он получает двенадцать рупий в день, пожаловался, что сам он и Умакант тоже носильщики, а мэм-саб (госпожа) платит им всего по пять рупий в день.

Тибетец с укоризной посмотрел на меня и удивился моей скупости. Однако, увидев, что я предложила своим

«носильщикам» печенье к чаю, заметил, что, видимо, мэм-саб все-таки добрая. Он широко улыбался, обнажая ровные белые зубы. Его лукавые раскосые глаза сузились, и совсем было не понять: принял ли он слова Дэниэла всерьез и радуется тому, что его коллеги-носильщики вовсе не так уж плохо живут, работая на мэм-саб, или же он все-таки не поверил Дэниэлу и сам с большим удовольствием включился в нашу игру.

Дэниэл все заверял тибетца:

— От женщин лишь беда да убыток. *Нуксáн мáтрей* (один убыток), — говорил он на непали. — Горе голове, сердцу и карману...

Я спросила у нашего нового знакомого о тибетских женщинах:

— А они тоже *нуксан?*

— Нуксан матрей! — весело ответил он.

Надо сказать, что по дороге мы не раз встречали тибетцев. Шли они поодиночке, по двое, по трое, группами, налегке или с караванами. Граница с Тибетом недалеко — торговцы путешествуют из пограничных районов в Непал и обратно. На юг, в Непал, они доставляют соль (в Тибете есть соляные озера) и шерсть. К себе на север везут рис, пшеницу, сахар. Между Непалом и Китаем заключено соглашение о торговле в пограничных районах, а те товары, экспорт которых не предусмотрен, переправляют контрабандой. В Непале много тибетских беженцев. Для них организованы поселения и созданы центры кустарного производства.

Большой лагерь тибетских беженцев видели мы и недалеко от Покхары. Его жители, построив первым делом *чортэн* * и создав у себя на территории атмосферу родного края, не сидели сложа руки. Женщины пряли, ткали, вязали и вышивали; мужчины ходили с караванами на юг и на север, занимались ремеслами и торговлей. Тибетцы быстро осваивают непальский язык. При встрече они всегда широко улыбались, складывали ладони по-непальски лодочкой у груди и, смешно растягивая слово, произносили непальское *намастэ* («здравствуйте!») на свой лад: *на-ма-са-тэ.*

---

* Чортэн *(тиб.)* — ступа.

Многие из них говорят по-непальски очень хорошо, чисто, особенно, конечно, дети. Они скорее усваивают язык — и у своих сверстников-непальцев, и на занятиях в школе.

Тибетцы, которых приходилось встречать в Непале, запомнились мне жизнерадостными, веселыми и добрыми людьми.

Французский путешественник Мишель Пессель, описывая свое путешествие в 60-х годах по этим же местам, утверждал, что его подстерегали опасные *кхампа* (выходцы из Восточного Тибета, известные своей воинственностью). Они нередко нападали на путников и дочиста грабили их. За пятнадцать дней, проведенных в пути, нас не только не ограбили «злодеи»-тибетцы, но и не обидели ни словом, ни действием. Более того, мы ни разу не слышали ни о каких неприятных инцидентах, связанных с тибетскими беженцами. Лишь один раз тибетцы повергли нас в смущение, доставив нам несколько беспокойных минут.

Случилось это на узком горном перевале, в маленьком трактире — бхатти. Возле него был перекинут узкий мостик через ущелье. Сама бхатти прилепилась к высокой скале. Глубоко внизу текла Кали-Гандаки. В трактире, простом деревянном домике, на небольшой открытой веранде мы пили тибетский чай с маслом и солью. Неожиданно появились два путника, сопровождавшие караван яков. В трактир вошли молодые, высокие люди в традиционной тибетской одежде. На ногах у них были мягкие сапоги из кожи яка, отделанные мехом. На шелковые темные рубашки наброшены теплые шерстяные куртки. Длинные волосы заплетены в косу и уложены вокруг головы. Они обменялись дружеским приветствием с двумя хозяевами трактира, тоже тибетцами, и присели к столику.

Некоторое время мы ели молча, затем оба путника заговорили с нами. Они сказали, что добираются из Покхары в Мустанг. Неожиданно тибетцы спросили, не сестра ли я одного из моих спутников. Дэниэл заверил их, что я его младшая сестра, а Умакант наш старый товарищ. Тибетцы одобрительно закивали, словно такой ответ они ожидали услышать, а затем, пошептавшись между собой, отозвали Дэниэла в сторону и стали о чем-то горячо упрашивать.

Дэниэл слушал сначала с удивлением, потом с растерянностью и... вдруг рассмеялся.

Минут через двадцать он вернулся к нам и рассказал, что эти люди — братья и просят Дэниэла как старшего моего брата, следовательно, отвечающего за меня, отдать сестру в жены их старшему брату, которому я, несомненно, понравлюсь. Они предлагали Дэниэлу выкуп.

Дэниэл объяснил им, что это невозможно и у сестры уже есть жених. Но они не отступались: пусть сама скажет. Дэниэл, передав содержание беседы, попросил меня ответить тибетцам. Их горячность и настойчивость не на шутку встревожили меня.

Тут они сами подошли и стали расхваливать своего старшего брата: он и богат, и знатен. Как хорошо будет мне в Мустанге!

— Благодарю вас, — сказала я. — Очень приятно породниться с такими людьми, как вы, и жить в великих Гималаях. Но меня ждут дома, и я не могу обмануть ожидания. Это было бы нехорошо.

— Да. Это нехорошо... — погрустнели они и стали собираться в дорогу. Тибетцы долго и церемонно кланялись. Когда они тронулись в путь, мы облегченно вздохнули.

Чем дальше и дальше на север, тем природа все суровее. Пейзаж неповторим и непередаваемо своеобразен. Вокруг высокие голые скалы. Кое-где стоят сосны и ели, поросшие мхом. Под ногами мягкий настил хвои. Два великих горных массива, упирающихся в самое небо белыми вершинами — Аннапурна и Дхаулагири, — кажутся совсем рядом.

Мы прошли стороной деревню с красивым названием Лете. Как уже повелось, на погоду внимания не обращали. Брели под дождем. Вверх — вниз, вверх — вниз. Подъем — спуск, подъем — спуск. И вот мы уже по ту сторону Аннапурны, на равнине. Шли по широкому руслу священной Кали-Гандаки. Под ногами влажные песок, глина, галька. Ноги в прохудившихся кедах и башмаках совсем промокли. Но нам не до этого. Главное — добраться до жилья. И уже там будем сушить возле очага мокрую одежду и обувь. А пока надо терпеть.

Кали-Гандаки еще не разлилась: муссоны только начинаются. В разгар муссонных дождей бурные потоки воды затопят широкое русло, по которому мы проходили. Сейчас Кали-Гандаки («Страшная река») вовсе не страшна. Мелкой извилистой лентой с многочисленными разветвлениями вьется она по долине, кое-где перерезая ее. Мы старались как-то обойти воду. Иногда удавалось перепрыгнуть, перешагнуть или воспользоваться брошенными в воду в виде мостков камнями, приходилось пробираться и вброд. Обувь не снимали, все равно промокли насквозь.

В Ту́куче мы пришли в субботу — единственный выходной день в Непале. Зато праздников в году здесь около пятидесяти. В Тукуче нет административных учреждений. Школа, три небольших храма и футбольное поле — вот, пожалуй, и все общественные сооружения. А место это удивительное. Иногда его называют деревней, иногда городом. Для деревни оно слишком велико, а для города слишком изолировано от внешнего мира. Ни кинотеатров, ни каких-либо производственных мастерских. Это большой перевалочный и торговый пункт, крупнейший центр коренных жителей этих мест — тхакали. Район верховьев Кали-Гандаки называется здесь Тхак. Отсюда — название народности. Тхакали — одна из самых малочисленных этнических групп Непала. Их всего около четырех тысяч. Живут они в основном в верховьях Кали-Гандаки — в районах Мустанга и Маманга.

Ученые полагают, что тхакали и этнически близкие им шерпы мигрировали в Непал из Тибета в средние века. У тех и других большое сходство в языке и обычаях, не говоря уже о внешнем облике: плоские широкие носы, высокие скулы, узкие монголоидные глаза. Значительная часть тхакали занята торговлей, в которой они весьма преуспели. Есть среди них владельцы ресторанов, гостиниц в Покхаре, тераях и даже в Катманду. Не отстают от мужчин и женщины: многие содержат небольшие бхатти, где к вашим услугам не только даль-бхат-таркари и чай с молоком, но и ракси, и чанг (местное пиво), а также ночлег.

Таким занятиям способствовали два обстоятельства: зона обитания тхакали — на самом удобном караванном пути между Тибетом и Индией — и суровые клима-

тические условия, мало благоприятствующие развитию земледелия.

Тхакали подразделяются на четыре экзогамных клана. Каждый имеет свое название: Гаучан, Тулачан, Шерчан и Бхаттачан. Остатками древних тотемов являются боги — покровители каждого клана: Слон, Дракон, Лев и Як.

В Тукуче дома большие, прочные, каменные, двух-трехэтажные. Крыши плоские. Обычно на них хранят дрова.

Такой дом и у Рам Бахадура Шерчана. Он состоит из нескольких помещений. Каждое обрамляется двумя рядами крытых галерей, которые, смыкаясь, выходят во внутренний двор, окаймляя его с четырех сторон. Вход во двор — через арочные ворота. Нижний этаж занимают хлев, кладовая, здесь же место, служащее уборной.

Наверху — жилые помещения. Комнат много: и для семьи, и для постояльцев, и для гостей. Семья у Рам Бахадура большая: старики-родители, семеро детей, два младших брата и три незамужние сестры. Беспокоиться им нечего: замуж они выйдут — мужчин в Непале почти столько же, сколько и женщин. А брак равнозначен долгу.

Раньше самой распространенной формой заключения брака среди тхакали было умыкание. Друзья жениха похищали девушку и прятали ее до тех пор, пока родители не признавали брак заключенным.

В наши дни в связи с тем, что тхакали нередко принимают индуизм, а следовательно, и индуистскую обрядность, браки имеют иную форму: родители сами выбирают жениха или невесту своим детям. Свадьба празднуется в соответствии с индуистскими ритуалами. Естественно, что к традиционным брачным обрядам добавляются сугубо национальные — тхакальские.

Средний уровень жизни тхакали выше, чем у других народностей Непала. Многие жители Тукуче, например, имеют собственные дома еще и в других местах, даже в Покхаре и в Катманду. Они держат овец и лошадей, выращивают ячмень и овес. Надо сказать, что тхакали не только скотоводы, торговцы, бизнесмены, они и

воины. Последнее обстоятельство явилось для меня некоторой неожиданностью, поскольку принято считать, что контингент гуркхских полков состоял главным образом из магаров, гурунгов и раи. И вот, путешествуя по Западному Непалу, во всех тхакальских деревнях я встречала немало бывших солдат британской армии. Многие из них побывали в Англии, Гонконге, Сингапуре, Малайе и Бирме. Теперь они получают от английского правительства пенсию — в среднем семьдесят рупий в месяц. Дети многих пенсионеров тоже нанимаются в солдаты.

Тукуче считается воротами в Центральную Азию. Это поселение поразило нас не только своими размерами, добротностью домов, зажиточностью обитателей, но и местоположением, а также пейзажем, который здесь открывается.

Тукуче расположился в уникальном месте, на почти плоском берегу Кали-Гандаки, на дне ущелья. Ему не тесно между высоченными скалами, за которыми поднимаются к небу огромные вершины Главного Гималайского хребта. На востоке высится Аннапурна, на западе — Дхаулагири.

В 1951 г. швейцарский геолог Тони Хаген по заданию ООН приступил к изучению Гималаев. Семь лет провел он в Непале. За эти годы он исходил всю страну с запада на восток и с юга на север — в общей сложности четырнадцать тысяч километров. Мало кому из европейцев, да и непальцев, удалось так хорошо узнать страну. Исследуя район Тхак, Тони Хаген определил, что к северу от Тукуче на тридцать пять километров тянется глубочайшее ущелье мира.

Расстояние между вершинами Аннапурны (высота восемь тысяч семьдесят восемь метров) и Дхаулагири (восемь тысяч двести двадцать один метр) составляет менее тридцати пяти километров. Долина же Кали-Гандаки лежит на высоте тысячи ста метров. Нетрудно понять, почему это ущелье считается самым глубоким в мире. Хаген полагает, что когда-то долина Тхаккхолы (название Кали-Гандаки в этой ее части) была наполнена водами огромного тектонического озера, которое образовалось в результате подъема Больших Гималаев.

Женщины стирают белье прямо на улице

У нас было какое-то странное ощущение полной оторванности от всего мира, нереальности. Никто из нас, даже Умакант Мишра, не мог себе представить, что мы когда-нибудь окажемся в краю таких удивительных торжественно-мрачных пейзажей, в этом удивительном ущелье.

Долгий и нелегкий путь начинал сказываться. Умаканту нездоровилось, он жаловался на усталость, головокружение. Ему было плохо, и он просил нас оставить его в Тукуче, а самим идти дальше. Умаканту хотелось выспаться, подлечиться, окрепнуть. Он сказал, что будет ждать нашего возвращения.

Конечно, было грустно видеть Умаканта больным. Пожалуй, это больше усталость, чем болезнь. Понимали — ему необходим отдых. Лучше места, чем Тукуче, для этого не будет.

Мы оставили Умаканту еду, теплые вещи, деньги, тепло простились с ним и тронулись в путь. Умакант провожал нас до окраины Тукуче.

Не беспокойся, Умакант! Скоро вернемся!

Шагаем, время от времени оглядываемся назад. Фигура Умаканта со шляпой в руке становится все меньше и меньше. Вот она совсем пропала из глаз...

Джомсом. Последний бросок

Мы шли довольно долго, как вдруг справа от нас, на другом берегу реки, увидели на полуострове небольшое поселение, а чуть в стороне от него буддийский монастырь. Охваченные любопытством, перешли через мост и вошли в деревушку под названием Цзерок. Здесь живут тибетцы. Два ряда домов окаймляют узкую недлинную улицу. Дома маленькие. Вид у них такой, что можно подумать: либо они построены давным-давно и с тех пор не ремонтировались, либо сработаны кое-как, наспех, из бросового материала. Деревня пустынна. Женщины заняты по хозяйству, мужчины ушли на заработки. Немногочисленные прохожие при встрече проявляют к нам живой интерес.

Тибетцы окружают нас, они пристально рассматривают наши костюмы. Вот старуха-тибетка, одетая в традиционное длинное черное платье — *чуба*, похожее на сарафан из грубой ткани, поверх которого повязан как непременный аксессуар прямоугольный передник в нарядную цветную полоску. Она вплотную подходит ко мне и начинает крутить блестящие пуговицы на моей куртке и простенькое серебряное колечко на пальце. Старуха замечает, что одной пуговицы не хватает. Она, с трудом подбирая непальские слова, говорит:

— Нехорошо так... Холодно... Там ветер... Как пойдешь?..

— Что поделаешь! Разве найдешь пуговицу... в Гималаях! Как-нибудь дойду... — отвечаю я.

Некоторые предприимчивые жители деревни скрываются в домах и вскоре возвращаются с «товаром». Они пытаются продать нам *мани* («молитвенную мельницу») — вертушку, вращая которую они бормочут свои молитвы и заклинания, изображения Будды, бусы из грубых красных камней — они называют их кораллами, кусочки бирюзы и даже «бога».

— Купите бога! — настаивали они. — Это очень хороший бог.

А бог был всего лишь увесистым камнем, гладким и отполированным многими руками.

— Как же можно продавать бога?! — спросила я.

— Ничего. У нас их еще много, — ответили мне.

Из всего того, что нам предлагали, мы не могли купить ничего, хотя там были любопытные вещи. Мы просто не имели денег. Простившись с настойчивыми «коммерсантами», Дэниэл и я направились дальше, к монастырю Цзерок.

Он невелик. В нем всего восемь лам, то есть учителей, наставников, священнослужителей, и около трех десятков послушников. В последнее время уединение обитателей монастыря нарушилось строительством госпиталя. Оно велось государством.

Нас встретил старик — настоятель монастыря, назвавший себя индийским именем Чандра. Сухое легкое тело замотано в темно-вишневое одеяние, бритая голова, желтоватая кожа, узкие раскосые глаза. Старый настоятель был любезен. Он показывал свои владения: двор, пристройки, службы и храм. Храм выглядел небольшим, но, когда мы вошли внутрь, главное помещение было весьма внушительного размера. Его центральная стена, играющая роль алтаря, сплошь была заставлена полками и подставками, на которых стояли изображения всевозможных божеств ламаистского пантеона: сидящий в раздумье Будда Шакьямуни (тот самый принц Сиддхартха из Лумбини); бодхисаттва Манджушри с книгой и лотосом в одной руке и мечом — в другой; одиннадцатиголовый Авалокитешвара — одно из самых почитаемых буддистами божеств, сострадатель и миротворец; сидящий на троне величественный Майтрейя — грядущий будда...

Кроме скульптур храм был заполнен ритуальными атрибутами: барабанами, бронзовыми всех размеров *дордже* *, мани и т. д.

По стенам висели яркие картины, изображающие рай, загробный мир, «портреты» страшных демонов и божеств в их зловещих и внушающих суеверный ужас ипостасях, а также сложные, безупречно вычерченные геометрические построения с обязательными концентри-

---

* Дордже *(тиб.)* — символическое изображение переплетенных молний, магическое оружие ряда божеств.

ческими кругами, долженствующие изображать планы небесных дворцов небожителей.

Первые из картин называются *танка*, вторые — *мандала*. И те и другие выполняются на бумаге, коже и шелке.

В храме стоял полумрак. Где-то в углу примостился одинокий послушник. Он сидел на низкой скамеечке и, быстро водя пальцем по страницам, испещренным угловатыми, острыми тибетскими письменами, читал толстую книгу. Рядом с ним стопкой стояли такие же тяжелые, форматом примерно 30×40 сантиметров, фолианты в потемневших от времени и утративших свой первоначальный цвет кожаных переплетах или с обложками из дерева.

По знаку старого ламы послушник встал и подошел к нам. Сдержанно, но почтительно поклонился.

— Это мой воспитанник Лопсанг, — сказал настоятель. — Ему тринадцать лет. Он очень прилежен, и я надеюсь, что со временем станет достойным украшением нашей обители.

И лама Чандра попросил мальчика почитать нам кое-что из священных книг. Лопсанг послушно раскрыл толстый фолиант и, найдя какой-то отрывок, начал читать. Книги, которые он изучал, входили в состав двух знаменитых канонических сборников — «Ганджур» и «Данджур».

Эти сборники составляют 333 тома. «Ганджур» содержит основные положения буддизма, тексты и изречения, якобы принадлежащие Будде; «Данджур» включает комментарии к священным текстам, высказывания знаменитых буддистов, бесчисленные предписания всем, исповедующим буддизм, трактаты о различных науках и искусствах и даже тексты, относящиеся к художественной литературе древности. Многие из этих произведений носят не оригинальный характер, а являются переводами с санскрита, пали, китайского и некоторых других языков.

Мальчик читал четко, громко, быстро, с выражением до тех пор, пока лама не остановил его. Казалось, ему очень нравится читать вслух.

— А я и писать умею, — сказал юный монах. — Хотите, я напишу вам что-нибудь?

Мы достали лист бумаги, и Лопсанг аккуратно на-

писал на нем несколько слов, в том числе и свое полное имя.

— *Яхбуду*! («Хорошо!») — сказали мы по-тибетски.

Пока мы находились в храме, я насчитала двадцать крупных фигур ламаистских божеств. Все это работы старых мастеров из бронзы и серебра. Детали некоторых позолочены. Каждая скульптура казалась настоящим шедевром, который мог бы украсить коллекции знаменитых музеев мира.

Вслед за ламой вышли из храма. Теперь при ярком солнечном свете мы разглядели маленького Лопсанга как следует. Его бритая голова казалась отполированной и блестела на солнце. На нем была желтая рубаха с короткими рукавами, красного цвета юбка до щиколоток и толстые войлочные чувяки на ногах.

Хозяева предложили нам осмотреть внутренние помещения. Поднявшись по узкой деревянной винтовой лестнице наверх, мы очутились в длинной комнате, где на столах, подставках, сундуках и прямо на полу громоздились среди пыли и хлама ритуальные музыкальные инструменты, танка, церковные знамена и мандала всех видов и размеров, дордже, мани, кадильницы, канделябры, лампады, золотая и серебряная утварь, будды, бодхисаттвы, наводящие ужас «хранители веры» — *докшиты*, многоликие и многорукие, и другие бесчисленные члены громоздкого ламаистского пантеона. Монастырь Цзерок оказался хранилищем поистине огромных богатств.

Старый лама дал нам возможность полюбоваться этими сокровищами. Лицо его было бесстрастно, но чувствовалось, что он доволен тем впечатлением, какое они произвели на нас. Еще бы! Изредка в столичных газетах мелькали сообщения о том, что из такого-то храма похищено бронзовое изображение такого-то божества. Помимо оскорбления религиозных чувств верующих, такие кражи наносят материальный ущерб. Надо ради справедливости сказать: верующие в Непале слишком почитают свои святыни и подобное святотатство здесь редко.

Мне казалось, что мы побывали за кулисами, в том мире, где подготавливается пышный театральный спектакль — религиозные церемонии.

Во дворе нас окружили тибетцы. Опять стали пред-

лагать нам свои «товары». Они щупали мою куртку и приговаривали:

— *Яхбуду!*

— Знаешь что, — предложил вдруг Дэниэл, — давай-ка подарим им что-нибудь.

— Давай! Но только что?.. Может быть, вот эту флягу?

Пожалуй, это была наша единственно приличная вещь, которую не стыдно было подарить гостеприимным хозяевам.

Я сняла висевшую у меня на шее новенькую голубую флягу и вручила ее будущему преемнику ламы Чандры — Лопсангу. Тот долго внимательно ее рассматривал и остался очень доволен.

Вспоминая монастырь Цзерок, мы шутили: может быть, наша фляга заняла достойное место среди его сокровищ.

Несмотря на большое сходство во внешнем облике непальских поселений, расположенных в пределах одного этнокультурного района, каждое из них и похоже на своих собратьев, и в то же время несет на себе черты своеобразия, я бы даже сказала, неповторимости. Это ощущение вновь подтвердила встреча с последним крупным населенным пунктом перед Джомсомом.

Среди голых скал над разливающимся руслом Кали-Гандаки перед нами вдруг предстало удивительное поселение. Удивительным оно казалось благодаря необычно белым каменным домам. Таких ярких белоснежных стен мы еще нигде не видели. Казалось, здешние жители хотели, чтобы их дома были ярче самих ослепительных белоголовых Гималаев. А, может быть, яркой белизной своих жилищ они пытались компенсировать аскетическую суровость окружающего ландшафта?.. Ведь вокруг не было ни кустика, ни травинки — только скалы да небо.

С древних времен жители Непала умудряются жить в гармонии с природой. Они многое заимствуют у нее. Вспомним пагоды, непали топи, танцы гурунгов... Нельзя не восхищаться их трогательным отношением к животным и растениям. Я не говорю об уходящем корнями в индуистскую древность религиозном почитании

коров и змей — это само собой. Но кроме анималистских поклонений воронам (*каг-тихар*), собакам (*кукур-тихар*) в великий праздник Дасайн, кроме заботливого отношения к исчезающим в тераях носорогам (их увековечили на сигаретной фабрике выпуском сигарет под названием *Гайнда* — «Носорог»), кроме всего этого в статус национальных символов официально возведены похожая на фазана птица данфе (*Lophophorus*) — с султанчиком на голове, а также прекрасный алый рододендрон лали-гуранс (*Rhododendron arboreum*). О том, что данфе и лали-гуранс — национальные символы, написано в конституции Непала, в предварительной главе сразу же вслед за определениями конституции, нации, государства, государственного языка и описанием национального флага.

Но вернемся в белокаменное поселение. Как уже было сказано, здесь много необычного. В разные стороны от главной узкой улицы извилисто разбегались узенькие кривые улочки. Белье сушилось прямо над головой, между домами. Дэниэлу эта картина напомнила неаполитанские кварталы... По обочинам мощеных улиц были прорыты маленькие каналы — своеобразная водная система. Дэниэл сказал: «Маленькая Венеция...» Но самым удивительным было название этой тхакальской Венеции — Марфа. Как напоминание о Родине...

В Марфе тоже жили тхакали и тоже зажиточно. Солидно выглядела местная восьмилетняя школа. Она стояла чуть в стороне от Марфы, на открытом, огороженном невысокой стеной участке. В ней были чистые светлые классные комнаты с наглядными пособиями, плакатами, картами. Здесь же находилась хорошая библиотека. Молодой учитель с гордостью показывал нам свою новую школу — и, право же, его вполне можно было понять.

Все, решительно все удивляло и радовало нас в Марфе. Даже бхатти с громким названием «*Нильгири павитра хотель*» («Священный отель Нильгири»). Нильгири — значит «Голубые горы». Этим древним именем называлась знаменитая горная цепь. «Отель», разместившийся в одной половине помещения, отделенной от очага, предлагал не только уже набившие оскомину рис и яйца вкрутую, но и сладкие воздушные лепешки нескольких сортов и кое-что из тхакальской кухни, в

частности вкусную *тукпу* — нечто вроде густого супа: отварное мясо с мучными клецками.

Во время завтрака в «отеле» к нам за столик подсел уже знакомый нам молодой учитель и повел беседу о жизни здесь и в других районах Непала, о своей высокой миссии, о политике и религии. Под конец он признался, что в бога не верит и в храм не ходит. Это было очень смелое заявление. Чтобы оценить его по достоинству, нужно учесть, что, как уже говорилось, в Непале религиозны почти все, наверное, девяносто девять и девять десятых процента населения.

Воспитание, окружение, пропитанная религией материальная и духовная культура страны, наконец, традиции и даже просто привычки заставляют непальца придерживаться своей веры. Рождение и первое кормление рисом, совершеннолетие и вступление в брак, кончина — все эти вехи человеческой жизни сопровождаются непременными религиозными обрядами. Большие праздники: рождение Будды и поминовение предков, Дасайн, кульминацией которого является День победы богини Дурги над демоном Махишей, Бхаи-тика — Почитание братьев, празднества в честь Индры, Шивы, Рамы и других богов и божеств индуистского пантеона, а также великое множество других — индуистских и буддийских, общенепальских и местных, — неизбежно вовлекают в свою орбиту всех непальцев. Старые и молодые, индуисты и буддисты, неграмотные и образованные, бедные и богатые не могут не исполнить свой долг перед предками, не могут не принять участия в Бхаи-тике (даже одинокие находят себе названых братьев и сестер), не могут не пойти в храм к богу-покровителю и не попросить у него отпущения грехов или исполнения желаний. А уж если непалец случайно оказался у наиболее почитаемых святынь, таких, как пагода Шекхар Нараян в Фарпинге, пагода Белого Мачендранатха и пагода Маханкал в Катманду, храм Кришны в Патане, буддийские ступы-гиганты Бодхнатх и Сваямбхунатх, наконец, знаменитый Пашупатинатх, Мекка для индуистов-шиваитов, то тут грешно было бы не воспользоваться таким случаем и не поклониться божеству, чтобы заодно получить его благословение.

Повторяю, сам уклад жизни, воспитание и народные традиции оставляют даже у скептически настроенных и

образованных непальцев лазейку для веры: в сердцах — место для религиозного чувства, а в душах — привычку соблюдать религиозные обряды.

Вот почему так удивили меня слова молодого учителя, горячо произнесенные им в темном «зале» за самодельным столиком в скромной бхатти с пышным названием «Священный отель Нильгири».

Перевалив через горы, мы оказались по ту сторону Дхаулагири и Аннапурны, на Тибетском нагорье. Стоило нам выйти за пределы Марфы, как мы остановились, потрясенные представшей перед нами картиной. Увидели сапфирно-голубой купол неба. Цвет его поразил нас. Во время своего пребывания и путешествия по Непалу я видела разное небо. То затянутое черными тучами и закрытое густой вуалью тумана, когда его в общем-то и не видно и не поймешь, где кончается земля и где начинается небо; то веселое, на котором играют легкие белые облака, шаловливо принимающие форму снежных гор; то бархатное ночное, затканное звездами; то темнеющее в сумерках, с отблесками дивных ярких золотисто-лиловых красок, которым распоряжаются близнецы Ашвины, боги сумерек; то омытое дождем стальное небо, на котором натянут «Лук Индры» — «Индрадхануш» (радуга); то нежное, в розовых лучах рассвета небо богини зари Ушас.

Но такого неба, как здесь, я еще не видела нигде. Дэниэл как-то говорил мне, что над Тибетом оно очень чистое, голубое. И вот голубой купол над нами.

Зрелище неповторимое. Позади нас, до селения Марфа было небо как небо, самое обычное, такое, как всюду. Но впереди, над долиной Кали-Гандаки, над виднеющимися на севере голыми скалами и снежными пиками висело яркое, чистое, сапфирово-бирюзовое небо.

Пейзаж и краски были совершенно фантастическими: желтые скалы с черными тенями и сапфирово-бирюзовое небо... Все это напоминало театральные декорации. Как зачарованные, стояли мы и смотрели на этот безмолвный, прекрасный, пустынный мир. Затем пошли дальше на север. А фантастическое небо наплывало все ближе и смыкалось над нами...

Слева стали попадаться скалы с зияющими на большой высоте пещерами. Когда-то в них обитали буддийские монахи. Потом они покинули свои кельи, и теперь их жилье пустует.

Каким путем попадали в эти недоступные обители люди? По приставным лестницам.

Пустынными оказались не только пещеры в скалах, но и небольшое поселение Шьянг (или Шанг), похожее на крепость. Каменные дома уступами спускались вниз, и плоские крыши их ярусами увенчивали панораму крепости. Над каждой крышей на специальном флагштоке колыхались на ветру белые узкие шелковые полотнища, а кое-где пушистые хвосты гималайских лисиц и волков. Шьянг имел вид типично тибетского поселения.

Мы медленно двигались между домами. Шьянг казался вымершим. По приставной лестнице, вырубленной из цельного ствола дерева (ступени не «сквозные», а высеченные в стволе), мы взобрались на крышу одного дома. В углу были сложены дрова и хворост. По другой лестнице я спустилась во внутренний двор, заглянула в открытую дверь — нигде ни души.

Куда же девались люди? Судя по внешним приметам, Шьянг был покинут недавно. Может, жители ушли на молебен в Муктинатх? Но ведь кто-то должен был остаться дома: дети, старики и те, кому поручено присматривать за хозяйством?

Перебрались на летние пастбища? Но в селениях, расположенных на этой тропе, скотоводством почти не занимаются. Можно было еще предположить, что Шьянг служит временным пристанищем для караванов, большим караван-сараем, но это было маловероятно: слишком уж хорошо оборудованы жилища, приспособленные для капитального ведения хозяйства и для оседлой жизни.

С крыши, на которую мы поднялись, были видны разновысокие площадки таких же крыш да чортэны вокруг Шьянга. В этом «мертвом» городе нам было как-то не по себе. Кто знает, может быть, в пустых домах обитают теперь злые *докшиты*? В это нетрудно было поверить, так как, только мы покинули Шьянг, за его стенами нас подхватил ураганный ветер и понес по направлению к Джомсому. Стоило больших усилий

удержаться на ногах. Ветер начинает здесь дуть с десяти часов утра и лишь к вечеру успокаивается. Переход от Шьянга до Джомсома я назвала «Пустыней безумных ветров». Представьте себе, что вам предложили прогуляться внутри аэродинамической трубы. Тогда у вас будет некоторое представление о том, какой ценой цались нам с Дэниэлом последние километры пути.

Перед заходом солнца в тот же день мы добрались, наконец, до Джомсома. Его называют еще Джомосом и Джумасумбха. Это был северный предел нашего маршрута, пограничный пункт, о чем нам не преминули напомнить офицеры, проверявшие наши документы на контрольном посту. Делали они это особенно долго и тщательно.

В Джомсоме размещался военный гарнизон. Это северный бастион зоны Дхаулагири, одной из четырнадцати крупных административных единиц, на которые разделен Непал. Здесь есть медпункт, существованием своим обязанный наличию гарнизона, маленькая бхатти, носящая, конечно же, титул «ресторана», лавки и несколько десятков домов, в которых живут тхакали и бхотии — тибетцы, много веков назад осевшие на севере Непала.

В отличие от других поселений Джомсом выглядел не компактным, а растянутым и разбросанным. Он разделен на две части рекой. Перед самым Джомсомом на неровной площадке, служившей аэродромом, лежали останки небольшого самолета, потерпевшего катастрофу в 1970 г. «Аэродром» с тех пор не действовал.

К сожалению, судьба этого самолета не единична. В мае 1975 г. в Непале разбился небольшой спортивный самолет. На борту его были Луиза и Белинда Хиллари, жена и дочь первого покорителя Эвереста Эдмунда Хиллари. Сам сэр Хиллари был в то время в лагере. Он инструктировал экспедицию японских альпинисток, восхождение которых завершилось победой тридцативосьмилетней Юнко Табей, поднявшейся на Эверест.

Джомсом один из самых высокогорных населенных пунктов Непала (высота две тысячи восемьсот метров над уровнем моря). Покхара лежит на две тысячи метров ниже. Если Покхара является наиболее влажным районом Непала — три тысячи пятьсот четыре миллиметра осадков в год (хребты Аннапурны и Дхаулагири

задерживают на своих южных склонах муссонные потоки), то Джомсом — самый сухой район страны — те же хребты загораживают его от влажных потоков воздуха с юга.

Такая разница в климате особенно удивительна, если иметь в виду, что по прямой расстояние между Покхарой и Джомсомом всего пятьдесят километров. Но прямой путь только на карте. Тропа куда длиннее!..

Несмотря на почти трехкилометровую высоту, на которой он расположен, Джомсом казался лежащим в низине благодаря все тому же эффекту: окружению высоких гор. Они как бы замкнули его со всех сторон. Это было похоже на край света. Но дальше, к северу, на высоте четырех тысяч метров лежало бывшее княжество Мустанг. Ныне оно входит в состав Непала в качестве дистрикта административной зоны Дхаулагири. Территория Мустанга — тысяча двести семь квадратных километров. Население всего восемь тысяч человек. Столица Мустанга — Ло-Мантанг * с полуторатысячным населением. В княжество входят еще два города и двадцать три деревни. В средние века Мустанг был вассалом Тибета. Княжеством правила династия Дордже. До сих пор Мустанг остается самым отсталым районом Непала.

Нам так хотелось увидеть Мустанг. Но в то время посещение его, тем более иностранцами, было запрещено. Лишь считанным путешественникам посчастливилось получить разрешение.

К востоку от Джомсома лежал святой Муктинатх со своим великим храмом богини Огня Джвала Маи, ста восемью декоративно оформленными источниками, буддийскими святилищами и особенно почитаемой главной святыней — вечно горящим пламенем. Этот-то чудо-огонь, считающийся проявлением всемогущества божества, и сделал Муктинатх таким священным и притягательным местом паломничества для тысяч индуистов. В действительности же феномен объясняется просто: в недрах этого района — природный газ.

Чудо-храм был для нас недоступен. А ведь всего день перехода — и можно было быть в Муктинатхе. Но

---

* Сейчас официальное наименование столицы Мустанга — Мустанг.

мы хорошо понимали, что это невозможно: вход в эту святая святых открыт «только для хинду», то есть для индуистов. Так что волей-неволей мы должны были возвращаться. Наш путь подошел к концу. Да и о Мишре следовало подумать.

Что ж, мы сделали все, что могли. Цель была достигнута, по крайней мере, доступная цель...

А встреча с Мустангом, правда косвенная, у нас все же состоялась.

Это случилось, когда, изнемогая от усталости и голода, стараясь хоть как-то удержаться на ногах от страшных порывов ветра, забрели мы в маленький тибетский «ресторанчик» (типичную бхатти), одиноко стоящий на окраине Джомсома, недалеко от печального «аэродрома». Мы сидели, наслаждаясь покоем и горячей тукпой. Вдруг послышался конский топот. Возле «ресторанчика» топот стих. Всадники спешились. Дверь с шумом распахнулась, и к нам буквально ввалились трое мужчин. Они были одеты в богато украшенные тибетские костюмы. Хозяин почтительно приветствовал гостей и усадил их за наш стол. Тибетцы в своих нарядных одеждах, в бархатных, отороченных мехом шапках шумно расселись. Они были веселы. Так веселы, что, похоже, здесь без спиртного не обошлось. Это подтвердилось: они сказали нам, что в Дане выпили отличного ракси. Один из них, видимо их предводитель, своей непосредственностью, жизнерадостностью вызвал у меня неподдельный восторг. Он громко смеялся, вытирал губы рукавом, целиком заглатывал большие куски мяса. Дэниэлу этот колоритный тибетец тоже понравился, несмотря на то что, все время раскачиваясь на лавке и жестикулируя, тибетец случайно вылил часть своей тукпы на костюм Дэниэла. Этого человека звали Гюрме Ринцин, ему 29 лет, у него трое детей. Из разговора мы поняли, что перед нами зять махараджи Мустанга, бывшего правителя, здравствующего и поныне. Мы всячески старались проявить по отношению к нему сдержанность и почтительность, как это подобает на Востоке при общении с особами высокого сана.

Но зять бывшего правителя был настроен так благодушно, что не соблюдал никакого этикета в разговоре

с простыми иноверцами. В тот момент ему попросту было наплевать на какие-то там церемонии.

Этим, пожалуй, стоило воспользоваться. Я попросила у него автограф. Бумаги под рукой не оказалось, и Дэниэл предложил коробку из-под сигарет «Аша». Разломав ее, зять махараджи Мустанга вывел на внутренней стороне витиеватую подпись. Этот автограф хранится у меня до сих пор. Рядом рукой Дэниэла по-английски написано: Gyurme Rinzin.

Гюрме Ринцин и его спутники очень спешили. Они хотели добраться в Мустанг до наступления ночи. Мы вышли проводить их. Я сфотографировала всех троих верхом, но уже сгущались сумерки, и кадр, к сожалению, получился довольно темным. Гюрме приглашал нас в Мустанг, но, узнав, что мы без визы, лишь огорченно вздохнул и добавил, что в таком случае даже он не сможет ничем нам помочь. Очевидно, он не желал осложнять отношения с непальским правительством.

Мы раскланялись, Дэниэл и Гюрме Ринцин похлопали друг друга по плечу, наездники стегнули коней и, взметнув пыль, умчались на север.

Возвращение

От Покхары до Джомсома мы добирались целую неделю, пройдя при этом через зоны Гандаки и Дхаулагири и миновав несколько климатических поясов.

Возвращение в Покхару заняло у нас тоже неделю. И хотя с каждым шагом мы приближались к дому, нельзя сказать, что обратный путь давался нам легко. Здесь были моменты, полные драматизма. Сейчас, спустя много времени, наше возвращение представляется мне в трагикомическом свете. Тогда же были минуты отчаяния и даже не верилось, что все кончится благополучно.

У нас по-прежнему было туго с деньгами. Возвращаясь из Джомсома, мы с Дэниэлом были так голодны, что в Марфе, в том самом «Священном отеле Нильгири» устроили настоящий «пир» на восемь с половиной рупий. Теперь в «казне» оставалось всего полторы рупии. Когда у нас уже не было ни гроша, десять рупий нам любезно одолжил в Джомсоме один канадец. Он

преподавал математику в привилегированном колледже в индийском городе Гвалиор.

В то время в колледже были каникулы, и он путешествовал по субконтиненту со своим носильщиком. Носильщик был ему тем более необходим, что канадец сломал руку. На гипсовой повязке он просил оставить свой автограф каждого, с кем встречался в пути. Тут мы нашли автограф и нашего знакомого — Гюрме Ринцина. Преподаватель математики попросил нас тоже пополнить его коллекцию, и мы с удовольствием сделали это. Так что рядом с подписью Гюрме Ринцина поставили свои и Дэниэл и я. По возвращении в Катманду мы отправили канадцу деньги по адресу, который он нам дал.

... В Марфе мы полюбовались росписью внутренней части арочных ворот, чего не успели сделать в первый раз.

... В Тукуче нас поджидал Умакант. Он выглядел посвежевшим, но сильно похудел за это время. Мы с Дэниэлом еще больше уверились, что поступили правильно, оставив его здесь.

Шагали по размытому, скользкому широкому руслу, не разбирая дороги, и возле Лете у реки я упала в грязь. В деревне пришлось задержаться — необходимо было обсушиться и немного отдохнуть.

... Умаканту снова стало плохо. Его сильно знобило. Мы уложили его возле очага и накрыли всем теплым, что у нас было с собой. Отпаивали его крепким чаем, дали лекарства. Позднее, когда все уже было позади, я подумала, что положение Умаканта было гораздо серьезнее, чем мы тогда могли себе представить...

В том же Лете нам посчастливилось увидеть огромный ледник на Дхаулагири. Он казался таким близким, белоснежным и отливал голубизной...

В тибетской бхатти, той самой, где меня хотели купить, нас ждали сюрпризы. Один из братьев-хозяев протянул мне... серебристую пуговицу от моей куртки, которую я потеряла несколько дней назад. А я еще жаловалась старой тибетке, что такую пропажу не найти в Гималаях! Конечно, это мелочь, но приятная. Второй «сюрприз» был настоящим ударом. Дэниэл, смущаясь и стараясь не смотреть нам в глаза, неожиданно заявил, что должен покинуть нас. Оказывается, в Катманду

его ждут друзья, с которыми он должен поехать в Восточный Непал, в Илам. Все осложнялось тем, что друзья уже взяли отпуск, и Дэниэл боялся подвести их. Чувствовал он себя лучше, чем мы с Умакантом, и поэтому мог идти намного быстрее. Ситуация, в которой он оказался, была не из легких. Мы понимали это. Остаться с нами — значит опоздать к товарищам. Спешить к ним — значит бросить нас. Я сказала, что мы как-нибудь доберемся. Умакант молча согласился со мной.

Дэниэл простился с нами и легкой походкой быстро зашагал по тропе. Затем обернулся, помахал рукой и вскоре скрылся за нависшей над пропастью скалой.

Денег у нас оставалось совсем мало. Еще в Тукуче Дэниэл вынужден был продать свои швейцарские часы. В дорогу с собой он взял немного из того, что получил за них. Бо́льшую часть оставил нам.

После его ухода мы с Умакантом совсем приуныли. Жизнерадостный человек, неутомимый путешественник, Дэниэл был отличным спутником.

Умакант с трудом передвигал ноги, изнемогая под тяжестью рюкзака и спального мешка. Подъемы я тоже брала теперь с трудом. С сочувствием и грустью смотрела я на Умаканта...

Единственными встретившимися нам на пути людьми были паломники из индийской Айодхьи. Их было человек двадцать. Группа состояла из взрослых людей, совсем юных девочек и древних стариков и старух.

— Ситарам! — приветствовали они нас.

— Ситарам! — ответили мы.

Помогите им, могущественные Сита и Рама, а также Вишну, Шива и Парвати, совершив великое паломничество, живыми возвратиться в Айодхью, которой в древности правил царь Рама.

На вторые сутки, когда мы с Умакантом медленно брели по узкой, нависающей над Кали-Гандаки тропе, неожиданно из-за скалы показалась яркая желтая точка. Она увеличивалась в размерах и превратилась в элегантную фигуру человека, идущего налегке. Он быстро приближался. Не веря своим глазам, мы с Умакантом остановились... Широко улыбаясь, к нам шагал

в своей желтой рубашке и вишневом галстуке... Дэниэл.

Мы с Умакантом, казалось, уже свыклись с мыслью, что Дэниэл покинул нас. И уже не думали о его возвращении. И вдруг такая неожиданность!

От удивления мы застыли. К чувству радости примешивалась проснувшаяся обида. Мы ни о чем не стали расспрашивать Дэниэла и молча двинулись вперед. На ходу он подхватил мой рюкзак. Освободившись от груза, я ощутила необыкновенную легкость и зашагала быстрее. Захотелось побыть одной. Умакант оказался более отходчивым. Всю дорогу он оживленно беседовал с другом.

Почему все-таки Дэниэл вернулся? Я никогда не спрашивала его об этом. Может быть, он пожалел нас, больных и слабых? Умаканту он сказал, что ночью увидел нас во сне, а проснувшись, пошел нам навстречу...

Теперь мы опять вместе. На радостях мы осели в Татопани. Отдохнули, привели себя в порядок, подлечили немного Умаканта. В Татопани продали шерпскую куртку, пояс и шарф доброго Дэниэла.

Оставшийся путь был пройден без особых приключений, если не считать «застолья», которое устроили в Тиркхедхунге мои друзья, махнув рукой на «финансовый кризис».

... В Покхару мы пришли под вечер. Было пасмурно. Моросил мелкий дождь. Мы спустились с последнего холма и оказались на равнине. Вдали виднелись разбросанные дома города. Наконец-то мы снова в большом мире! К нашей общей радости примешивалась некоторая озабоченность: в карманах не было не только ни одной рупии, но и ни одной пайсы. Да и продать больше было нечего. Хорошо хоть добрались до Покхары! Как же теперь попасть в Катманду? Расстояние приличное: на машине — часов восемь, пешком — несколько дней.

Мы не знали, что предпринять. Совсем отчаявшись, зашли на окраине города в первую попавшуюся бхатти. Присели за столик. Очень хотелось согреться, отдохнуть, поесть. Вдруг неожиданно за моей спиной раздался голос. Кто-то обращался ко мне по-русски:

— Наташа, как вы сюда попали?

Умакант и Дэниэл остолбенели от изумления. Я то-

же. Передо мной стоял Бишну. Несколько лет он проработал вместе с советскими специалистами, за это время хорошо выучил русский язык. Бишну — человек толковый и деловой. Вскоре после нашего знакомства он сменил работу и исчез из виду. И вот эта встреча... Узнав о наших затруднениях, Бишну предложил нам в долг деньги и тут же выложил пятьсот индийских рупий.

Вечером он пригласил нас в гости к своему другу-неварy, а на ночлег устроил в своей будущей гостинице (которую строил в Покхаре на паях с двумя товарищами) — большом доме, уже подведенном под крышу, но без дверей и окон. Бишну ничего не взял с нас за «номер». Зато попросил придумать название гостинице, и мы предложили несколько вариантов на выбор.

Дэниэл и Умакант были в восторге от того, что фортуна нам улыбнулась, и называли меня своим ангелом (хотя спасителем был, конечно, Бишну). К тому же Бишну предложил нам места в своем такси-джипе до столицы. Нужно было только подождать, пока он укомплектует джип пассажирами. Ждать пришлось два дня. Мы наслаждались отдыхом — загорали на зеленом лугу, где стоял «Особняк Рыбохвостой», купались в Пхева-Таль, обедали в «Особняке», ужинали в отеле «Снежный пейзаж», затем даже перебрались туда жить (в «гостинице» Бишну нас мучили сквозняки). Наконец-то мы могли как следует выспаться. Последние четыре ночи во время нашего путешествия я не сомкнула глаз, так как все тело горело от укусов.

Умакант снова почувствовал недомогание. Мы упросили Бишну не откладывать отъезд, тем более что пассажиров он набрал предостаточно. Заплатили ему полтораста рупий за проезд и через восемь часов были в Катманду. Я часто вспоминала эту встречу в бхатти и с благодарностью думала: как много Бишну для нас сделал.

Дэниэл долго потом подшучивал надо мной и говорил, что со своей знакомой Бишну мог бы и не брать так дорого. Но бизнес есть бизнес. Бишну — предприниматель и своего не упустит. Но в то же время он очень добрый, отзывчивый, приветливый и веселый. Эти качества вообще свойственны непальцам.

Европейские путешественники по Азии немало писали об азиатской хитрости, непроницаемости, о лукавстве и скрытности. Жители Востока не жалели таких же эпитетов, описывая нравы и характеры обитателей Старого света. Думаю: нельзя о национальных чертах характера целого народа судить так категорично.

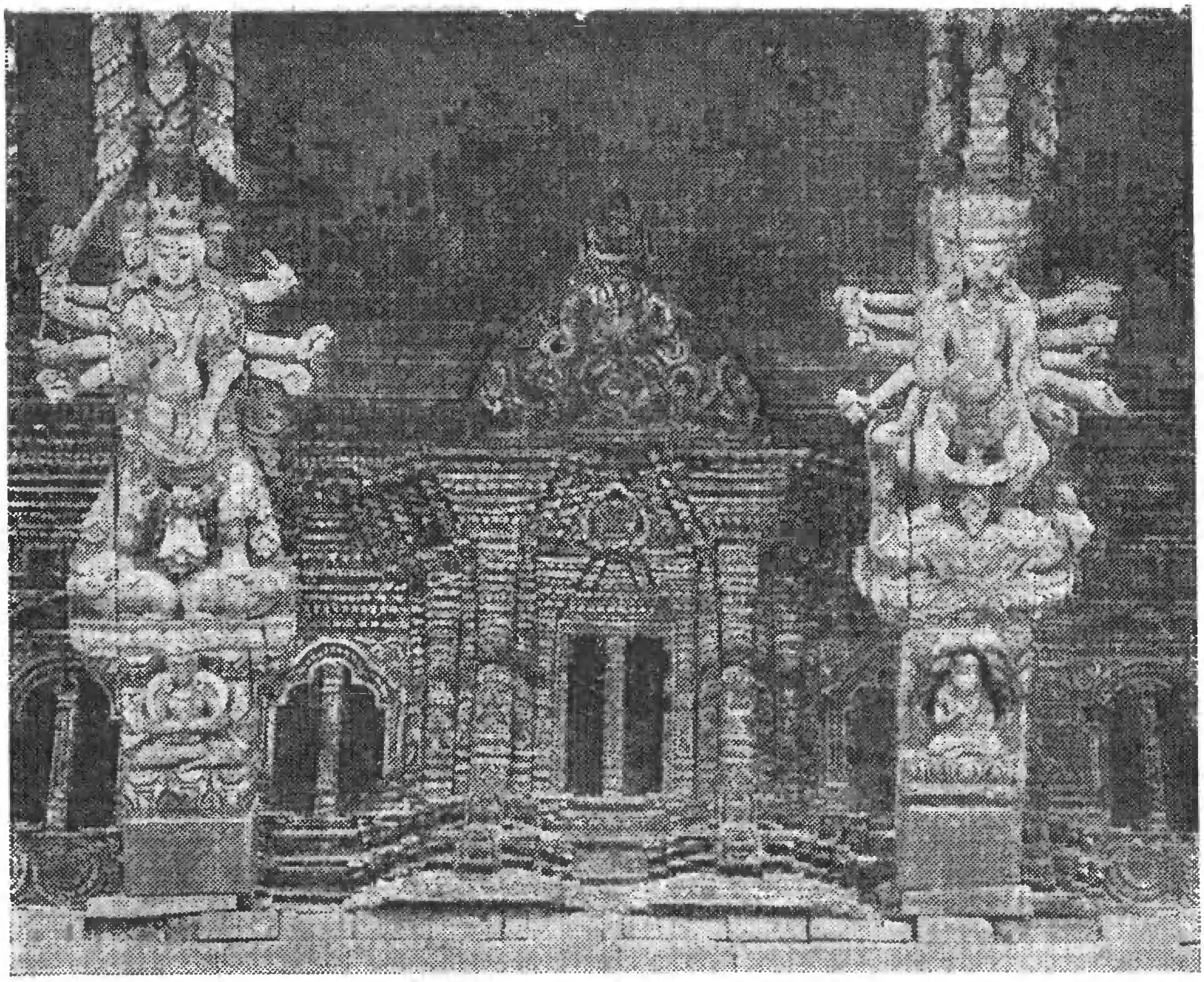
Бывали случаи, когда поведение непальца ставило меня в тупик. Порой он действительно производил впечатление человека скрытного: трудно было по бесстрастному лицу угадать его мысли и чувства. Сначала удивляли некоторые манеры, правила поведения. Например, просто улыбаться в знак благодарности, вместо того чтобы сказать «спасибо».

Помню, в час расставания на глазах у красавицы Шанты появились слезы... Я тогда не удержалась и поцеловала девушку. Шанта посмотрела на меня с изумлением: я забыла, что у непальцев не принято выражать таким образом свои чувства.

Нам это может казаться странным. Но разве мы не поражаем других своими странными, на их взгляд, манерами, привычками и понятиями? Например, непременными рукопожатиями при встрече и прощании, открытым выражением своих чувств на людях...

Непальцы сдержанны, как я уже говорила, в проявлении своих эмоций, в частности чувств благодарности. Они не станут многословно благодарить вас за услугу, клясться, что никогда этого не забудут, беспрестанно напоминать, что в долгу перед вами. Они просто всегда будут вас помнить и неназойливо проявлять к вам уважение, заботу, готовность помочь.

Они не злопамятны, не мстительны. Моя приятельница по кэмпусу в Трибхуванском университете швейцарка Ингрид рассказывала о своей длительной «войне» с семейством соседа-непальца, служащего университета. У него было трое малышей. Семья вставала рано, часов в пять утра, и с этого времени Ингрид не знала покоя. Дети шумели, взрослые громко разговаривали. Ни отдыхать, ни спать при таком шуме Ингрид не могла. Несколько раз она говорила об этом соседям. Они извинялись, улыбались, обещали, но... проходил день, и все повторялось. Однажды, не выдержав, Ингрид обратилась к ректору с просьбой помочь ей. Ректор пошел навстречу, и через некоторое время со-



Резные деревянные подпорки — характерная деталь пагод

седа с его шумным семейством переселили в другое место.

Изменилось ли отношение главы семейства к Ингрид после случившегося? Нет. Он по-прежнему был приветлив и даже приглашал ее в гости.

... Апрель 1977 г. — моя вторая поездка в Непал. Волновалась я перед ней не меньше, чем в первый раз. Увижу ли я старых друзей? Какие перемены ожидают меня? Непал встретил прекрасной весенней погодой. Было самое начало апреля: уже кончились зимние холода и еще не начались муссонные ливни. Часть полей была только-только вспахана после уборки зимнего урожая. Часть уже зеленела молодыми всходами.

В Катманду вокруг громадной зеленой площади Тундикхель, в самом центре города, пышно цвела пушистая мимоза, и в густой кроне экзотических деревьев *кальки* свисали кисти пунцовых цветов.

К моему великому огорчению, снежные вершины Больших Гималаев, которые в ясную зимнюю пору четко вырисовываются на горизонте к северу от Катманду, уже исчезли в тумане и низких облаках, и вряд ли их можно будет скоро увидеть.

Внешне город почти не изменился. Пожалуй, он стал чище. Выросли новые здания, в основном гостиницы. Ведь туристов в Непал с каждым годом приезжает все больше и больше. Построены новые автострады. Пущена линия троллейбуса. Недалеко от Катманду, в Бхактапуре, который, подобно столице и другому древнему городу Долины Патану, представляет собой город-музей, ведутся серьезные реставрационные работы.

Через шесть лет Умакант при встрече сказал мне:

— Знаешь, когда я вспоминаю наше путешествие, просто не верю в его реальность...

А недавно Дэниэл написал: «Я часто смотрю на фотографии, сделанные по пути в Джомсом... Не уверен, что смог бы сейчас идти по склонам Аннапурны на высоте трех тысяч метров.

Не представляю себе, как нам это тогда удалось...»

За время своего путешествия я встречалась с крестьянами тераев, говорящими на языках майтхили и бходжпури, неварами из Долины Катманду и Тансена, гурунгами, тхакали, шерпами, бхотиями и тибетцами. Это были жители юга, севера, Центрального и Западного Непала, люди разных возрастов, различных народностей и каст, исповедующие различные религии... Люди, с которыми свела меня судьба на караванной дороге в Мустанг...

Они остались в моем сердце, в моей памяти. Я тепло вспоминаю непальцев, их древнюю, суровую и прекрасную родину, имя которой Непал.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
В Большой Долине 6
Столица 6
У подножия Киртипурского холма . . . 36
Свадьба Бхавани 47
Города и люди Большой долины . . . 54
Зимняя поездка в лето 85
Через Гималаи 102
В тераях 102
Маленький город на красных холмах . . 115
Край золотистых плодов 119
Первые встречи в горах 131
Там, где живут гурунги 143
От Нау-Данры до Татопани 151
Земля Тхак 162
Джомсом. Последний бросок 172
Возвращение 184

Наталия Марковна Карпович

ДОРОГА В МУСТАНГ

(Из непальских тетрадей)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Э. О. Секар.* Младший редактор *Л. В. Исаева.* Художник *В. В. Локшин.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *Г. А. Никитина.* Корректор *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13287

Сдано в набор 26/IV—1978 г. Подписано к печати 11/X—1978 г. А-06561. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. № 1. Печ. л. 6. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,46. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4308. Зак. 349. Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 35 коп.